

МИХАИЛ ГОРДОНОВ

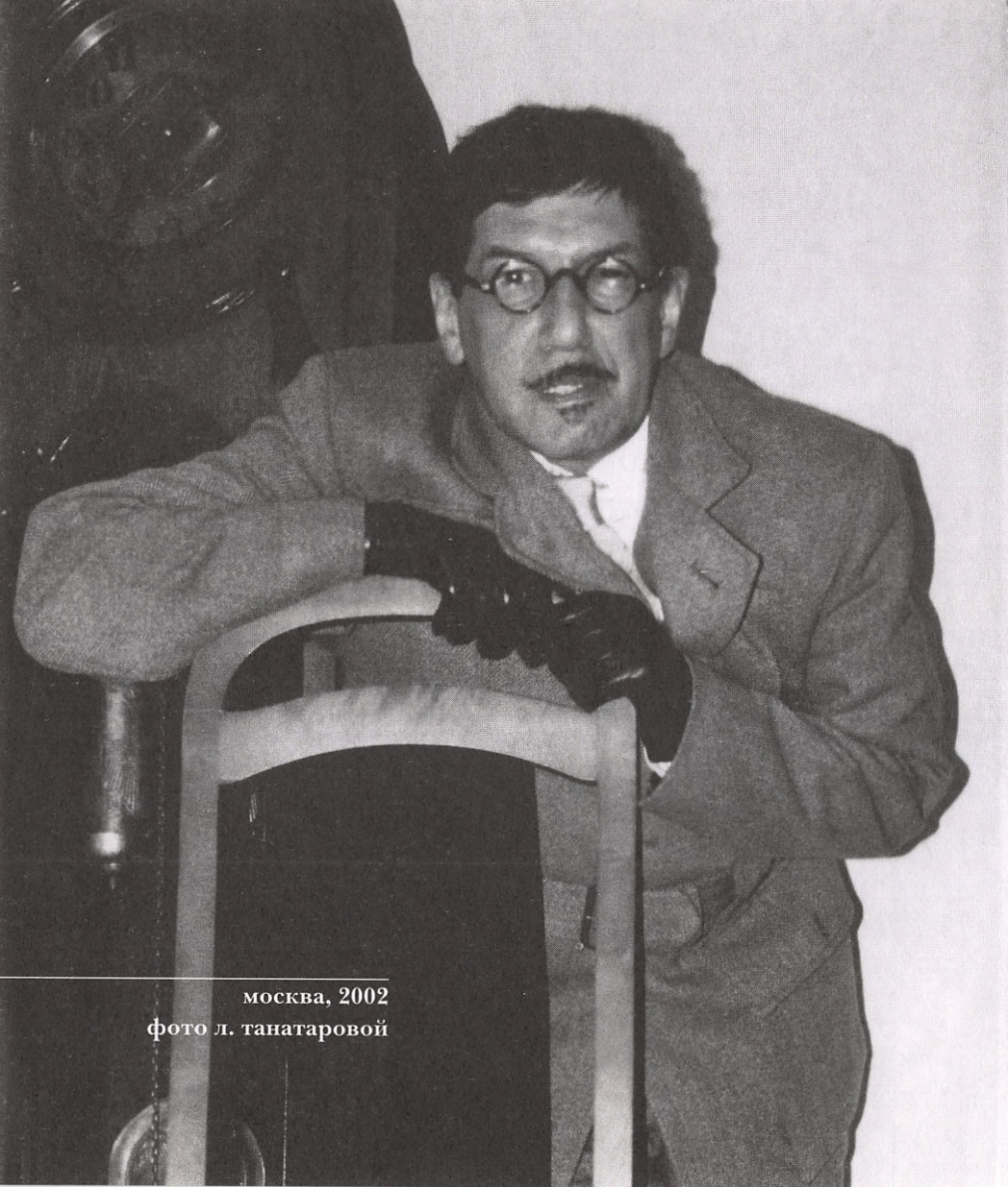
НЕКОТОРЫЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МИХАИЛ ГОРДОНОВ

НЕКОТОРЫЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Памяти моего папы
Самуила Менделевича Генделева
рядового ленинградского ополчения
призыва 41-го года
кавалера
Орденв Великой Отечественной войны I и II степени
и Ордена Красной Звезды
посвящаю эту книгу.

Автор

москва, 2002
фото л. танатаровой

МИХАИЛ ГЕНДЕЛЕВ

неполное собрание
сочинений

Москва

2003

ББК 84Р7-5
Г 34

*Издательство выражает глубокую признательность
господину Шантарину Станиславу Евгеньевичу,
поддержке которого это издание обязано
своим выходом в свет*

Оформление серии
Валерий Калныньш

Генделев М.
Г 34 Неполное собрание сочинений/М.: Время, 2003. — 560 с.:
ил. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 5-94117-054-8

Эта книга – первое в России наиболее полное собрание стихотворений и поэм современного русскоязычного израильского поэта.

ББК 84Р7-5

ISBN 5-94117-054-8

© М. Генделев, 2003
© В. Калныньш, оформление, 2003
© Издательский дом «Время», 2003

каменные воды

Небольшая подборка стихотворений Генделева появилась в России еще в начале 1990 годов. Их представил публике в журнале «Звезда» покойный Виктор Кривулин. На сем знакомство российского читателя с Генделевым завершилось — возобновляется оно только теперь.

Перед нами — наиболее полное собрание его стихотворных текстов. Пора представить и самого автора.

Я буду говорить о Михаиле Генделе, минуя многие побочные обстоятельства, сопряженные как с его личностью, так и с нашими взаимоотношениями — побочные лишь потому, что речь ведем именно и только о поэте, но поэте поистине грандиозном. Его ивритоязычный коллега, классик, включенный в гимназические программы, лауреат двух государственных премий Израиля, академик и прочая — Хаим Гури — постоянно величает Генделева «нашим национальным поэтом», причем судит он только по переводам, ибо русским не владеет. Меж тем сборник Михаила Генделева в переводе на иврит вышел в свет лишь в 2000 году (то есть на 23-м году жизни и работы поэта в Израиле), книга мгновенно исчезла с прилавков. Переиздания не было. Да и в самом Израиле Генделев представляет собой весьма парадоксальное явление, и дело тут не только в языковой специфике (национальный поэт, пишущий по-русски). Большинство сегодняшних израильских стихотворцев, пишущих на иврите, пребывают и обжились в рамках культурного консенсуса, определяемого лево-антисионистскими установками, духом тотальной демифологизации и благонамеренного поражения, в диапазоне от голубиной кротости до анархического мазохизма. Больше всего эти сочинители боятся отстать от своих западных коллег и меньше всего претендуют на самобытность. Их воодуше-

влияет стремление попасть в хорошее общество. Неудивительно, что «милитаристские» темы и «национал-патетические» мотивы Генделева они восприняли с тревогой и тоскливым недоумением. Однако почтенная мода на повальную иронию и сплошную деконструкцию дряхлеет и со дня на день осыплется, и на этом освежающем фоне поэзия Генделева уже обрела многочисленных поклонников не только в русско-, но и в ивритоязычном Израиле, сумевшем оценить и восхититься дарованием и масштабом поэта.

Нынешнее признание пришло с удручающим опозданием, слава чуть не опоздала на randevу со своим героем. Биографические обстоятельства долгое время действовали против поэзии и ее поэта. Так, вероятно, и должно происходить с автором, который развернут не на повседневность, но на историю, не на преходящие газетные реалии, но на метафизику.

Сегодня история и метафизика прилежно работают на Генделева.

Об этом суммарном содействии речь пойдет ниже, а пока я хотел бы коснуться житейской подоплеки, связанной со многими базисными чертами творчества.

Генделев переселился в Иерусалим из Ленинграда в 1977 году. Первая его книга создавалась еще в СССР, но вышла уже в Израиле под названием «Въезд в Иерусалим» (в настоящее «Собрание» она не вошла). Справедливо было бы назвать эту книгу «Въезд из Ленинграда». Она несла на себе все родовые качества и все фамильные бородавки тогдашней «ленинградской поэзии», включая ее заживо-малохольную петербургскую ностальгию по себе самой. Последующие его писания сразу же показали, что на деле один нарочитый город сменился другим, еще более нарочитым. Пустотность и выморочность стали стержневой темой (не содержанием!) его сочинений. Единственной реальностью для тогдашнего Генделева выглядела сама поэзия, понимавшаяся как метафора нуля, небытийности. Доминировал игровой, но отнюдь не шуточный пафос разрушения, дискредитирования любой действительности. Бытийной была только сама игра, в которой обнаруживал себя, по сло-

ву Б. Эйхенбаума о Гоголе, «веселящийся дух художника». Эта барочно-романтическая позиция во многом отвечала, однако, действительному положению вещей: и статусу поэта во владениях прозы, и традициям ленинградской — а равно эмигрантской — поэзии, и статусу русскоязычного сочинителя в Земле Обетованной.

В первой книге, написанной в Израиле — «Послания к лемурам» (Иерусалим, 1981), — уже наметились те свойства генделевской музыки, которые связывали не интимно, но едва ли не декларативно его поэзию с барочной риторикой. Эта преемственность высвечивается и в тематических ходах (пир, охота и пр.), и в некоторой куртуазности, не сказать жеманности книги, и в ее игровых позициях, жестах, ужимках и эквивоках. Генделев занимается здесь неким приручением, одомашниванием символов, превращая их затем в домашние аллегории. Аллегии же, как известно, отличаются некоторой самостоятельностью знака, бытующего вне своего условного смысла. Это тривиальное обстоятельство широко использовалось автором. Аллегорические фигуры, вроде Змея, Тельца, Льва, парадоксально выступали у него в своем «природном», собственном зоологическом значении. Выстраивалась новая сюжетность (аллегии низводились к фигурам зверинца), которая, однако же, немедленно компрометировалась, ибо проводилась в нарочитом соотношении с привычным, традиционным восприятием образа. Иными словами, вещь сама уничтожала аллегорика, а аллегорика — вещь.

Уже в «Лемурах» ярко заиграл один из употребительнейших приемов Генделева — сюжетное развертывание каламбуров, как и обыгрывание любых клишированных знаков культуры. Пример — историческая станковая живопись, вроде «Утра стрелецкой казни»:

Но убедимся, сколь согласно спит зверье:

стрелец и дева залегли в хлеву.

В хлеву — известно — девы безотказней.

А поутру, в виду стрелецкой казни —
повествование короче на главу.

«Охота на единорога»

Каламбуров такого рода нашлось великое множество. Приведу несколько, взятых наугад: «Пахнет сладостно труп врага, запасенный впрок», «стеченье Тибра с Ефроном», «Она хранила меж стоических гродей мятежный дух». Всюду рисовалось самоуничтожение, взаимное и встречное осмеяние идиоматических смыслов, сталкиваемых друг с другом. Другой настойчивый генделевский прием — расслоение словесного штампа. Оно диктовалось иногда интересом автора к этимологической основе слова («Мы андрогин. Нам трудно по полам»), но чаще — теми конструктивными возможностями, которые таят в себе идиомы, эти сгустки потенциальных сюжетов. Кстати сказать, книги Генделева адресовались не широкому, а квалифицированному читателю, но и этому последнему было нелегко заметить, что, скажем, стих «в уши вошел караван с грузом иголок» («Вид на крепость в ясную погоду») представлял собой не что иное, как сюжетное обыгрывание затертого евангельского речения насчет верблюда и игольного ушка.

Отсюда еще одна знаменательная особенность этой поэзии: в ней изначально отвергалось и блистательно опровергалось пресловутое правило о предельной точности поэтического слова. Генделев наоборот, постоянно озабочен поисками наиболее неточного, приблизительного и условного образа. Его слова — это лицедеи, торопливо перебегающие из одного смыслового поля в другое, иногда противоположное. Примеры? Их сколько угодно.

Стояла на верху холма одна
На холме — на пустом — ветру.
«Пейзажи и натюрморты»

Попробуйте-ка установить, к чему относится слово «пустом» — к холму или к ветру? Так обстоит дело практически со всеми его образами. Они, в сущности, не визуальны — поэзия Генделева ориентирована на слуховое восприятие. Впрочем, при чтении следует обращать внимание и на графическую симметрию, «бабочку» танцующего текста. Бабочка —

это вообще сквозной генделевский символ, и не только метафизический (как у символистов, Маяковского, Набокова, Пастернака, Тарковского, Катаева, Бродского, Аранзона и др.), но и знак той повсеместной симметрии, тягой к которой поэт был всегда одержим. Это вовсе не значит, будто автор не умел создавать впечатляющие визуальные изображения. Напротив, великолепны и эти реалии, эти его «зрительные образы» — такие, как «часов пробивается стебель в петлице вокзала»; или вполне набоковская ремарка о «сове-иронии», что «тушки теплые принесит на обед, то в скобках клюва, то в когтях кавычек».

Но если уж дается пейзаж, то, конечно, это «пейзаж луны под небесами сна»; все условно, у каждой вещи двойное, тройное, четверное значение, любая тварь — оборотень, призрак. Соловей, к примеру, обращивается попугаем, туз — валетом; мир только прикидывается подлинным — «холмы имеют горный вид холмов», и честный стихолоб, упорно принимавший вселенную Генделева на веру, обнаруживал себя включенным в сновидческий лунный ландшафт. Подлинная реальность вовсе не там: «картина нанесена навеки, с той стороны, где красная сторона»: стало быть, изнутри. Что же до внешней, «черной» стороны мира, то ее удел — исчезновение, гибель — вся фактура повседневного мира стремительно разрушается, распадается, разваливается: пространство — ноль, втягивающая свистящий ветер дыра, ориентиры утрачены, верх и низ тождественны:

и вид паденья в небо ищут птицы,
то вверх, то вниз свисая головой.

«Охота на единорога»

С временем происходит что-то невообразимое. Оно течет вспять, врывая причинно-следственные связи, и попросту исчезает:

захватывает дух —
но прежде, чем его испустит тело —

оно совсем было уже перелетело
из лап могильщиц в лапы повитух.

Там же

Как показала следующая его книга — «Стихотворения Михаила Генделева. 1984» — мотив этих «могильных повитух», соединяющих в себе конец и начало жизни, получил у Генделева дальнейшее пространное развитие, обусловленное чрезвычайно интенсивным ощущением единства времени, присущим, может быть, только и лишь Израилю. Это недемократическое чувство придает отдаленнейшим событиям осязаемую актуальность и, в конечном счете, отменяет само понятие времени. Библейские пророчества срашены со стратегией ливанской кампании; но и то, и другое пропущено через русскую одическую традицию, взятую в саркастическом освещении.

Отхлыньте каменные воды
от ледяных берегов реки
где бывшие сидят народы
посмертно свесив языки
чуть весь и жмудь и рось — этруски
на ложе Каменной Тунгуски
Аккад под ледниковым льдом!
дивись как дым масличной роши
пламена жирные полошет
и где он Тир и где Сидон!

«Ода на взятие Тира и Сидона»

Если пульсирующая действительность для автора есть иллюзия, метафора статики и небытия, то единственно достоверным содержанием истории остается монотонность смерти. Отсюда производный мотив нескончаемой битвы как раскрытия и интригующего изобличения подлинной реальности:

Что поражает на войне —
обилые тварей интересных...
а поражает на войне
что нагулявшись на свободе
назад приходит смерть — извне
чтоб нас своей вернуть природе
«Стансы Бейрутского порта»

ибо:

война — не мир обратный
но мир в котором все как есть
«Ода на взятие Тира и Сидона»

Иными словами, война у Генделева освобождалась тогда от всяческого бытового и биографического трагизма, превращаясь в ритуал, в веселую и злую игру с повторяющимися ходами. У кого еще можно было встретить такое вот, столь же колоритное, сколь и колористическое описание:

Сириец
внутри красен темен и сыр
потроха голубы — видно — кость бела
он был жив
пока наши не взяли Тир
и сириец стал мертв
— иншалла.
«Стой! Ты похож на сирийца!»

В ливанском цикле запечатлен ночной, а вернее — мертвенный мир: «посмертный небосклон заря проносит мимо»; луна источает мрак — «черный свет»; «нас рассматривала тьма луной своих глазниц», «тьма лун». Вместо дома — могила: «лежит лицом вся на лунный свет в мор-

щинах каменная кровать»; вместо собеседника — отражение, двойник: «с кем и кому я не стелю на полу кто мне по каменному столу кружку подвинет и пишу жителя в нашем жилище». Телесное воскресение бессмысленно, смерть и бессмертие однозначны, зоря — аравийский моток, трупный арабский фантазм, напор пустыни, хаоса и энтропии:

Тогда на горбе дромадера
— и вид его невыносим —
и вылетит зара-химера
приплясывая на рыси
на холме пепельном верблюда
переломив хребет Джаблута
в бурнуса белом мертвеца
разбросив рукава пустые
по каменной летит пустыне
с дырою розовой лица

«Ода на взятие Тира и Сидона»

В «Простых военных октавах» сказано: «Рассвет начнется там где был закат». Это значит: восхода нет, восток и запад тождественны, пространство — такая же тавтология, как время.

Но уничтожая вещественные формы бытия, война тем самым вскрывала их элементарную, осязаемую реальность; с другой стороны, именно эта вещественность синонимична была бренности, статичности, косности и потому — неподлинности мира.

На такой двупланности неуклонно разворачивается главный, скрытый сюжет книги и всей вообще первой фазы генделевской поэзии, — сюжет, который я определил бы как парадоксальную попытку автора удостовериться в собственном существовании. Исходный момент — стремление лирического героя обрести телесность и пространственность — воплотиться:

Я встал запомнить этот сон
и понял где я сам
с ресниц соленый снял песок
и ветошь разбросал
шлем поднял прицепил ремни
и ряд свой отыскал

«Ночные маневры под Бейт-Джубрин»

Герой Генделева как бы воссоздает себя, собирает, выстраивает по частям:

Взят череп в шлем
в ремни и пряжки челюсть
язык
взят
в рот.

«Война в саду»

Коль скоро внешние реалии должны были закрепиться и засвидетельствовать бытие героя, становилась понятной его манера подтверждать свое присутствие ссылкой на внешние же обстоятельства. То есть, хотя автор постоянно выступает в роли свидетеля, функция этого мотива состоит как раз в его обратимости. Примеры тому — тексты стихотворений «Затмение луны» или «С войн возвращаются если живой значит и я возвратился домой».

Но в процессе разлома и крушения реалий ссылки на них все резче обнаруживают свою несостоятельность. Смерть не дает «опоры телам», настоящее бытие — не в косной материальности «фигур», а в чистом движении, в линиях жестов, вслепую вычерчиваемых бабочкой-Психеей:

За то
что мотыльки в пространстве чертят

развертки жестов а не контуры фигур
что
не найдя телам
опору даже в смерти
мы через сад прошли и вышли на Дамур.
«Война в саду»

В цикле «Вавилон» Генделев, отойдя от описания войны, переводит в иной регистр тему снятия реальности, разрабатывая мотивы тягостной тавтологичности истории. Здесь отстраняется то, с чем скреплено представление о поэте, — фетишизация языка. Земля возвращается к исходно-элементарной данности, к первобытному состоянию глины, к «мычанию неразделенной речи»:

Не родись в междуречьи в законоположенном мире
глинобитной грамматики —
ею ли не пренебречь?

В хаосе разрушений и обновлений отыскивается твердое неразложимое ядро — бытийствующее сознание автора. В начале цикла говорится: «ни нас нет ни теней»; в конце — провозглашается «день восьмой», то есть воскресение, явленное в творчестве и избавленное от уничительного бремени телесности:

И все-таки
я — был
и белый свет
поил глаза мои на день восьмой творенья
о разве клинопись
на каолине птичий след —
предполагает зоб и оперенье?

Другая незыблемая данность, обнаруживаемая в переменной, но однообразной веренище исторических событий, — Иерусалим, «вечный город», а уже не тот выморочный двойник выморочного Ленинграда, о котором мы говорили в начале. И, декларируя онтологическую связь с Иерусалимом, автор закрепляет за собой новое право смотреть на мир извне, именно отсюда («Смотри на вавилон со стен Иерусалима смотри на вавилон»), признавая одновременно свою вещественную, пространственную включенность в набор исторических реалий. Однако этот оприходованный, инвентаризованный в книге быт истории отбрасывается в ненадежное вместилище «памяти», обреченной погибнуть вместе с личностью автора. Последней действительностью — памятником творческого сознания — делается сама книга «Стихотворения Михаила Генделева»:

И себя понимая включенным в опись
при тишине читанную и при тьме
где от когда
не отличная вовсе
здесь
я ставлю себя как подпись
на пустых полях
в твердой памяти и уме.

Так найдена была некая, пусть полуиллюзорная, точка опоры, то основание, на котором Генделев начинает созидать собственную версию мира — и собственный образ Израиля, который всегда трактовался им как понятие скорее метафизическое, нежели посюсторонне-географическое. При всем том Генделевым явственно овладевает имперский настрой, являющий собой другой аспект усвоенной им ленинградско-петербургской традиции и роднящий его книги с некоторыми темами Гумилева, а опосредованно — Р. Киплинга.

И тогда же, во второй половине 1980 годов, в книге «Праздник» проявляются и другие главенствующие константы его последующей поэтики. Я бы определил их как постоянный взаимообмен и отождествление бинарных оппозиций, включая самые фундаментальные из них — смерть и жизнь, внешнее и внутреннее пространство, плоть и дух, верх и низ. Если в «Лемурах» Генделев вводил этот принцип всеединства в сферу несколько жеманной барочной игры, то в последующих книгах он все более зримо ориентируется на метафизические модели, на поиски абсолюта, в котором снимаются и взаимоотождествляются все анти-тезы. Немало примеров тому мы найдем в поэме «В первый праздника день когда»:

что впереди — то снаружи нас
и шаря в листе рукой
себя собой представляя раз
— раз! —
и
вернись рывком
чтоб лягнуло
чтоб
взгляд
вперился лобовой
тьма
это если смотреть назад
то есть перед собой

Поэтика, исходящая из такого принципа, всегда чревата этическим релятивизмом, тягой к хаосу и размыванию всех граней, любой иерархии. Снятие оппозиций может оборачиваться также смыканием или разрастанием тавтологий, каждое понятие становится инобытием другого или же попросту им самим; явление «представляет» самое себя или разыгрывает некую смежную реальность; мы живем в заведомо вторич-

ном царстве убогих отражений, следов, намеков и повторов. Сравним со строками той же поэмы:

небо для бедных
дом бедняка
приют его и ночлег
где
известь сыплется с потолка
собой представляя снег
где словно это может помочь
свет напролет в дому
где темнота
которая ночь
собой представляет тьму

В другой, современной и столь же блистательной его вещи — «Бильярд в Яффо», где разворачивается тема бытия как выморочного, подводного пребывания, а мира — как мертвой «игры костяных шаров», зловеще обыгрывается самоназвание Бога из библейской книги Исход; бытие и небытие уравниены, и герой размышляет о себе:

«не был — есть — не буду»
всплывает
«был ли?»

Там же снимается, в частности, само различие между субъектом и объектом:

нет скажем тебя без меня
зевака
а
наоборот
меня —

и потому лирический двойник Генделева постоянно смотрит на себя чужими глазами: «так что же на веках прочла моих мне / покуда я спал и мне снилась ты» («Колыбельная с видом на небеса», книга «В садах Аллаха»). Такая позиция граничит уже с солипсизмом и в любом случае предполагает чрезвычайно сложные отношения с Творцом, обусловленные как определенным самоотождествлением с Ним (что поддерживается, среди прочего, барочной темой поэта как второго Бога), так и отталкиванием от Него:

Что-то мы с тобою Божик
на одно лицо
похожи
и похоже держим ножик
только Ты
за рукоять
«Осенние уроки симметрии»

Таким образом, отвергается и сам акт творения: оно (почти в каббалистическом ключе) может парадоксально толковаться у Генделева как самоумаление или даже самоуничтожение сверхбытия; начало вселенной смыкается с ее концом; творящее Слово, голос немеет в металлической пучине хаоса, и первородный свет сменяется тьмой:

В первый праздника день когда
закончился фейерверк
и
в небе осталась всего одна
свет у которой мерк
то
выкатывался и сверкал
то
ни

зги
как будто голос упал в металл
и
разошлись круги
«В первый праздника день когда»

В ходе своего поступательного развития гротескная генделевская теология вводится в ту фазу, где сам Бог претерпевает катастрофическое расслоение. Из Господа выделяется, как некий иррациональный остаток, Его сумрачный антипод — чумное порождение воинствующего, обезумевшего, потерявшего в себе Божественное ислама, персонаж, прорастающий из песка пустыни, праха высоких культур, пепла нацистских крематориев. Он созидает антирай — железный сад, могильный негатив парадиза (пардеса) как померанцевого сада. Это зона тщеты, смерти, ужаса и бессмыслицы, воплощенная в «железных апельсинах» — плодах, свисающих из небесной мглы:

мы
кислоту во рту месили
полусонно
с черным эхом
в Садах Железных Апельсинов
в ночных Садах Аллаха

и вот я снюсь себе живой и сильный
как снился бы чужому сыну
что я с лицом войны иду под небом темно-синим
через Сады Железных Апельсинов
в аллеях лунных ужаса и страха
в своем мундире драгом
и
то ли звезды там смердят то ли в прорехах

оранжевых дерев
зияют раны
«Ораниенбаум»

Со времени Ливанской войны в его стихах нарастает угрюмый метафизический скепсис, странно сопутствующий развороту к политическим актуалиям. Сама Ливанская война, в которой он участвовал в качестве военного врача, воспринимается им как абсурдное поражение: «Славную мы проиграли войну — и неизвестно кому». Всякое данное сражение трактуется как эпизодический фрагмент в мороке монотонной последовательности, как нечто уныло далекое от грандиозной апокалиптической определенности. Впрочем, в генделевской позиции было немало и от того недоумения, которое было свойственно очень многим репатриантам, пораженным диспропорцией между исполненным прошлым и чахлам настоящим Израиля. Кто бы мог подумать, что Синайская гора разродится палестинской мышью? Что гигантский многовековой цикл увязнет в тине убогой политкорректности? Что мировой эпос пробуксует в либеральной колее? Война почти всякий раз переживается у Генделева как бессмысленная пульсация истории и как спуск в низины исторического небытия. Он берет на себя роль библейского пророка, облик которого окарикатурен теперь самой повседневностью. Вся еврейская история в ее сегодняшнем танковом антураже нисходит в этот постисторический котлован под пасторским присмотром пророка-урода:

когда
свинцовые до колен
то бишь
от каски и до кульги
внуки с лысых сошли Голан
свой клин поведя пасти
по склонам стертых высот

многоглазых потомков нас
клин с хоботами наискосок
к месту слова «дамаск!»

я свисаю с карниза моей страны
вниз головой урод
в перепонках моей спины
шевелится ветерок
не оставь Господа мой народ
без тебя Он так одинок
и мал
марш!
мы спускаемся в котлован
таков церемониал.

«Церемониальный марш»

И лишь позднее, в финальном крешендо книги «В садах Аллаха», появляется сам этот владыка. Это и есть «триумфатор» — заглавный герой поэмы, завершающей всю четвертую книгу.

Сюжет поэмы даже не вызывающ, а скандален. Некто, от чьего лица идет повествование, еврей, переживший концлагерь (что если позвонить по номеру, вытатуированному на его предплечье? Кто ответит? Сатана? Гиммлер?) просыпается в своей квартире через, как он понимает, несколько лет после своей физической смерти. Просыпается здоровым (хотя шокирующе андрогинным) существом. Уже догадываясь, что в мире один, он спускается из мансарды в совершенно пустой и абсолютно безлюдный Иерусалим и, услышав музыку, выходит на звук: навстречу ему на двуногом чудовишном верблюде выезжает... Аллах (или тот, кто кажется ему аллахом). Его облик у Генделева с ошеломляющей полнотой предвосхитил смрадные и жуткие реалии отнюдь не виртуального исламского фундаментализма, со всяческими шахидами, взрывами, бойнями и прочей нескончаемой гнусью. У Генделева эта тема подключается к его

персональному мифу о двубожии, мифу, где еврейский народ, как и весь западный мир иудео-христианской цивилизации, отождествляется с самим Создателем, а последнему противопоставлен Аллах:

03

эта колоннада возникла оскалилась и застит запад
головой взрыва вперед от хвоста в узлах

вдруг

урановая клоунада на задних лапах
от ампутации к горлу прижатых рук
и тогда я крикнул ему «Аллах!»

а

как член конь Аль Бурак в паху дай я договорю мотается чугун жеребчий
и в каждом ядре табун его жеребца

и

спит на горбу

Аллах

с небольшой

улыбкой стоячей

на пустом краю позолоченного лица

02

хальт

я крикнул Аллаху который спит
то есть видит меня во сне на белых пустых полях

мразь

скажи своему гибриду погонщик его копыт
затоптать меня потому что я не свидетель тебе Аллах
в твою позолоченную дыру
мой народ был Бог

Бог-Народ

плюясь завизжал я обезьянкой-матросом на удилах

я еврей пойду умирать
и
пойду умру
потому что я не Свидетель тебе
Аллах

01
Мой мертвый народ
был Бог
Бог а не ты мразь

Как видим, текст, сообразно перевернутой нумерации строк, движется вспять, то есть, по сути — к первоначалу творения. И в этом исходном пункте повествователь взывает к подлинному Божеству — заступнику и своего народа, и всего человечества, всего мироздания. Поэтому поэма «Триумфатор», вместе со всей книгой «В садах Аллаха» завершается одним молитвенным призывом, одной строчкой, обозначенной цифрой ноль:

0
Адонай цваот
!

«Адонай цваот» — это тот образ Божества, который в синодальном переводе Библии обозначен как Господь Саваоф, то есть Господь воинств.

Разумеется, пространство генделевской поэзии не заставлено сплошь эпическими монументами, даже если эпическая тема принимает у него подчас совершенно иное направление, как, например, в поздней книге «Царь», где иудеи и еврейская история вводятся в средиземноморский культурный круг, перенасыщенный гомеровскими аллюзиями. Здесь я предлагаю читателям присмотреться к поэме «Одиссей

привязанный», которая станет значительно яснее, если учесть, что вся аллегорика странствий Одиссея сплетена здесь с темой больничных страданий — травматически-болезненных переживаний самого автора, боровшегося тогда со смертью. С этой, уже почти трансцендентной позиции, повествователь словно переоценивает шаблонно-романтические трактовки Эллады, нагнетаемые в байронической традиции, в частности, у того автора, которого Генделев называет Joseph Brodsky I (Первый) и подозревает в квазиметафизических ухищрениях, в банализации потустороннего, в политической услужливости... В исторической пошлости, наконец.

Вторая половина 1990-х знаменует резкое заострение богоборческого пафоса в генделевской поэзии, стимулированное и унылой политической явью, и неизбывной знобящей памятью о Катастрофе. Это звучит, например, в «Осенних уроках симметрии» или в небольшой поэме «Гимн»:

Что
Господи
Ты за Зверь
Сам
Самоед от Своих потерь
Ты есть
будь здоров от Своих даров
падали
полный
Рот

а судья
Жид ты Судия
Самосуд на Свой на Самонарод
народ по веревочке твой бежит
не от

от и до
а наоборот
а бзднь что струна дребезжит едва
звать на публике надлежит
гармонией существова

Этот богоборческий пафос, вообще говоря очень традиционный для еврейского религиозного сознания, нагнетается у Генделева посредством прежнего самоотождествления с Всевышним, с которым его героя роднит общее «уродство» поэта-создателя: «Господь урод / Себя в экземпляре Себе одном», — а давнее пространство мира как текста («пустых полей на самом краю письма») расширяется теперь до пределов всей ойкумены, окантованной пеплом Трешлинки и Аушвица. Здесь, в этой «Почте из Кракова», Генделев обращается и к соотношению изгнанного и истребляемого народа с брошенным псом, соотношению уже укорененному в еврейской образности (сравним: у Гейне в «Царице-шаббат») — только пес здесь бунтует против своего господина. Кажется, подобного развития «кинологической» топки до Генделева поэзия вообще не знала. Народ Израиля, совместно с народом русским, записан в Господни шуты, обреченные вечно разыгрывать одну и ту же комедию: «Год еще год / еле / чумы от и до чумы / как Ему Нерусскому надоели / мы такие какие мы / с бубенчиками с каймы» («Уроки симметрии»).

Недостаток места побудил меня остановиться только на одной — религиозно-эпической стороне генделевского дара, затенив сторону лирическую. А между тем Генделев — великолепный лирический поэт, в чем я, однако, предлагаю удостовериться самому читателю.

Стоит все же сказать хоть несколько слов и о других аспектах его поэтики, опущенных в данной статье. К ним относится, например, сквозное цитирование, присущее всей его поэзии. Несколько примеров: «Друг мой в аду / я занятые вам отыскал / пересыпать в белом черепа зале пустом завалы песка». Конечно, многие узнали цитату из «Флейты-

позвоночника» Маяковского. В следующем фрагменте из «Стансов Бейрутского порта» видим отсылку к гумилевскому «Заблудившемуся трамваю»: «но финикийскую луну / мы пережили а бросала / не лапа ль старика в волну / цветок конечно то же самый». В тех же «Стансах» — и реминисценция из зачина мейринковского романа «Голем»: «И черным был осален камень». А вот аллюзия на «Котлован» Платонова:

дом
стоит над долиной
в которой уже не встанут инвалиды
только
жирные красные глины выползают из ям на разбитые плиты.
«Второй дом»

В столь насыщенном интертекстуальном контексте достаточно естественно, что Генделев снискал известность как превосходный переводчик великого средневекового еврейского поэта Ибн-Габириля и как создатель чрезвычайно дерзкого и остроумного переложения мольеровского «Тартюфа» (Майя Каганская назвала этот перевод гениальным). Несомненной удачей оказались и генделевские переводы из современных израильских поэтов — таких, как Хаим Гури, Дан Цалка, Аарон Шабтай.

Увы, в данное «Собрание» не вошли ни переводы Генделева, ни его ироническая поэзия, в которую вылилась вся та барочно-каламбурная стихия, высокий аспект которой был им явлен в «Посланиях к лемурам». И тут я за недостатком места ограничусь всего лишь одним примером — это «Эпитафия несговорчивой девице»:

Под той могильною плитой
Лежит плита могильней той.

Вместо всех этих приложений поэт предпочел завершить «Неполное собрание сочинений» автобиографическим романом в стихах.

Это «Жизнеописание составленное им самим» якобы произвольно обрывается на ностальгической ноте, на возвращении к сквозной теме трагического парадиза:

Господи
что я знал тогда про апельсиновые сады.

Теперь про них узнает его читатель.

Михаил Вайскопф
Иерусалим, ноябрь 2001

Умру поеду поживать
где тетка все еще жива

где после дождичка в четверг
пускают фейерверк

где вверх стоит вода нева
оправив руки в кружева

а за спиною рукава
на бантик или два

где
из бенгальского огня

Господь
не смей перебивать

с улыбкой словно
у меня

умру поеду
проживать

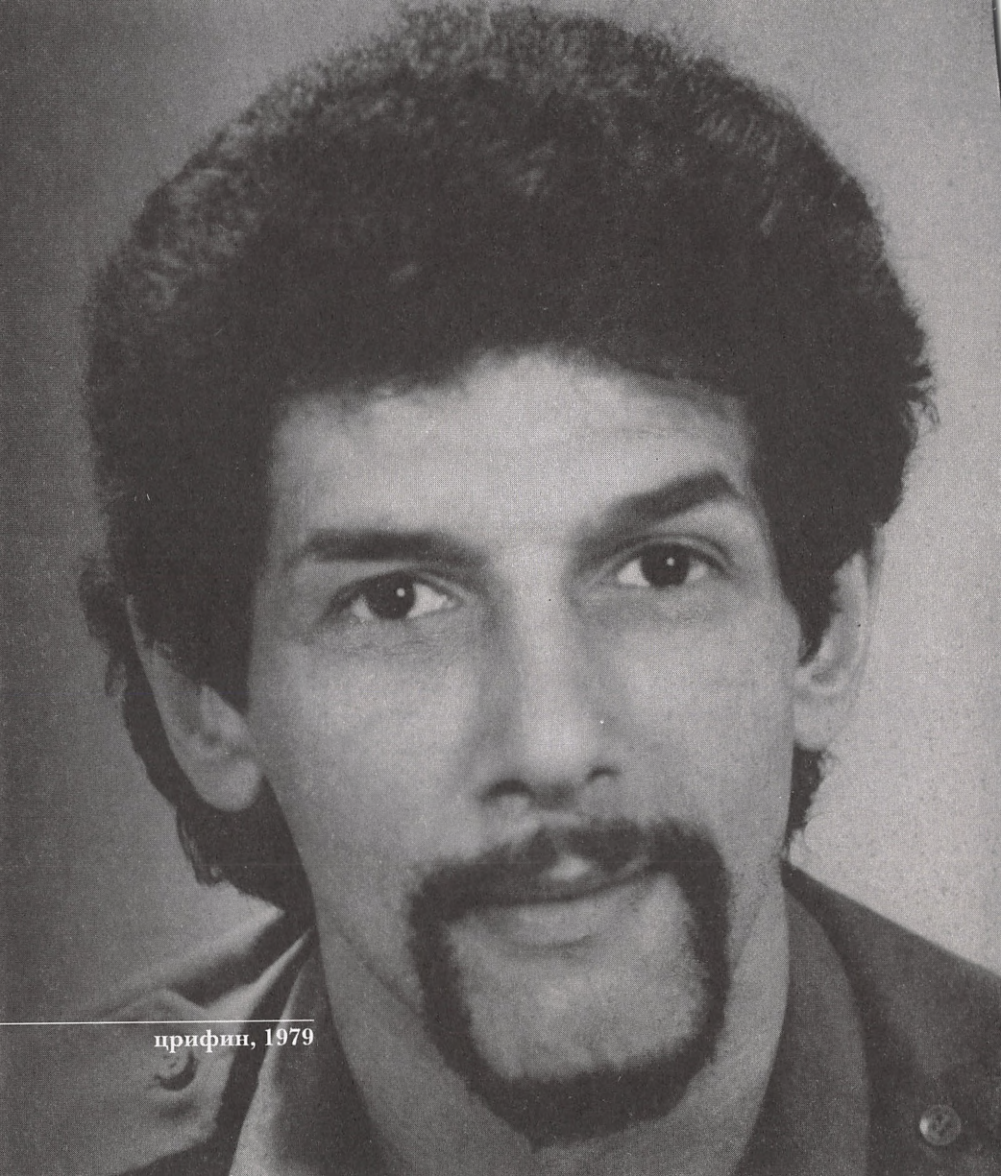
и улыбаясь
словно я

как будто
улыбаюсь я

ребенок смотрит люто
с букетом из салюта

на плитке шоколада
привет из Ленинграда!

СОЧИНЕНИЯ

прифин, 1979

книга первая

послания к лемурам

моей жене елене

Свидетель полуночного блаженства
и тишины нам неподлунной женской,
и тайной тишины,

пустых зеркал, где луч лучу наскучил,
а ход двух слез теньями слов разучен —
но и они не произнесены —

о нет, не камень спит в угрюмой нише
тебя — души твоей — затем ты дышишь,
что монотонно выпевает рот

полеты мотыльков ночных — их знаки
на звук нанизаны, а в крылышек размахе —
узоров темных темный разворот.

**тысяча девяносто
девятый год**

I

всадников сокрытолицых усталые кони влекли —
там
за веками у горизонта —
его ресницы разъяв —
выкатывался Аллаха тигриный лик,
и гладила шкуру пустыни рука в перстнях.

День обокрал менялу,
за угол ночи свернул,
алой подкладкой плеча —
вот его след простыл...
Степенная пара грегорианских минут,
оборотясь к пустыне, свою бормочет латынь.

Мрак на тусклые угли наступит,
дурак хромой
чертыхнется,
чтоб оступиться опять.
Долго еще Иерусалим будет раскачиваться над тьмой
на каменных неизносимых цепях.

II

Итак,
мы сидим вокруг стола.
Нам еще далеко до утра.
Помаленьку в кости идет игра.
Тени комет и огней небесных стекают по нашим щекам,
а позади луны
восходит лицо Лилит, еврея безумной жены,
восходит
и разевается
черный рот
и произносит:
«Тысяча девяносто девятый год».

...все-таки жизнь длинна, лемуры мои, и так длинна,
что к середине ее забываешь и речь о ком;
повествованье, кажется, о других
и важных вещах, как-то: голод, любовь, война...
Пауза, как ребенок слуги,
стоит за дверным косяком.

Да вы ведь уже наблюдали танец Лилит
при воссиянии этой самой луны,
только сады были занесены,
и на Иудейские холмы снега легли.
...она танцевала в белом пустом саду
в тысяча девяносто девятом году.

Вы
ведь уже лежали,
уставясь в свод,
и чтица сновидений ваших расхаживала у головы
и оправленным в серебро коготком —
вот так вот —
пробовала:
а не живы ли вы...
Вы
видели танец Лилит!
ваши губы в меду!
в тысяча девяносто девятом году.

— Но все поправимо, — сказал крестоносец, — пока сияет луна —
и взял Иерусалим и бросил как кости — и со стола
они покатались — что-то вроде числа
выпало нам.
(Нам всегда выпадает что-то вроде числа.)
Лилит, Лилит, наверное, числа с костей прочла.

...и танцевала еврея жена Лилит,
ибо была безумна она.
В сопровождение били лишь
барабаны вина.
Да-да! датская флейта подсвистывала у Яффских ворот им.
В тысяча девяносто девятом году в городе Иерусалим...

Кресты,
пришитые к его плечам,
приподымались,
когда он смотрел на
то,
как плясала,
власа свои волоча,
Лилит
пьяна,
и даже лицом дурна.
Выходил из-за плеча крестоносца слуга его час,
всем подливал вина.

...бьют барабаны вина музы́ку свою.
Разевается черный рот.
Ах, лемуры мои, пока барабаны бьют,
мы повторим урок:
снова кости свои раскинет крестоносец на турнире или в бою,
и — я. Когда тому станет срок.

Но, как говорил он: «Все поправимо, пока сияет луна.»
Я бы добавил — пока еще жизнь длинна,
пока на Иудейские хólмы снега не легли.
Час подносит вина,
и нам танцует
Лилит.

III

Сядь, посиди со мной,
налей мне вина —
почти
несладкое это вино,
и выпей сама
немного вина,
и прочти:
«В белой халдее моей темь, и в черной халдее тьма».

Все я забыл, что хотел,
и —
знаешь, моя любовь —
и что хотел бы —
забыл вместе с тем —
вот и пишу о чем:
«В белой халдее моей тьма, и в черной халдее ночь», —
читаешь ты через мое плечо.

Посиди со мной.
А время спустя...
Ах,
кто же знает,
что будет с нами потом?
Нельзя искушать судьбу —
мы у нее в гостях —
все дело в том.

И в том,
что судьба — химера —
нехороша собою она.

И в том,
что я знаю меру лишь по части вина —
и — налей, хозяйка:
в халдеях моих темь,
и шахматные фигурки пошли по полям не тем.

Ты сидишь рядом со мною лицом к луне.
Говоришь — время,
я соглашаюсь — да.
А тем временем
по халдеям евреи гонят свои стада,
а дальше —
века-евреи
идут по моей стране.

А за ними диколицих тысячелетий орда.
Облик тот лунный, облик несут, как родовой тотем.
Ты говоришь — время,
я соглашаюсь — да.
Да,
шахматные фигурки,
да,
по полям не тем.

Ты сидишь рядом со мной, но лицом к луне,
а я сочиняю письмо,
и кажется мне —
Ангел Смерти Мала́х га-Мавéт получит письмо,
а о чем,
ты
прочитаешь
через мое плечо.

«Пора подумать о смерти...» —
вот и думаю со вчера.
Думаю,
что пора, мой ангел, пора.
И та,
что сидит рядом со мной,
но лицом к луне, —
не возражает мне.

Пора подумать о смерти,
о ней самой.
Где вы крылами машете,
ждете, небось, письма?
В халдеях моих
тьма,
ангел мой,
в халдеях моих темь и тьма.

А смерти боюсь,
мой ангел,
боюсь,
но
еще молодец, и хозяйка со мной проста.
Ах, крылья ваши шумят и по небу бьют.

И
темнота,

откуда летят облака бесшумно давить холмы.

И
не слушают слов моих гости в доме моем.
Или не понимают меня?
и тогда
где это мы?
где это мы
и что будет с нами потом?

...а надо бежать,
так надо ль решать — куда?
Куда евреи прошли и никто не пришел назад.
Даже если вернусь —
я не узнаю свой сад
в городе,
в который я не вернусь
никогда.

Моше Рабейну —
скажу я —
Моше Рабейну, а нам не пора ли домой?
...но мы отвлеклись,
душа моя!
итак — письмо:
«Прилетайте, соскучился, ангел мой».
А росчерк получится сам собой, как и все получилось само.

И уж если по росчерку на краю листа
не разобрать,
что в халдеях моих
тьма —
и в черной халдее тьма, и в белой халдее
не видать ни черта —
вина мне налей
и выпей со мной сама.

трактаты

БЕЛЬВЕДЕР

Трактат о запрете
на изображение живой природы

М. К.

Темно во мраморе.
Что тьме и тишине
гримаса нанесенного извне
панического смеха.

За бельмами из камня
темнота
внутри у белой головы
ракушка рта
содержит тьму и не содержит эха.

А перед маскою
всегда
купают жены в мраморной траве
свои тела бессмысленные статуй;

орнамент нанесен на синеве
их голосов узор замысловатый,
и в волнах
мерная
стоит вода.

Душа моя — мы отойдем:
подлунный водоем был облицован
когда еще
засох и пересох.

Однако
одинокое нам вдвоем —
не станет духу заглянуть в лицо вам,
душа бессмертная
среди таких красот!

А взгляд рассеянный встречать и выносить
изображения запретного
стократ
запретного лица усмешки грохот гневный —

пустыня...
и всего-то
чуть косить
молочные шары двух катаракт —
пустыня, Господи! — в которой жар полдневный.

БАСНЯ О ПАУКЕ
или рассуждения о предмете поэзии

Я говорил ему:
«Паук,
твои тенета не устали
от бессловесности
и мух
словесности моей...» —
в печали
к нему зывал я:
«О паук!»
Он расправлял трансцендентали.

А я все плел:
«Печаль, печаль
мы
на пути своем встречали,
а было радостно
вначале —
не искушивши
от Начал».
Он
ничего не отвечал,

он ничего не отвечал —
в молчаньи он
а я — в отчаяньи
я говорил
а он скучал
ах он скучал
а я в печали
я замолчал
а он молчал —
так мы друг другу отвечали.

И обозначенный предмет —
в сети раскинутой
покоя —
в сети раскинутой покоя —
качался с легкостью такою,
что чудилось: предмета нет —
я даже проверял рукою
и
находил —
что сети нет.

Томил меня,
но, впрочем — мил —
паук
на
ниточке
причины,
с хитиновой его личины
меня
веселый клюв манил
полупредчувствием кончины.

«Но
нет!
— так я негодовал —
молчания на этом свете.
Паук,
и ты не годовал
играть в молчанку!»
Он зевал,
и тонко отзывались сети.
Или он клюв так разевал?

Всему конец:
«Мой друг паук,
от мух
устал я
и от муз
устали мы,
паук,
устали!
а жизнь и проведем
в печали?!»

...Затем
немного помолчали,
и
я гадливо пальцы
сжал.
Но
к потолку поэт сбежал
по
тоненькой
трансцендентали.

АЛГЕБРА ВЕТРА

Что и глаза закрывать!
Картина нанесена
на веки
с той стороны, где красная сторона,
а на
картине
изображена природа:
песок, небосвод, свод небес, песок, белый свет окрест —
можно
равно
умножить пески и небеса поделить
в угоду
слепой любви нашей к перемене мест.

Но и тогда,
по обе стороны сна,
а то и сна посреди —
вид
из орбит неприкрытых один:
что впереди —
ни души —
впереди —
и плоти найти едва —
лишь
ветер стоит и на мотив постылый
без умолку свистит тишину, скрестив рукава,
пустые свои рукава на груди пустыни.

Друг мой в аду,
я заняты вам отыскал:
пересыпать в белом черепа зале пустом завалы песка
под тишину,
и —
отныне —
друг мой,

в аду я не стану о вас вспоминать,
разве что как-нибудь сам заплутаю в пустыне
с черной
и той
стороны
и уже безвозвратного сна.

плоды

От
сот,
медовых глин от —
от восковых плит —
археоптерикс —
павлин-змея —
выпархивает —
парит.

О, всех и вся искушенья — взять — высóко снести — отложить плод!
вверх стремящийся — как нельзя! — вверх стремится плода приплод.

...принять, маркиз, искушенье —
грех,
страх —
какой грех!

Обозрите возмездие: каменный пар, соляной дом.
Мол, скажете, Сад — исполняет плод, тот, что будет катиться вверх —
а если
и будет катиться вниз,
то —
стороной иной.

Вы полагаете, это Содом? Это, маркиз, Эдем.
Розовых дум
розовый дым
варенья богемских дам.
Оботрем
с яблока перегной,
вот вам платок, весь как есть кружевной,
а то, что червь,
господин маркиз, —
спелость тому виной.

А вот и мы голубых червей —
в жилах гуляет чернь.
Сладко проспал херувим цепной осенний сидр.

Ибо
точим мы хладный труд,
и в порядке утрат вещей —
червь-сосед
истончает плоть —
знай себе гной
сосет.

Вот падалица
и упадет вниз,
поскольку стремится вниз.
Вообще-то, плоды, господин грызун, низко висят.
Не ваши ли сквозь сорочку резцы
я ощутила?
и — маркиз,
не правда ли,
мой маркиз,
очаровательный Сад?

Здесь
змий-голубок-продувной павлин-особый змеиный птах
подает в червленых плодах благовонный сидр.
Тут падает плод,
потому что спел
яд,
и румян этот плод,
и — ах!
что это с вами?
как вы бледны, как впечатлительны, сир.

(Познание —
если катиться вверх,
знание —
если вниз.)
Еще по яблочку? я подам, не затрудняйтесь, мой друг.
Яблоко,
господин гурман, —
Сад под ноги подкатит сам —
яблоко от первых, так,
так и сказать бы: рук.

(Паденье —
если тянуться вверх,
а вот познание —
наоборот).

Пахнет сладостно труд Врага запасенный впрок.
Ведь скоро зима... о чем бишь мы?
Да, скоро зима наконец... так вот,
плоть, говорю,
исторгает плод.
Мы подбираем плод.

В свой черед лóмится и черенок.
И, маркиз,
свысока
падает голос к исходу строф ниже травы.
А как воспарил бы!
Ан — нет! фальцет
древнежреческого петуха —
и не любопытно, что там —
в конце,
в самом конце строфы.

А в конце концов,
господин маркиз, —
очаровательный Сад —
змей бредет — голубок-павлин-многомудрый-червь.

Бродит сидр
в румяных плодах,
под-лежит, и отнюдь не над-
черни — знать —
как бродит чернь!
ах как гуляет чернь!

ОПЫТ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

Он в черном блеске времени возник
мой ангел, брат мой, мой двойник,
и в миг
как слезы заблестали
лик ослепительный
исчез,
тотчас звезда рассыпала хрусталик,
а об другой расплющил ноздри бес.

путешествие

ВОКЗАЛ ИНФЕРНО

Пес к ней приблизился руки лизать смиренный —
белые она подставляла руки.

Посередине площади пили мы вермут —
это к разлуке — я говорил — это к разлуке.

Она повторяла: «К разлуке, и непременно.
Да вы и все понимаете сами».

Но не пошли ей за это судьбы надменной.

Хотя и это, наверное, благо.

Амен.

И говорю: в мертвом море есть мертвые броды.

Перейдя, и заказывают эту отраву.

И море само разливает мертвую воду,
настоенную по рецептам Варравы.

— Что ж, будем пить и веселиться будем, — дама сказала, —
а если уж с джином — то жизнь эта точно к хамсину.

Псы собрались на площади перед вокзалом —
все как один
оближут ей руки.

Жестоко, что дама приснилась в белом и немолодая.
Очередь псов собирается с нами выпить за верность.

Что сейчас будет — я угадаю:
будет хамсин на пути к инферно.

Часов пробивается стебель в петлице вокзала.
Что ж, кавалеру и точное время разлуки — благо, знаете сами.
— То есть — мы расстанемся, — она сказала, —
и, пожалуйста,
вермута — даме.

Что теперь делать с пьяною — непредставимо.
Агнец пусть ей приснится, и будем гулять попарно
перед вокзалом «Инферно», где на проходящих мимо
небо шипит, на плевки как потолки пекарни.

И кавалеры все понимают на идиш, как в Польше, —
вот уж где точно не буду, по крайней мере,
я и вообще никогда больше, наверно, не буду,
кроме тех мест,
где возит автобус на мертвое море.

Да, мы, погружаясь в инферно, лишь возвращаемся аду.
Дамы, наверно, желают, чтобы случилось чудо,
да Мертвое море колышет мерно мертвую воду —
скверно, но я отсюда уже никогда не уеду.

И будем пить вермут и можжевельовку с запахом северной жиз-
ни.
Дама сказала, что больше не в силах и хочет сына.
Ах, если верность имеет значенье в джине —
будем считать,
что верен рецепт хамсина.

Ну а теперь о любви, о любви коварной,
ну а пожалуй — лучше за самый вермут.
Ну а теперь, когда мы подошли к inferно,
выпьем за пса и будем вести себя смиренно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАЗАРЕТ

Мы с тобою чуть свет поднялись,
и цветы —
голубые цветы —
из-за голубизны
ты сказала купить,
но они не цвели,
ибо ночи у нас холодны.

Продавал в темноте
голубые цветы
развеселый еврей —
эти цветы —
их для белых церквей предназначила ты —
назаретских
церквей.

— И зачем вы торопитесь так в Назарет, —
цветочник смеялся старик —
не сияют
с небес
и уже
не горят —
ни одна звезда не горит.

Сон в Нацэреге,
сон —
а в Нацэреге тот —
дым и марево нежное — дым золотой,
что никто не заметит,
как кто-то войдет —
и уйдет по дороге пустой.

Собака залаяла —
так на земле —
ты права —
только сон человечесий да лай,
да один кто-то едет —
один на осле —
по дороге на Ерушалайм.

Увы!
я забыл арамейский словарь,
мы так рано проснулись напрасно —
поверь —
и цветы голубых левантийских кровей —
не для белых церквей
Назарета...

зачем
нам понадобилось в Назарет!
Посмотри же скорее:
фигурка вдали
все на холмы взбирается, там —
посмотри! —
из запекшейся бурой пыли.

И тогда только,
к хólмам оборотясь,
ты заплакала громко,
навзрыд —
что последние звезды сгорели над ним —
и уже ни одна
не горит.

Е. Г.

Давай поедem к низкому заливу
справлять каникулы свои,
в том смысле,
что не сезон,
и только эта пристань
торгует рислингом
отсель — до горизонта.

В партере снес заблудшие шезлонги
порыв,
заметим:
ветрено на солнце.
Песок твердеет.
Омертвели волны.
Сдается — наконец — сдержали слово:

закажем жидкое вино арапский рислинг.
За нас с тобой,
любовь моя
Елена!
за то,
как мы недолго собирались
справлять каникулы у низкого залива.

вечернее пьянство в хайфе

I

Тень наливает виноград
на сумрачных горах.
Стоит нетрезвая пора,
нетвердо дни стоят —
еще глоток — и ночь сама —
еще один глоток —
и — сдвинуть два ночных холма
в ущелье брызнет сок! —
по кругу гроздь распустя —
кисть сдавлена в кисти —
как на раздавленных кистях
сосцы рвались цвести!

II

Лемуры, бороды задрав,
лемуры, охмелев,
луну, зашедшую с утра,
в воловий тянут хлев,
там, опрокинув на себя
бесстыдную луну,
свое бессилье теребят,
свое бессилье мнут,
потом танцуют от любви
с луною допьяна,
танцуют в розовой крови
вспененного вина!

III

А если пена на вине —
бродячее оно —
шатается по всей стране
бродящее вино,
пролилось литься по холмам,
и с потом пополам
вино струится по телам
и льется по телам
в надутых венах до утра,
пока тела умрут.
И обезумев, бредит брат,
взошедший на сестру.

IV

Крепчает виноградный сок.
Силенствующий сброд —
рад — давит гроздь о висок,
а сок стекает в рот,
и капли ото рта ко ртам
сливаются, а там
течет по девственным губам,
по жарким животам,
течет великий пот суббот,
дубящий нёбо пот,
и обнаженный красный рот
трефной сосок сосет.

V

Танцует по вину душа
нетрезвая моя!
вся в лунных липких лишаях,
а, впрочем — как и я.
За добрый Ханаан — а ну!
еще глоток-другой!
за душу пьяную одну
и пламень голубой —
горит и лапки холодит,
и душу холодит,
сухой гиперборейский спирт,
горючий синий спирт.

VI

И пьян лемур, и пьян давно,
в слезах сказавший мне,
что это страшное вино,
коль пена на вине,
лемур! ты пьян, ты просто пьян,
ты говоришь в бреду,
что семя выплеснет Онан
весною в борозду,
и вол начнет луну терзать,
в ее лицо дыша...
Но что тебе в пустых слезах —
ты спи, моя душа!

VII

А я из горлышка тяну —
о, сладкая страна!
Еще один глоток вина,
козлиного вина!
Еще один глоток винца
от Ханаана мне!
Да дотанцую до конца
на розовом вине.
И на сухой земли клочке
засну — пускай струей
да подбежит вино к щеке
доцеловать ее.

пейзажи и натюрморты

ВИД НА КРЕПОСТЬ В ЯСНУЮ ПОГОДУ

Июль оркестры играют.
У яблонь, как серьги в ушах — соловьи.

Скажем —
и отвернемся к белой стене —
скажем по правде,
а что бы и нет, лемуры мои —
грустным,
сказать по правде,
представляется
мне:

скажем —
был-да-сплыл, да в бумагах расплылся сюжет —
ветки смородины,
скажем,
крыжовника,
скажем —
пóбоку тропке садовой —
и намok и пропахнул манжет
той, что вовсе не жжет —
мокрой крапивой сладкой цветущей медовой.

...бренчат, как серьги — в ушах — попугаи бренчат расписные!

Думал я в эти дни...

да и ведал ли в утра иные!

пальчики эти белые — речи эти хмельные... —

крепостные

мы —

и беглые

мы —

все одно —

крепостные.

Попугай, попугай!

не дарованная — вся свобода наша ворованная,

родина нам — людская.

Вся порода — думал я —

природа нас — воровская.

Что нам плен-Вавилон-отечество,

лемуры мои,

да?

Драли нас на конюшнях, чего уж там!

соловьи — говорю — лепота!

...А здесь бей-басурман Буонапарте побил,
уж такой был циник.
И крепость важно кивнула вода́м
согласно:
«Акко...»
Сласть,
что арапский сулит офеня,
а ты сиди и соси свой финик,
в виду крепости Акко:
мол, так мол и так мол.

То ли с Итаки яхта,
то ли на Итаку яхта.
Мечта — не бухта,
а только затынешь: «Ах ты!..» —
плюнешь
и отвернешься к белой стене —
крепость —
она же —
прочность —
антистрофа волне.

...в покое
замка псов-рыцарей-госпитальеров
немноголюдно:
«Приема нет»
дело идет к полудню
в тень
совершить шеш-беш —
конец бакалее.
Терраса покинута,
с горя терраса болеет,

бредит в жару терраса
— так-то, лемуры мои! —
что она — веранда,
и что не перебирают ей пыль кипарисы — но играют июль оркестры,
о лужах тужит,
недужит веранда,
себе не находит места,
и утешает —
как может —
себя Кораном.

К слову:
бедный средний туземный род —
как один — рыбаи-христиане...
Не то —
мы — беглые —
из средиземных вод
мы тянем-потянем нети —
пальчиками-да белыми-да с остриженными ногтями —
однако,
кто говорит, что мы прерываем нити?

...Акко
в уши вошел караван с грузом иголок —
таки
вышьем-ка пальчиками умелыми —
и лучше сейчас, чем потом —
парус,
чей долог и темен путь до Итаки.
и — крепость,
и — гладь, лемуры мои,
не крестом.

ПАСТОРАЛЬ

Затем, Мария, что нейдут волхвы —
я поднесу по случаю явленья
вам — гороскоп соломенной вдовы —
и звезд — Ему, подобранных в селеньи,
или на холмах, где столь даль светла,
что из глазниц преполненных сочится,
или в долине, где перепела
свистали — а туман еще дымится,
и колокольцев отдаленнейших отар
невинный звон доносится: Мария!
И не поправив, эхо повторило
в тумане сонном в колокол удар.

ШАХМАТЫ ПЕРЕД ЛИЦЕЕМ

офорт

И. Г.

Время
действия на доске:
день четвертый —
йом р'вии —
среда:
свечи и шахматы —
белые начинают:
едва,
мадам...
дождь склонился к пустыне, он тотчас топит себя в песке.

Иными словами аллегория времени есть
вода.
Дабы
времени истечение
не уподобить реке, например, Иордан,
или к заливу истекшей реке —
я,
мадам —
и говорю:
дождь топит себя в песке.

День четвертый:
белых коней
меняем
на черных коней.

По этому случаю что за метафорой обогатил бы словесность друг мой поэт и масон.

А мне вот
ветр
с залива
и все холодней,
снег и песок мне, мадам, снег и песок.

Я, верно, влюблен,
и еще раз
шах!
и тоска, знаете ли...
А не бывает с кем?
Размышляйте, счастье мое,
не буду мешать.
Дождь,
говорю,
топит себя в песке...

— и —
клубился пар из черных канав
— лететь —
вздымался дворцовый парк,
а в нем
вели дерева балет,
и пылал Лицей
тяжким
зимним
огнем...

— и —
милая
...когда отвалил паром и понесло по реке
— говорил же я, что аллегория времени есть вода —
слепые льдины сплывались и тыкались в руки мне...

шах,
мадам,
дождь,
говорю,
топит себя в песке.

Конечно, слезы, печаль.
Не веселит исход
игры...
(Карл заточен и сир, а в оркестре вступил гобой).
А вами я увлечен,
как и явствует из стихов,
то есть
масонской словесности —
то есть
само собой.

Допустите ль
разворошить ваш белопенный корсаж,
груди фарфора с розовыми сосцами
раззять,
и,
не в пример почтительней,
нежели многоученый механик ваш —
взвести пружину —
да,
госпожа моя?

...Объяснение
действия, имевшего быть на доске
в йом р'вии
в том,
что йом р'вии,
когда дождь склонился к пустыне —
он топит себя в песке.
Во имя любви
нашей,
во имя любви.

Не убегайте лобзаний моих!
Сколь славно в конце
концов
мы заживем вдвоем:
шахматы,
свечи,
словесность...
и
Лицей, Лицей,
пылающий тяжким, невыносимым огнем.

ПЕЙЗАЖ
лед, перо

Еще выводят вязь по черни —
как флот
из ненадежных вод.
Речь стала —
медленно течение —
уже остановило ход —

речь стала;
шелковой удавки
не надобно, как в те разы —
рот стал,
он — черная канавка —
там лебядью сиял язык!

Сух черный лед речей смиренных,
но словно пепел свой
легка
смерть
черновик посеребрённый
лебядь небывшего стиха!

А мне отпустят —
все едино
пускать по ветру серебро —
и жизнь,
и пепел лебядиный,
и в наст вобьют мое перо.

РАЗРУШЕНИЯ С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Когда
в ладоши наконец ударили —
тем
прекратив раздор —
в ладоши наконец ударили,
а мы мололи вздор,
когда в ладоши наконец ударили,
и выбежали дети в коридор,
а мы в смятеньи и с вещами
все тот же доборматывали вздор...

Когда в ладоши наконец ударили —
 когда
 неторопливо и печально —
 уже руины осыпая в зарево —
высокий горизонт пожал плечами,
 когда
день, накрепко — уже — катился в адское,
а друг за дружку все цеплялись мы,
 шепча навыворот дурацкие
 бессмыслицы-псалмы,

 я
 закричал о ней!
 Она
 стояла на ветру холма одна,
на холме — на пустом — ветру,
 пламёна трав цвели вокруг —
 цвели вокруг
 пламёна легких трав,
 цвели в дыму —
и восползали маки по холму.

 я
закричал о ней слова влюбленные,
 и
 оглянулись
 мы:
на холм восползали маки воспаленные,
а воздух был бесцветен над пламёнами,
 а нас,
 как пепл,
сдувало с бахромы.

ПЕЙЗАЖ С РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОЦЕССИЕЙ

Сбредутся
сумерки-вереницы
плестись по улицам
к молебням своим
и примутся там молиться,
не назвав,
кому
они молятся.

А из окна кофейни, если зажмуриться,
или, как ты погода
и скоро —
растрогаться —
вид на дождь.

И словно солнечный проблеск,
слышно сквозь дождь разговора:
«Молод. Представлен к розе за доблесть».

Сюжет деянья:
[светлая ночь, слезы]
— Скажи на милость!
— Блюдце разбилось.
— Какая жалость!

Сюжет покаянья:
уловка с портвейном, что непременно розов.
«Молод. За доблесть достоин розог».

А наш белый карлик
[светило]
тем временем невысок.
Холмы перескочит
и там себе доалет.
Тогда
покачнутся в черном холмы и сядут в песок
в обмороке Галилеи.

И тогда
пройдут эти мимо столов кофейни —
их вереницы
в сумерки отправляются по домам,
отмолив
грехи наши,
но перепутав страницы
ветхих изображений слов.

ЛУННАЯ НОЧЬ В ИЕРУСАЛИМЕ

Тишина междуречия такова,
как если бы райский ручей
протекал близ бумаги сей —
мы,
привычные к шуму вод,
обнаружили вдруг:
он иссяк,
и какой уж год
на месте его разваливается мечеть —
тишина междуречия такова;
в тишине таковой —
и шумерская речь сновиденна меж наших речей.

Подменяет пот
наш любовный мед.
И — ах!
как полный сосуд восполняет любовный пыл!
Стечение Тибра с Ефроном дает представление где ад
(в чем тьма ночная с нами равняет слепых).

Легла
и сама постелила, где лечь,
утешаясь:
ведь
нужно —
и таланы мои
заменят медь,
а ножны пустые —
меч.

А нужно-то было ртом саламандру ловить за кончик хвоста,
а, перестав улыбаться,
ее отпустить из небрезгливого рта.

...«...блаженна я буду, как ты велел...» —
с чем и легла на живот,
бесстыдливая, как жена, принимая от
сот перламутровых — сок,
но, возможно, и яд — так он болел...
О, жена не моя! (Нет, вы подумайте — «как ты велел»!)

Тишина
междуречья такова,
что не дрогнет сад.
Ниже
нашей любви ничего — и зачем?
когда
ночь на нас —
прочим
все нареченное —
над,
и
шумерская речь сновиденна меж наших речей.

Речей о том,
что мы напрасно вернулись, речей о том..,
что к воде средиземной идут по пояс пески — умирать —
и заходят в нее по колена — так должно им —
что, как неба мертвого побережье и край —
рвами на гору поднят город Иерусалим.

Итак:
— О, жена не моя,
как ты со мной нежна!
...«блаженна я буду,
как ты велел» —
это она,

лунное сало передернув спиной,
села,
сказала смеясь:
«Кажись,
бедный мой муж обесчещен тобою и мной...»
И прочие все мужи.

...когда занимался первый из четырех углов
Иерусалима — горящего — в дым!
а ты издавала стон —
сереброробрая ты,
недающий в руки улов! —
о! мы испытывали восток!

Но когда
первый из углей адских тебя подпек,
я один
испытал восторг,
и дотла!
чего ты уже не смогла,
ибо
снился
тебе
Единорог,
ибо
спала.

охота на единорога

Прекрасноликий — дичь,
и только — дичь,
и сам он — дичь,
и рог его Единый...
Которые способные достичь —
его едят,
ну, и само собой —
его в крови приготавливают лебядиной,
но можно в собственной готовить,
в голубой.

Как дичь
Прекрасноликий уникален.
Вина он требует достойного,
а в зале
при трапезе приличен свет свечи —
при тех условиях,
на кои указали —
среди гостей возможен
книгочий.

По изловленьи
и преданью
Прекрасноликого кухарке —
поеданы
Прекрасноликого
с участием многих дам —
он
возникает вновь —
уже не там.
По крайней мере таково преданье.

КАВАЛЬКАДА

въезжает под гостеприимные своды

I

Когда так серенько, а в перспективе нет
приюта, и насквозь промок сюжет
и стал, прозрачный, виден до канвы —
нам ли, услышав: здесь водились ль вы? —
нам ли, слоняющимся в некой Палестине —
решать ночлег как приключенье, но
терпение ослов истощено,
а скольких мест святых не навестили
мы, странствуя в Земле Святой —
— ай!

II

Сюжет доступен — пейзаж непрост
(об этом ниже...) — неподъемный мост
проскачем — чем и обеспечим кров —
но — умоляю — не смотрите в ров —
об этом ниже — только, ради Бога... —
нам низкий штиль, высокий наш аллюр —
разве позволят перейти, как средний люд
бы перешел — еще травить единорога —
а средний люд идет себе домой,
— Аой.

III

Оглянемся ли? Что вы — никогда!
Тогда, быть может, оглядимся — да!
И повод дай, чтоб уцепиться — на!
Как даль видна? не жмут ли стремяна? —
не оглянуться, но оборотиться:
холмы имеют горный вид холмов,
туман вечерний — горький вид дымов,
и вид паденья в небо ищут птицы,
то вверх, то вниз, свисая головой.
— Аой!

IV

Вообще, возвышенности портят стиль
пустыни нашей — Господи прости —
мы, не моргнув, опустим возвышенья,
пустившись под уклон стихосложенья,

и тем достигнем, стало быть, — долин,
хотя и речь ведем о плоскогорьи.

Но уровень считается от моря,
но на горах стоит Иерусалим!
Но море Мертвое за ближнею горой —
— аой!

V

Пейзаж проехав, уцепили нить
за узелок — все можно изменить —
в шелковой луже милые черты
наморщатся... Аглая, где же ты? —
гладь покрывает выражение дна —
глядь — в глубину заглядывать неловко —
благо — видна бы только подмалевка —
а то — изнанка грубого рядна.
— Аглая! ...След постыл и след пророс травой...
— Аой?

VI

Аглая бедная! Понятно, что не ты
гулила горлицею чистой красоты,
но ведь была живой, а мертвой стала —
Аглая! как ты низко пала —
что опершись на локоть, не привстать!
Лежи..., лежи..., покуда пожелаю
прижизненно на острове Аглаи,
опальный, горько-горько возрыдать
о смерти той, о жизни той.
— Аой!

VII

Ослы? Ослы пошли в сатин гороха.

Их жидкие мослы не без подвоха
луча скрепляет выцветший галун —
луны — точней, единственной из лун —
сквозь вышивку долин рельеф колен,
спит моль в садовых розах да оливах —
сообразим, что это справедливо —
пейзаж непрост — поскольку — гобелен —
а скучен — разве приютит другой?
— Аой.

VIII

Когда стемнеет, мы умерим пыл,
суставы разомнем, запудрим пыль,
почистим перышки, уставшие парить,
темнеет — потому умерим прыть,
и осторожней, не озорничай,
когда наощупь отличаешь слово —
оно — ей-богу — отзовется, а иного
ты молвить слова не хотел бы невзначай —
потом в потомстве будешь сам не свой.
— Аой...

IX

Хотелось бы остаться при своих?
здесь все свои, но кто же знает их?
Уже накрыли. Свет привнес слуга,
а то — порежемся — вдруг задрожит рука

доверенная в дружеские руки;
звонят в монастыре — как пузыри —
поплыли медленные в сторону зари
от колокола отделившиеся звуки:
покой, покой, забвенье и покой...
— Аой —

X

зевнем давно опустошенным ртом,
и черный шепот переспросит: «Кто потом?» —
следящий интерес в наследстве внук,
не покладающий окровавленных рук,
но наложить последние готовый.
(Как все-таки наследья дождались
при нетерпении таком потомки? Из
порезов предки вынимали нож фруктовый
и опасались раны штыковой
и в ней Антонова Огня?) Аой!

ужин

с участием отравителя из числа охотников

XI

Сколь многоног велик протяжен столь —
весь — монолог — неимоверный стол.
Разобраны охотничьи ножи,
за недостойнством столовых инструментов,
предложенных к разъятью элементов,
как-то: распутыванье жил-не-жил

крепленья крыл кивания голов
и певчих горлышек занятные устройства
познанья желчи на язык и вкус и свойства
и содержанье форма каплунов.

XII

Кто роком собраны сюда
избранны — в некотором смысле — господа,
чей пир — не более уступка естеству,
чем алый плаш Лилит, подвергнутый тушенью,
чем весь пожар любви ее — во утешенье
Лилит усадим во угла главу.
Презренный с музою уселся, а в проем
сел трубадур бедняжке одесную —
наполним полную ему, двойную;
напротив — Музе — капли не нальем.

XIII

Кто рогом призваны Лилит,
звались, как Кайрос повелит,
как зваться только мы и можем —
Лилит сказала: «Обожаю всякий сброд», —
вот и зовемся кто и как кому наврет,
или — как бесу на душу положим —
меланхолически поправил эскулап,
в забвеньи клятвы Герострата уличенный,
воды не пьющий даже кипяченой —
бо был изболжен в травленьи пап.

XIV

По истощеньи иерусалимских лоз,
что слаше монастырского пилось?
Чья искусительская выглядит стопа
из-под перин разнеженной Европы?
Затем и бродим мы стопа в стопу по тропам,
дионисийские выделывая па —
сами — опивки гомерических пиров —
чужих пиров — чему не огорченны —
пьем неразбавленное — в чем подобны черни —
а пьем бродячее — так не смотрите в ров.

XV

Пьем вина черные, пока на дне вина
не выкатится полная луна,
и вина красные облизывает с губ
язык, набивший сам себе оскому,
а вина черные еще глотком влекомы
к надтреснувшему горлышку бегут!
Еще глоток — и выдохнется — ах!
как черный пар души твоей, особа —
изюм бренчит об костяное небо,
гной винограда стынет на клыках!

XVI

Пьем вина белые, покуда дотемна
со дна не встанет черная луна!
Пьем вина столь прозрачные, что звон
уже опорожненных ямбов нежных

вселяет в нас нетвердую надежду,
что то же пьем, что пили испокон —
пей ты, любой! Достоин пить с любым —
пей я, я бы не стал пить в одиночку,
Пей ты, любовь моя, я знаю точно,
что только пьяной шлюхой и любим.

XVII

Итак, Лилит предпочитает сброд.
Пиит латынь прочел — наоборот —
жид утверждал потом — ему виднее.
За наших дам — поднял вино пиит,
но... Муза! Почему ее тошнит? —
хлебнула яду, по словам еврея,
обнюхавшего ей бокал: «Ой вей!
в вине пара карат Даров Изоры» —
какое там! тинктуры мухомора!
какое там противоядие, скорей!

XVIII

О, Муза бледная, как твой желудок слаб!
Ну, эскулап, цитируй постулат
«подобное — подобным»: мальчик, яду!
Уже бежит расхристанный лакей
через сераль, гарем и гинекей
сажать необходимую рассаду
в садах Локусты (как ухожен сад!).
Кусты в снегу, протоптаны аллеи.
Как холодно! А только потеплеет —
нарциссы высадим... Однако где же яд?

XIX

— Противоядия! Кружится голова
(от перспективы крепостного рва?)
— противоядия! Захватывает дух —
не прежде чем его испустит — тело —
оно совсем было уже перелетело
из лап могильщиц в лапы повитух,
и ряд причин поссорились (ура!),
наследство следствия деля, а мы на случай
противоядия от смерти неминуемой
яд выпьем завтра, а помрем вчера.

XX

— Бедняжку жаль — достойно, как всегда,
взгрустнул домашний врач: так молода...
— Я отпивал — презренный молвил жид,
Лилит заметила, что с некоторых пор
на всех даров достанет, не изор,
а тело в ров, покуда не смердит.
Чем пир сошел, а нам ступать домой,
с тобой: красавица, хотя бы до порога —
с утра еще травить единорога...
— Не оступитесь — ветхий пол — аой!

XXI

— Воздай! за то, что были мы добры —
по крайней мере — до лихой поры
врем — до времен, когда расшили бисера
сукно ломбёрное несчастного утра —
до той поры, когда пора, поручик!
как отрезать оборвать игру —
в домбру вернуть сорвавшееся «ля»,
в пасть возвернуть совравшееся для
и ради климаксу подверженных графинь,
что если благосклонны к нам (аминь),

XXII

не дай вспомнить нам и кто мы есть,
как стали днесь и как случились здесь,
девиц оплакивая всяческих — мертва? —
пустое — ров да рвотная трава! —
и в рот вернется топ по тропам яд,
и обернется в креп — крапленный ямб,
Бом, клоун, он и выдавит слезу
у друга Бима в налитом глазу,
он скажет: Бим, умом своим раскинь —
те еще шансы воскресения. Аминь!

XXIII

— Дай нам вздыхать (поэтому дышать)
посокрушеннее — зачем лишать
неоправдавших ожидания одежд
покойницу, она хранила меж
стоических грудей мятежный дух —
представьте: муфты, пыль, ломбард — блюла от мух,
да нежных молей, да потравы на пирах —
теперь, с похмелия стирай душистый прах,
теперь проветривай, суши да нафталинь...
А все смердит мадам червей, аминь!

XXIV

— Отдай хотя бы то, что не Твое —
наших грехов холодное белье,
детей — своих, а не Твоих детей,
избавь хотя бы от Твоих затей
искать впотьмах с паническим ау
себя в Тебе — ведь где-то я живу?
искать Тебя в себе и переполошить
себя пропажею пропащая души,
впасть в суеверье, выучить латынь,
санскрит, иврит, и помереть. Аминь.

XXV

— Подай на блюде серебра-не-серебра —
склонения ингерманландского утра
к пажеству полдня и сенатству дня
и, время действия при месте сохраня,

благосклони к плебейским дочерям,
чтоб пить нам за полночь, но сана не терять,
а тем и резче зреть, давая в сердцах фитиль, —
крылатой бестиею осененный шпиль,
на позолоту чью, а токмо и гордынь
своих — чернь злато по ветру пускает в синь: аминь!

XXVI

— Продай — а это говорит еврей —
нас подешевле, только поскорей,
на выручку — не растранижь ее! —
купи дельфинов или муравьев —
и только тем ущерб предупредим,
что ты продашь нас поскорее, Господин;
продай нас, обезьян своих, сагиб —
бесхвостых, сырых, безголосых и нагих —
а нет цены нам никакой, разинь
нам ребра и ложись туда. Аминь!

XXVII

— Задай нам сентябри, но поощри
имперские учить календари,
где осень — заговор, и где пока живой
июль накрылся тогой с головой
дружеской финкой просто поразим,
он и пошады не просил, а как красив,
как августейш — сезон мечтательных молитв:
в ладони хлопни и войдет с комплектом бритв
раб-иудей, нальет водой бассейн,
и кровь нам не заговорить. Омейн!

XXVIII

— Придай — а это молится Лилит —
нам свойства уклоняться от ловить,
и ноженьки несут меж гор и дол,
да ветром задирается подол,
сил нет дышать, пот по грудям течет,
сорочка разодралась об сучок,
и ветки уцепились за власа,
стою нага уж битых два часа,
ну! Холодно же, право — не волынь!
— А ведь действительно здесь холодно. Аминь!

XXIX

— Предай за то неверную Лилит —
что с ней — что бес? — а все не яфетид,
а подфартит, так нам хамит-слута —
семит пеняет: не богат, ага!
ага, мол, нам, и семенит перо —
а все не чествует словесности народ —
обиду чувствуем — и посему — сейчас —
(— о! — Кайрос, о!) как есть — не постучась,
войдем! (в белье? ужо шлафрок накинь-
те!) — о, они крепостники! Аминь!

XXX

— Не покидай! стрелой достань сюжет —
чтоб пал в саду — мы выйдем в неглиже
поутру шурясь — чтобы егерь преподнес
главу — в среде букета — бледный нос,

чтоб не гоняться-подвергать гоненью дичь
повествования под вдохновенный китч
охотников, а чтобы всякий мог
носатую главу поднять за рог
и похихикать над божественной главой,
уже отрубленной, и все-таки аой?

НОЧЬ.

когда не поет козодой

XXXI

Ирония летает по ночам.
Сова ее, бессонная с заката,
при свете пристальном подслеповата —
сидит в дупле, но в полуночный час
летит добытчица и ищет нам добычу,
все видит, видит то, чего и нет,
и тушки теплые приносит на обед,
то в скобках клюва, то в когтях кавычек —
она — ночная хищница, сова,
спит днем, и безусловно в том права.

XXXII

Луну изобразим в углу, там ей светло.
Свободен левый верхний угол. В правом
и тоже верхнем пусть сова, буравом
просверлим для нее в луне дупло.
Пусть две луны! Пусть осветит одна
мою любовь с улыбкою глумливой,

а нас вдвоем с любовью несчастливой
пускай другая освятит луна.
— Себе не много ль две луны? а что другим?
— А сколько душ имеет андрогин?

XXXIII

Мы андрогин. Нам трудно по полам.
Лилит взволнована, Лилит сидит в постели —
мы пол ее переодели как хотели:
пол нагишом, а пол в мадаполам,
и вензель мулине по гобелену
мы вышьем шепотом и где-то в стороне:
— мой милый друг, идите-ка ко мне...
— ...но сколь вы, милый друг, не вожаденны.
зря, зря хлопочет некто козодой —
не петь со странгуляционной бороздой.

XXXIV

Пой, козодой... Оборотясь к Лилит —
тем самым выгонит, предполагая
с надеждою — Аглая, дорогая,
прельстителен ваш вид, но нас не пламенит, —
потянем кружева с ее коленей,
с надеждой на: «пойдите, друг мой, вон!»
Грешим с надеждою на оскорбленье, на афронт,
и — на худой конец — сопротивленье —
когда немилосердная сестрица
останется — нам — удалиться.

XXXV

Брат снимет флердоранж и ляжет брат с сестрой —
не порознь — не при невесте —
пой, козодой, — невеста вся в инцесте
и весь при интересе молодой,
пой, козодой! Однако, петь не стал:
не помнящим родства и петь не стану!
— Где меч? — Изольда вопиет к Тристану.
Лежи лицом к стене, пристыженный Тристан.
А в общем гадость эта ваша сладость,
как разобьет вторая младость.

XXXVI

Ну, козодой... Молчит! А стало быть,
его молчание и вовсе непечатно!
Ну а несчастная любовь затем несчастна,
что знать зачем, так лучше не любить.
Но объясним сей эпизод бессильем
любить на людях, при луне, при мне,
при вас, сударыня, потушенном огне,
при вас, мой друг, как вы бы ни просили.
Нельзя любить. Не тянут за звездой
себя уздой. — Молчите, козодой!

XXXVII

Забыли, где повесили луну?
Смотрите! в угол ей пришлось забиться!
Не плачь, Лилит, чему не быть — не сбывся,
ступай, сестра моя, назад, к веретену,

и все сначала: пряжу расчеши,
мечтай о женихе, сучи основу,
лелей невинность или невиновность
стократ воспетой девичей души,
в которой нет ни капли сходства с телом.
— Вернись — кричит Лилит — я не хотела!

XXXVIII

А трын-травой, по правде говоря.
— Вернись — кричит Лилит — мой друг любезный,
зря тыл постыдный бесполополезный,
а фас ей помавал не мене зря.
Гол андрогин, куда ему сокрыться?
В сад, за плодами зла и недобра?
Се плод — есть боб. А был банан с утра,
его вкушала бесстыдливая девица
вчера еще, так что же — без конца?
Лилит, другая ли прелестница?

XXXIX

...Смотри, мой беглый персонаж, который
пока не пойман и не взор,
как обнимает тень поэт и вздор,
что морок сей пиитова Изора,
смотри, как в свете нынешней ночи
еврей младой мнет груди мертвой музе —
смотри! не позволяй себе иллюзий,
что понял — почему, а понял — промолчи,
ибо слеза с щеки ее бежит,
или над ней горю-горюет жид?

XI

Как чужд наш сад — он полон пришлецов!

Кто на постое стал? гяуры, янычары?
любители психей, ботаники анчаров —
едино гадят под крыльцо и дерево.
Так страшен сад, доставшийся другим,
что мы к Лилит, да право, это мы ли?
ведь мы когда любовниками слыли...

— Ау, Лилит! — Ау, мой андрогин!
— Моя любовь? — Да, друг мой дорогой!
— Где ты, моя любовь? — аой!

БЕСТИАРИЙ

XLI

Что гобелен — расшитая дерюга,
и как ни примеряй, прикрыть мала
сопящих нас в объятиях друг друга
в любви нашей, которой нет числа.

А небеса, затканые звездами,
равно лежали ладно на Адаме —
и стыдно даже выговорить — вши.
Чем в складках неба шевелить созвездья,
склонимся к ним, расставив междометья
на караул по сторонам души!

XLII

Рептилия, а Божья тварь! однако,
уж больно мерзкая, а есть еще мерзей.
Но с головокруженья зодиака
и нас бы в баночку со спиртом — и в музей,
и хорошо бы без кровопролитья,
и хорошо б соиться на наитья,
а ум естественно на два делить ума...
Сомнительно, чтоб Он был человекен;
у них там наболит, а мы здесь лечим —
у них там чумка, а у нас чума.

XLIII

Целя любовь свою во цвете чумки
и тем в естественном отборе преуспев,
мы молим вас, в пастушеские сумки,
простушки, запасайте львиный зев,
и носорожий рев единорожий
пусть ёжит лебяди сиятельную кожу —
дрожи, зверушки. Боже вас храни
от променадов в долах зоосада —
там миф мычит и так телится стадо
в бубенные небесной чумки дни!

XLIV

Ужо придется бедному зверью,
зажировавшему на нивах зодиака,
поставить крест на эволюцию —
чукчеподобный зек-полит-зевака,

впрочем, привычный к перемене мест на крест,
кивнет: гляди, брат-грек, на вьюжный вест,
и ляжет гад с ягненком от волчицы,
под знаком сим терзая требуху —
как содомийскому четвертому греху
у братьев-близнецов не приключиться!

XLV

...Лежит себе во рву Иерусалима
Муза — а мы себе врачуем зодиак.
Чуму на оба наших чума распалило
насилъе: раз — напал на деву рак —
и два — стенанья — в зодиаковом вольере —
невыносимы — нам по крайней мере —
едино — рак льва задирает — свой черед —
известно наперед — заря едва —
и лев — то бишь светило знака льва
луну-единоверца задерет.

XLVI

А, собственно, что зверя разъярило?
на самом деле все наоборот —
играем мы по правилам звериным
и мир трубим в еще растущий рог;
чума не чумка, игры не игра
любовная, на деньги, в баккара:
что шулерство, а что и понарошку —
сейчас притворство — искренность потом —
подумаешь — и завернешь в притон,
входной билет купив у рыжей кошки.

XLVII

А что сюжет заткнули за манжет —
нечистая игра, а что поделать?
Быть в проигрыше полным? или же
год одна тыща девяносто девять
прервет игру была-и-не была
и нас сгребет с игорного стола
и, слушая грошей скороговорки,
ждать, как свободы, мотовства, ну а пока
бренчать свое в кармане игрока,
где дурно нашим дамам и шестеркам.

XLVIII

Год упадения Санкт-Иерусалима
шел в хлев, к свиньям (однако — треф. Увы!) и
марьяж червей наших прогуливая мимо,
мы слышим толки впрямь кривые —
астролог из европ, каков иуда! —
мартиролог ваш гороскоп кричит, откуда:
лечи, брат, скот, покуда скот лечим.
А нет — травы — да буде ты мужчина...
— Так за почин! — врач вымолвил, и чинно
почали — ангельский прияли чин.

XLIX

А год-то к Музе лег. Союзные холмы
не будят в нас греховное — напротив —
мы спим в грехе, и тем греховны мы,
а бодрствуя — потворствуем природе,

греша естественно и прямо на нее.
Но убедимся, сколь согласно спит зверье:
стрелец и дева залегли в хлеву.
В хлеву — известно — девы безотказней.
А поутру, в виду стрелецкой казни —
повествование короче на главу.

L

В субботний вечер без-году-неделя —
в наш тысяча без году сотый год,
склонение к девической постели
испытывают равно гот и скотт,
гунн — скиф еще — куда им до приличий —
век девичий короток, как девичий
подол, и задран — не золотой, так голубой,
но непременно с позолотою и с чем-то —
в век возрождения традиций кватроченто
из... о! пора сказать аой!

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

LI

Ночь так темна, что мы бы в ней могли
вполне поля посеять конопли,
собрать ее на рисовой бумаге,
и горсть семян своих собрать в кулак —
ночь так темна, что различим во мраке
пустую маковкою дребезжащий мак,

ночь так темна, что не позолочённым
шрифтом и шифром нам выводит вязь —
и светлый смысл, не ставший дымом черным,
прозрачен вовсе в голове вьясь.

LI

Ночь так темна! Не разобрать письма,
что пишет сон и что читает тьма —
да завистью истечь литературе,
когда сова кукует на плече
тысячелетия сладчайшей этой дури,
что легче пережить, чем перечсть
и снова пережить, и на лету
вдыхать дымок кальяна иноверца,
что вниз течет по смолянному животу
из просто небом истекающего сердца.

LII

Склонись над спяшею и в унисон
читай ей сон на голубой висок:
полночный сок стекает по скалам,
змея танцует на змее, и жала
танцуют, и разъема нет телам,
когда б и гибель им не угрожала,
когда б и страсть не угождала им...
Склонись над спяшею, раздвой язык змеиный,
когда бы можно так любить двоим,
чтобы на языках истаял иней...

LIV

Раскачивается несносный зной,
как облака над мертвою луной,
читается, как детский потолок,
грамматика утраченного детства,
где на пол сполз полупустой чулок
змеиной кожей пустой с ноги злодейства,
читается распевно и само —
забыл, когда оставленное близким —
любовнице подметное письмо —
виновника посмертная записка.

LV

«Реб фон Задека ибн Юнг цу Фройд!
Ваше почтенство! Мы стоим горой
за Вас, мы чтим Ваш светлый гений!
Но мы в смятении, Великий Маг —
в бессмертных сурах "Толкования видений"
нам темно место, что поется так:
Лилит разъятое, разнеженное лоно,
явленное как бы издалека
суть пра- (читай «про-») память эмбриона,
а шире — по- (читай «пра-») родине тоска.

LVI

Ваше почтенство! Мы — примерный ученик.
Никто, как мы, к устам мудрейшего приник,
но в лоб глядели мы на дорогие
черты Лилит, а кабы это сон! —

мы не испытывали ностальгии,
ни мы, ни — кланяющийся нижайше — эмбрион.

О, чтоб Ваше почтенство утолил
не праздный интерес, но тягу к знанию, ибо
мы — всё одно — пришли в Иерусалим,
нам все равно теперь. ...Заранее спасибо».

LVII

Мы все равно пришли в Иерусалим,
а вслед за нами в город повалил
толпою темной снег, и невпопад,
сам за собой — гуськом, насторожён —
на звук пошел, глухой как снегопад,
на смутный лик накинув капюшон —
идет по следу, попадая точно в след,
край пелерины-пелены приволоча...
а домочадцы выключили свет,
и в дверь не постучать, и нет ключа.

LVIII

Мы все равно пришли в Иерусалим,
мы на холодной площади стоим —
не отойти по памяти искать
забытый адрес. Боже! сколько лет!..
Чужие вышли из прихожей, и опять
ошибка: не живет и дома нет.
И гаснет свет. И спутница вдали
махнула и вошла в подъезд ночной.
Агляя! Подожди меня, Лилит!
И кто-то — лязг задвижкой дверной!

LIX

Мы по знакомой лестнице взойдем
вдвоем — и порознь — в забытый дом,
и бес по имени Соученик — налет портвейн,
попросит — расскажи, и живы ли?..
И заболтаешь, торопясь спросить о ней,
запропастившейся невесте когда Лилит.
И бес, который мне портвейн налил,
так улыбается, что больше не вернуть!
Мы все равно пришли в Иерусалим,
в пути забыв, куда держали путь.

LX

И нам нельзя уйти. Неумолим
тот снег, что вслед пришел в Иерусалим
и затоптал следы домой. ...Так, ребе,
мы видим: пуст наш вид и кем опустошен —
и кто на смутный лик в проклятом небе
непроницаемый накинуд капюшон!
Кто, ребе, кто, Великий маг,
нас за руку возьмет вести домой
по первому снежку — распахнутому — как
пах девочки моей — пах первый снег. Аой!

УТРО.
сельский вид с аллегориями

LXI

Свое сияли звезды в Вифлееме
и осыпали Вифлеема кровли,
и рыбкой в теплых водах плыл младенец
нечеловеческой — как представлялось — крови —
наутро ни плодов, ни звезд —
в саду шуршит солома и не деться
от холода, и зябко виден крест
в заглавьи жизнеописания младенца,
как ни чадили звезды, но с утра
осыпались и стали мишура.

LXII

Горит Иерусалим-александрит
в бездымьи, только воздуха клубенье,
и то ли сам Иерусалим горит,
то ль вокруг его — неверные селенья —
ввиду Джаблута, вставшего в гряде,
рядятся стойбища в стеклярус-дурь да ленты —
куда последнюю, уже фальшивую звезду
несет ручей, что нарекут интеллигенты
руслом чего-нибудь, чего на берегу
лежит наш свет, обернутый в фольгу.

LXIII

Еще едва читаются из мглы
холмы, и руки стыннут небывало,
заря заплесневелые скалы
шелками алыми еще не выстилала,
еще я безнадежно вас люблю,
моя Лилит, еще я безнадежней
обычного — себя на том ловлю
по сну забытому в моей отчизне снежной,
что утро нам являет наяву
дурашку-Музу, околевшую во рву.

LXIV

— А тело где? — Пардон, какое тело?
— Отравленницы. — Вы с ума сошли!
— Не может быть, чтобы за ночь истлело.
— Все так, но ведь его не погребли!
— Во рву смотрели? — А по-вашему, я где?
— Простите. Знаете, давайте философски:
коль вознеслась — ей ангельский удел,
сама ушла — тогда удел бесовский...
— Не мог так быстро съесть ее шакал?
— Вон сторож! если только он не спал...

LXV

— Ата шомер? — Ума рецон кводо?
— Райта по гуфа шель Муза? — Ма зе?
— Гуфа шель Муза. — Слах на ли, адон,
ата мевин англит? — Эйзо тшува зе?

Райта кен о ло? — Азов оти,
ата мастуль, ома?.. — Хайта по Муза,
аваль мета... — Тишма беацати,
аль тедабер шикор аль гамезуза.
Телех ми по!.. — Шалом, легитраот..
— Пошли, он, видно, полный идиот.

LXVI

- Так что же он сказал? — Что, мол, не знает.
- Вот шельма! Видно пил всю ночь. — Небось.
 - Смотрите, Белый, косточка мясная!
 - Смотрите, Рыжий, сахарная кость.
 - Однако, Бим, есть и на нашу долю...
- Однако вкусно, Бом, прошу вас, Бом!
 - Однако и пора, пойдете, что ли?
 - Однако птичка в небе голубом.
 - Однако и спасибо за вниманье —
мы оживили вам повествованье!

LXVII

Ночь проведя в несправедных трудах,
пиит созвучия считает в птичьей игре,
толкует птиц полет и зов читает птах
бессонными и черными кругами,
его укачивает пятитопный ямб,
он рвет и нюхает и снова рвет ирисы,
целитель — новым ядом обуян —
для вивисекции подманивает крысу,
из тех, что на задворках сада
дерутся за объедки маскерада.

LXVIII

Ночь кончилась. Песочные часы
отбрасывают тень на солнцепеке
почише солнечных, ведь тени их косы,
что свойственно предметам одиноким,
что назначенье по возможности не врать —
затем они и стали в одиночку.
Все заняты: играет с крысой врач,
поэта осеняют голубочки,
с Лилит спустился вниз израэлит.
И он не он, и эта не Лилит.

LXIX

Закат, сударыня, был на руку нечист —
он шел с червей, а бубны пики кроют —
в саду расквартированный горнист
уже напыжился, уже играют Трою,
слепые статуи стекаются к ручью
омыть места публичного влечения —
живая речь стекает с них — кто знает, чью
речь завтра отнесет ручья течение,
к восторгам этого, чья тонкая рука
терзает холку верешашего зверька.

LXX

Сними с губы проказу конфетти,
все одурь-дурь, да маскарад глумливый
и нечестивый — Господи-прости,
закончен, будем полагать, счастливо —

и вновь ведет себя единорог
кругом себя в тумане по колена,
хрустит, вцепясь в единорожий бок,
бумажная звезда из Вифлеема —
я загадал, что раньше чем со мной
он поравняется — вернешься ты. Аой.

ВИДЕНИЕ ЕДИНОРОГА ЛИЛИТ

LXXI

Покачивается несносный зной,
как обморок в ногах у тени детской —
влага во рту Пустыни Иудейской —
когда еще забыла быть слюной —
и сыплется из дыр песчаных сот —
как пчелы мертвые гудя — стоит песок
вне ветра — маревом — змеиный зрак
мутнеет так, и роговеет лето —
едва не звякнув, словно снятые браслеты,
змея оглядывается, еще не слыша шаг.

LXXII

Свет в черном. Раскаленная луна —
дыра небес — зияет солнцем стертым —
имеет вид скорее натюрморта
пейзаж луны под небесами сна,
и посетители пустынного музея —
какие ангелы на этот мир глазуют —

чета мужей невинных, словно дев
черты в круги червонных циферблатов —
в яд окунувшись с шепотом булата —
змея застыла, снова отвердев.

LXXIII

Кудрями пыльными чело завесив —
что не видать улыбки, став на камень,
Лилит танцует белыми ногами
по бисеру — в ушах катится весь он —
как бес в жару смеется тень, хохочет,
вконец от хохота ослабнув, — топчет
Лилит на ошупь музыку свою —
по слуху абсолютному, вслепую —
так и змею топтала бы — какую
еще под пятки ей плеснуть змею!

LXXIV

Голее бреда полуденного скопца —
то стан нагой, то таз колебля полный —
плывет изображение — и волны
не позволяют разглядеть лица,
где расшипелся, улыбаясь, демон —
когда б мы знали ужас этот — где мы? —
на холмах каменных среди камней пустыни
посмертным солнцем темя осеня —
не в черном сердце выжженного дня —
в его отверстой ветхой сердцеvine!

LXXV

Тень ослепляет — вокруг ее темно.
Светило день обходит стороною,
и волосы шевелит тишиною
от рева зева дудки костяной!
А те — два ангела под облаками гор,
случись меж ними третий — разговор —
крылатый как они, но смерчем взвинчен —
увидели бы смысл текучих форм,
и он бы изменялся быть с тех пор
змеиной девою с улыбкою девичьей.

LXXVI

Змея жива, куда ей течь, змее?
Она встает с камней, себе зеркальна,
ее металл стал сталью вертикальной,
и ум убийства есть в ее копье —
не стерегла она, но сторожила,
чтоб так визжала добрая пожива,
когда ей боль безумье повелит!
Вопьет от тела боль и ей упьется
змея живая — ей Лилит смеется —
змея мертва — смеется ей Лилит!

LXXVII

Так танцевала на змее Лилит.
Змея — опять плывет изображение —
встающий ветер встречного движенья
по ветру тело еле шевелит —

змея конвульсии себя влагая в тело
еще течет куда она хотела,
сухая кровь — но кожу прорвав,
прах — вытек и потек, куда и канет,
язык раздвоился, раскачивает камень —
Лилит танцует, а она мертва!

LXXXVIII

Возьмет ее, возьмется кто желать?
Когда в любви лицо она откроет,
и глянет из колеблемого роя
гримас — одна — с какою и жила —
пока шла речь о ней, пока
тот гул и зуд разворошенного песка
звучал и слышался все это время —
как — тишина — когда вздохнет дитя,
от поцелуя губы отведя —
когда змея с камней долижет семя.

LXXXIX

Она мертва, ей надо ускользнуть,
уйти сквозь камень, стать одной из трещин.
Никто уже не будет ею встречен
в пустынной местности, и лишь когда-нибудь,
в повествовании уже иной отточки
с глаз слезут роговые оболочки,
как лепестки янтарные шурша —
поднимется лицо с зашечным ядом —
и кто-нибудь другой возлегший рядом
возьмет тебя себе, змеиня душа!

LXXX

Змея растоптана. Скользят копыта
в жиру по рыбьим небольшим хрящам —
змея жива! течет она журча,
искать живой есть кто и кто забытый,
мираж кто, зрения обман пока,
как ангелы, поднявши облака
песка вдали... зачем я голос твой,
покинувший чистилище для рая, —
зачем услышал? — снова умираю
тогда... — любовь моя, Лилит моя, аой!

ГОСТЬ

LXXXI

Аой! Однако кто пробить велел
брешь в том, что было чудный гобелен?
Побила моль (то, что бы мы не стали) —
так наказуем реализм детали
любовно выкраденной кем-то из воров
со склада быта в Музы гардероб —
где все притворство, где все наизусть,
где шерсть такого тонкого сученья,
что зеркало ей зарастает — ну и пусть!
не перед ним же быть разоблаченьям!

LXXXII

Случалось быть собою без прикрас?
А станет профиль зеркалу анфас
и — сплыл перед глазами визави —
а где ж тогда объект твоей любви?
А фасом зеркалу оборотиться в профиль —
гляди — уже с тобой почти что вровень
объект любви с субъектом совмещен,
и недостойны созерцанья — оба — хамы —
вертись-вращайся век свой, дурачок,
перед поросшей шерстью амальгамой!..

LXXXIII

Начать разоблаченья? Но, увы!
из мягких тканей выйдет головы
китайский череп — демонов беседка —
нам однолетка — и бренчит монетка
язычеством не старше пятака,
где червь во рту заместо языка!
и что песец не съел — шакал — не птице выпи,
но той за то, что ворона и не поет —
и очи глаз моих и ваших тоже выпить —
и косный смысл пусть она сосет!

LXXXIV

Мозг — вкусный костный смысл — однако эка
предательски дрожит мешочек века,
по теплым каплям выместив секрет:
мы были налицо — а вот и нет!
а вот и нет — а вот и потому,
что хватит шкодить у вдовы в дому —
в дыму и сере грозный грянул муж!
и жестом отгонения от роз
навозных ос и невозможных муз —
хозяин — обществу показывает нос!

LXXXV

Навстречу кубарем летит Лилит:
— Вернулся?! у тебя усталый вид.
Ну как там? Хоть бы весточку подал.
Вся извелась, так долго пропадал...
— Ах, — произнес поэт. Сказал еврей: ура.
Надолго к нам? Врач буркнул: чур-чур!..
А муж совсем не склонен отвечать.
Стоит, дрожит и брякает кирасой,
и на челе его стоит печать — печаль,
не выразимая никем еще ни разу.

LXXXVI

— Лилит вдова? Скажи на милость!
Сама сказала иль проговорилась?
— Мертвец стоял под окнами, воочью
точь-в-точь следя за проистекшей ночью...
— И хватать! за обоюдоострый меч...
— Распутной жизни скверною истечь!
А, впрочем, что вам мертво не спалось?
Руки по швам. Не дальше коридора
стоять! Как следует стоять, держа поднос
для карточек шального визитера.

LXXXVII

Так будет с каждым, кто попреет и посягнет
на своеволя авторского гнет,
поскольку мы способны к вашей смерти,
а к нашей жизни — вы еще проверьте —
Так поступили с мужем мы, а вы? —
так вот, поскольку мы всегда правы —
так будет с каждым. Подтвердите, Бим?
Не правда ль, Бом? А если я не нравлюсь,
и неохотно вами полюбим —
так что же, приглашаем вас на травлю!

LXXXVIII

Денны, обыденны, поэтому постыли,
пусты ловитвы иудейские — пустынные —
гриф сверху — снизу тень — факсимиле:
с неверным — подлинно — лежать ему в земле

Святой — чирк — на полях, что изредка
и оставляли — птичка! Пеночка!
Печаль: значенье и звучанье несовместны,
как пение и действие в штаны,
как сочетание чего-нибудь — и бездны,
меня — с любовью, немоты и — тишины.

LXXXIX

Днем сад похож на огород садовый,
на вертоград моей подруги вдовой,
на плац-парад, на регулярный труд.

Потом — когда любимые умрут,
любимая умрет — пополнит ад —
ад и напомнит повседневный сад.

Но буквой «хер» над нами изготовься
скрестить крыла свои, о сад, по сторонам —
увидь нас — сон — где мы не снимся вовсе —
мы не приснились — сад приснился нам!

XC

...Никак я в сад ночной опять спустился,
где, призрак, рыща сладкого гостинца,
топтал подлунную холодную росу...

Но — вон! Нам псов пора кормить и сук!
(Сад — миф ему товарищ, сад нетварный!..)

Ввиду охоты нам пора на псарню,
Нас ждут орлы наши, не суки — а орлихи —
когда мы кормим их — мы сам не свой!
Покамест — дичь — единорог Прекрасноликий
и псов кормление трубят рога: аой!

ХСІ

Любви моей — Лилит — не повезло
в единорожей — на одно лицо — охоте —
нам протрубили, что «олень козло-
подобный мыслим (Аристотель),
поскольку он не существует», твари
сыграем надлежащий комментарий,
шипля шелка на пальцах лиры бальной,
на «ля» настроенной на лад сентиментальный,
и альтом шелковым червям подпой:
— аой!

ХСІІ

И выводы невысказанную тварь,
какой она вела себя когда-то —
лазурь Берлина, Византии киноварь
плеща по обе стороны заката,
по гобелену-дню-основе тканной,
где были вышиты растения и камни
в гармонии: я вас люблю, но несчастливо.
Где спал урод — там вырастет олива,
но роза вырастет, где спал урод слепой!
— Аой!

XCIII

А наяву им каждому — по лани
желанной, чтоб облава удалась!
или охотиться им за перепелами,
ледея всем простительную страсть
к убийству с целью уластить желудок —
им нету дела до змеиных шуток,
им снится Бом, их утром будит Бим,
их к Музе интерес неистребим,
поскольку та им кажется нагой.
— Аой.

XCIV

А нам уже — по истонченьи шелка
и лыко всяко — и в строку оно —
изображенье пальцев и иголки —
все, чем расшить позволено рядно,
а вышить лик запретно — поелику —
известный облик — лик прекрасноликий
неуловим, как есть неуловим,
когда в жару лежит Иерусалим —
свет лунный — шелк — вплетенный в зной,
аой.

XCV

А нам уже — проснуться и бежать —
к облаве созывают население.
Пора покинуть место кутежа
для нового судьбы увеселенья.

Что шелку в груди вышитых дерюг —
я, может, вам поэму подарю
почише этой в пятнах желчи черной...
Я все оставлю вам — характер вздорный
и своеволие вместе быть с толпой —
— аой.

ХСVI

Мои загонщики, рога наизготовку!
Что шелку, что охоты в голове —
пронесся я по самой тонкой бровке
на ликах мира, коему внове,
что выплелся еще один орнамент
музыки, проигравшей перед нами
на свете все — у света на виду,
что толку, милые, что все же я гуду,
гордясь своею костяной трубой:
— аой!

ХСVII

Трясись охота день-деньской и полдень
на сивом мерине-пернатом-жеребце —
битюг задумчивости был исполнен
еще когда прогуливал лицей —
Лилит на зебре — по своей охоте,
на вепре — лекарь, трубадур — в пехоте,
Аглая, черт возьми — на помеле,
трясись, о Муза, в каменной земле,
еврей — на бричке — по Земле Святой...
Аой!

ХСVIII

В охотах дней — а правильной — ночах
благополучные проходят наши годы —
зря книгочий от огорченья чах:
мол, легендарное искусство гона
мы не оставим внукам наших дев...
Забудем, что ли? В стремена не влев —
стоп? Чу? Бренчат по ветру стремена!
Темна акустика небес, темна,
но чтобы ни погони за спиной?
— аой?

ХСIX

Врем-времена! Но Бим седлает О́гня,
и явно оседлает к сентябрю,
а Бом не в настроении сегодня,
и пони бледен и вообще угрюм —
лошадки дрянь, и их телеги стары,
друзья! не нравится мне эта пара,
и в повести, по чести говоря,
и Бом не к месту, да и Бим зазря,
но не мотнуть последнею главой!
— Аой!

С

Прекрасноликий — дичь — преданье
не врет направо и налево — он
прекрасно уловим в Трансиорданье
в охотничий, какой ни есть, сезон

зари — и в сумерки, и поздно или рано —
в тенета ямы на живца арканы
лягавством гончих ловчих и борзых —
как розовый любви моей язык,
мелькнувший в темной пасти ротовой.
Агу, охотники мои, аой!

послания

ПОСЛАНИЕ АНРИ

на случай падения ангела в озеро Кинерет

Анри!
Хранитель Озера и Совы Кавалер!
Патина осени — не позолота
на тропах моих.
Вот
и вздернуты к аду
лики садовых химер —
вот
и показаны саду
языки латунные их.
А стопы
растут из вод.

Тут
и следует на манер
причины из следствия —
так!
и следом за этим —
тик!
Тут
и впадает наш Стикс
в лучшее из озер,
и в ипохондрию —
наш безвозвратный
стих.

Увы,
мой любезный погонщик свободных слов!

Увы,
хранитель озера —
я — плох,
несказанно
состояние духа мое —
ужели
лакей-отравитель
мандрагоры подсыпал в питье?
Мандрагора...
и это не в первый раз.

...А я штудирую твой трактат
об играх:
в триктрак,
три листика,
веришь — не веришь,
и как-никак —
в трактире местоимение я
проиграл,
но это оказался предлог такой
завести с собой
какой-никакой,
а роман плутовской.

Что говорить о химерах? —

мой

дух

упал.

А в голосе музыки моей возник преторианский металл.

Ужели повысили бедную девочку в ранге?

Причем,

еще ангел —

кружил,

(я о нем написал) —

Я написал:

«О, алебастровый ангел!»

Ипохондрия.

И ипохондрия ли?

Или

начало сезона молитв

обложных,

(что невесело

тоже —

хотя и возможно) —

я

написал:

«...алебастровый ангел

творожный...»

...выше той цапли
по небу вышитой,
вороненого превыше орла
ангела медленно и осторожно истома крушенья влекла,
алебастровый ангел твoroжный,
ангел мой нежный,
все безнадежно, все безнадежно,
мой белоснежный,
крыла обветшали твои —
легчайшие перья озерные носят струи,
и по ущельям туман повечерья течет,
и кто-то кричит о тебе на горах, но за ветром не слышно о чем.

Анри!
ипохондрия, кавалер,
хоть умри!
Патина осени —
а не позолота.
Помните, как у меня: «...и кто-то кричит о тебе на горах...» —
так вот — главное —
«кто-то»...
Ах,
хранитель озера,
ах,
Анри.

Я пребываю в городе, подверженном жутким приступам немоты.

Такова
там
совершенная тишина,
что мы с тобой
лишь разеваем рты.
Безутешен,
что в отдаленьи
ты,
и та —
на кою воем мы,
и она.

Постскриптум: снежок.
Из трактира мы держим путь.

Муза и говорит:
«Проигрался
— в пух!
проигрался
— и пуст,
ну и пусть!»

Подпись: нет и следа.

Дата: поздно, луна.

Время: а время не определим.

Святая земля. По пути из трактира. Иерусалим.

ПОСЛАНИЕ ЛЕМУРАМ

Лемуры мои!
Все-таки жизнь длинна.
Как выяснилось,
мои лемуры —
если тело на тень возвести
и лечь
на
тень —
равновелики
эти мои фигуры.

А на пламень подуть —
темень настанет —
не
различить нас уже в темноте
и не
отделить от тьмы —
о чем и пошепчемся мы в аду где-нибудь на стороне
о том, как срывались двери с петель
и с петель
слетали мы.

Лемуры!
Сам я не свой стал и нехорош собой,
а ведь со зрячего пить лица две стоячих слезы —
потому
и течет, господа, Янцзы,
а над речкой сидят Ши-цзы —
мы,
да они,
да сны —
трофеи войны гнилой.

А потечет по подбородку
белая слюна —
прямо на пуп пророку,
или предварительно по груди...
Ах, да — все-таки жизнь длинна,
лемуры мои,
и так длинна,
что лаз в долину рая ее
всегда
впереди.

Что ж, моя ласточка, мой трофей —
тебе не пора на насест?
Где уж тут пить да гулять,
и где пить да гулять?
Тут впору Георгиевский крест
цеплять,
и под
домашний арест!
Ать — два!
и начинай опять.

Но я люблю тебя —
все еще —
спутница снов моих.
Знать — и у нас игра...
(кто же водил, кто вел) —
если тело на тень возвести —
не разобрать до утра —
душу остря на ходу
кто
по оселку провел.

Еще у нас —
в государстве Израиль
на арамейском
Языке Иврит —
«удача» — «гад».

Жаль — черная птичка жмуриться не велит, у нас, говорит —
да,
фигуры равновелики,
но
на свой, на особый лад.

Доподлинно я ли
главою поник,
и тень отброшена
мною —
двойник-то мой за мою спиной
перемигнулся с луной,
нас на свете уже и не различить —
и ни к чему —
в ночи полнолуныя
что я плету ему —

что в ночи полнолуныя — светло —
я плету —
и не горбуныя тень моя,
но горбун и карл,
а черная птичка моя —
ласточка —
на свету
требует:
«карр!»,
и еще раз — кар.

Так!
Так, лемуры мои,
проистекает жизнь,
что, по определенью — длинна — на свой и особый лад,
так и сидят
Ши-цзы
над речкой Янцзы,
и на языке иврит —
удачу сулят мне —
гад!

На потолок — кивок —
нежный в тужурке,
тот,
глядит —
как небо глядит в залив,
и ангел над ним плывет.
Мне черная птичка очей не пьет, а жмуриться не велит.
монетку ей кинешь:
нечет — чет —
выпадает — черт!

ПОСЛАНИЕ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

И. Б.

Снега — подобно — руки даме —
я памяти — мадам! — целую руки — не иначе,
как — этот день да будет обозначен —
не одами, мадам — годами!
Как в улицы, как в дом настороженный —
входил наошупь,
прищурясь, говорил: беру вас в жены,
дворец и площадь!
О этот день! чей черновик сожженный —
и — прочерк.

...перчатку рвущий... Государи — не забыли —
что наш юнец отчаян!
весь — дуэлянт — тогда еще случайны
слова и цели были —
черт побери! его молодые лета —
взошли в Санкт-Петербурге!
О — день евреям задолжавших стихоплетов —
гордыни, бурки —
мазурик! к девятнадцати — валета!
мазурки!

День — был снежок — запущенный без злости —
а так, с морозцу —
день в гости был, мгновенно к инородцу —
и снова в гости!
день — бал — сам задавал себя причудой —
день в полдень!
Исполнен день был — чей каприз? — зачем-то —
а как исполнен!
Мои поэты, снег позолоченный...
ну, полно...

...Как жить, мадам, когда нам ни музы́ки —
ни муки (скуки) — и ни ожиданья скуки (муки)
я — памяти — мадам — целую руки —
куда по памяти всегда приходят трефы.

Мадам, припоминаете куплеты:
«Спой, Мери, нам уныло и протяжно...»
Снег вызолочен — полно ли, поэты?
По крайней мере нам протяжно и уныло —
а к девятнадцати — какие наши леты!
и — наконец — о этот день! — однажды

объявленный — фортуна, дева злая —
твои такие плутни!
этот день! увенчанный полуднем —
я знаю
все его предназначенье —
вбежать из ночи,
с морозу, с холоду: «Какое приключенье,
дружочек!..»
Тогда, мадам, сердцеверченье, мадам —
и росчерк.

ПОСЛАНИЕ ВОСЛЕД N. N.,
русской поэтессе из бостона (сша),
навестившей меня в иерусалиме

Не опоздав —
ночным — курьерским — в два крыла —
через давнее прощанье — перелетом —
застала ты —
еще —
разобрала —
там — где бесшумная лупится позолота —
там — светит кость —
куда же смотришь ты —
голубками обсижены черты.

Тогда смотри —
на что улыбка та —
объела губы не проказа
червей —
но царских гласных ледяная кислота —
на вкус металла выпетая фраза —
на что и улыбаться — если не
на то,
что просто
улыбаться мне.

Еще по памяти напрасной
из теней
какая и проведает — обнимет —
камень
на холмах, что лежит
среди камней —
так я еще стою —
в Иерусалиме —
склоняя речь свою к его плечу —
лишь одному ему и бормочу.

О смерти ли? —
конечно — не о ней —
здесь в небе этому ни зна́мения ни знака —
здесь сад —
иной —
здесь серый сад камней —
где красота — раба — почти собака —
сюда
поэты вхожи как шуты —
я был бы шут — шутихой — ты.

Вот видишь —
и когда б смотрела даже —
как я смотрю —
забыв — еще когда —
два века разлепить —
а все потеки мажут —
нащупавши на звук сухой рисунок рта —
что слышишь ты
в безжестьи гулком тела —
что позолота облетела?

Но посмотри
как надо пить вино —
не разболтав
осадка
грозди черной
не помутив —
но, впрочем, так давно
изюмом стали винограда четки,
что если то вино еще течет,
то лишь по трещинам струящимся со шек.

Когда б я мог махнуть рукой —
 прошай —
как — помнишь — на разлуку — не навстречу,
но разве нам друг друга повстречать?
 а если и Господь допустит —
 нечем
 нам обменяться
словом ли, кивком? —
 горсть дыма
обменяв на пепла ком.

Что одиночество —
 и — что ж —
не нашим спорам эта яма подлежала —
 зачем я позабыл — и ты умрешь —
ведь помнил — а забыл — такая жалость
 твоя
 к себе
 подобным —
 что посметь
и непристойно — выговорить — смерть.

Смотри
как просто —
лишь один мой слог —
он — тяжкий пар — вздох в холоде —
не надо
печалиться:
распад не есть залог
того, что страшен результат распада —
но никогда, послушница, не смей
поцеловать лоб памяти своей.

Жизнь
превращает нас —
а все — одно —
сложи себя — смерть приплюсуй — не станет сумма.
Затем — допьем непомутненное вино,
закусывая сморщенным изюмом —
как и пила его в Иерусалиме —
где была
через прощанье перелетом
в два крыла.

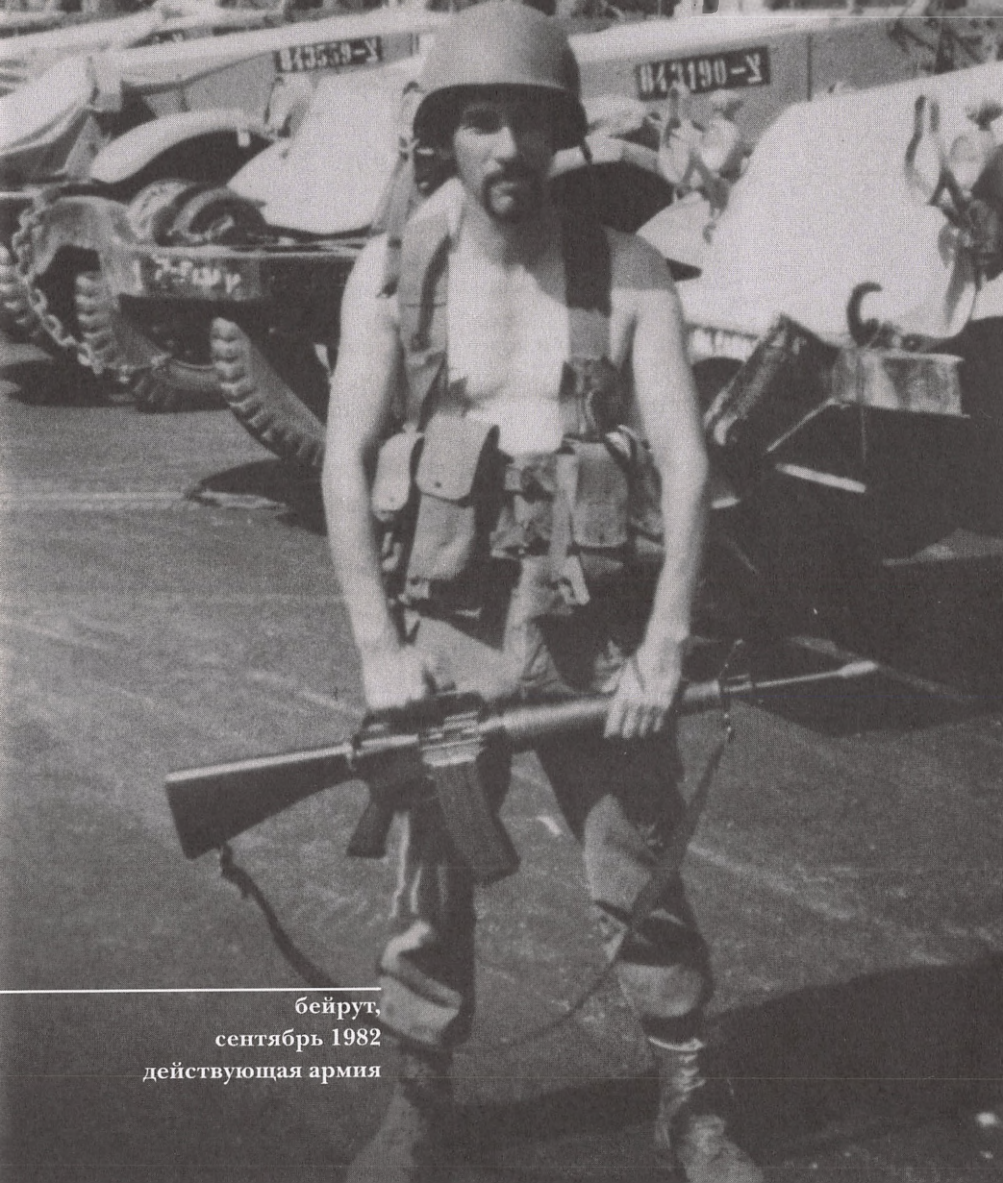
В. Г.

Серебряная осень Палестины.
Совсем — и безнадежно запустили
заслуженный колониальный стиль.

А писем мы и вовсе не писали.
И пылью обернулись сами
листы, впитав серебряную пыль.

Кто упрекнет нас — даже вспомнит если —
там — в Метрополии — решат, что мы воскресли —
так долго были безупречны мы —

донашивая выцветшее хаки —
как самые упрямые служаки —
хамсин, оливы, бедные холмы.

бейрут,
сентябрь 1982
действующая армия

книга вторая

стихотворения
михаила генделева
иерусалим 1984

памяти сословия

На русском языке последнем мне
я думаю
что
по себе есть сами
любовь война и смерть
как не
предлог для простодушных описаний
в повествовании о тьме и тишине.

ночные маневры под бейт джубрин

I

Я младшей родины моей
глотал холодный дым
и нелюбимым в дом входил
в котором был любим
где нежная моя жена
смотрела на луну
и снег на блюде принесла
поставила к вину
она крошила снег в кувшин
и ногтем все больней
мне обводила букву «шин»
в сведении бровей
узор ли злой ее смешил
дразнила ли судьбу
но все три когтя буквы «шин»
горели в белом лбу.

II

Я встал запомнить этот сон
и понял где я сам
с ресниц соленый снял песок
и ветошь разбросал
шлем поднял прицепил ремни
и ряд свой отыскал
при пламени прочли: они
сошли уже со скал
но я не слушал а ловил
я взгляд каким из тьмы
смотрело небо свысока
на низкие холмы
и в переносии лица
полнебосводу в рост
трезубец темноты мерцал
меж крепко сжатых звезд.

III

А нам читали: прорвались
они за Иордан
а сколько их а кто они
а кто же их видал?
огни горели на дымы
как должны сгорать
а мы — а несравненны мы
в искусстве умирать
в котором нам еще вчера
победа отдана
играй военная игра
игорная война
где мертвые встают а там
и ты встаешь сейчас
мы хорошо умрем потом
и в следующий раз!

IV

И я пройду среди своих
и скарб свой уроню
в колонне панцирных телег
на рыжую броню
уже совсем немолодой
и лекарь полковой
я взял луну над головой
звездой кочевой
луну звездой путевой
луну луну луну!
крошила белый снег жена
и ставила к вину
и головой в пыли ночной
я тряс и замирал
и мотыльки с лица текли
а я не утирал.

Как медленно провозят нас
через рукотворный лес
а темнота еще темней
с луной из-под небес
и холм на холм менял себя
не узнавая сам
в огромной пляске поднося
нас ближе к небесам
чтоб нас рассматривала тьма
луной своих глазниц
чтоб синий порошок мотыльков
сошел с воздетых лиц
чтоб отпустили нас домой
назад на память прочь
где гладколобый череп мой
катает в детской ночь.

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ

ЭЛЕГИЯ

Я к вам вернусь
еще бы только свет
стоял всю ночь
и на реке
кричала
в одеждах праздничных
— ну а меня все нет —
какая-нибудь память одичало
и чтоб
к водам пустынного причала
сошли друзья моих веселых лет

я к вам вернусь
и он напрасно вертит
нанизанные бусины
— все врут —
предчувствиям не верьте
— серебряный —
я выскользну из рук
и обернусь
и грохнет сердца стук от юности и от бессмертья

я к вам вернусь
от тишины оторван
своей
от тишины и забытья
и белой памяти для поцелуя я
подставлю горло:
шепчете мне вздор вы!
и лица обратят ко мне друзья
чудовища
из завизжавшей прорвы.

ЗАТМЕНИЕ ЛУНЫ

Я
сочинитель стихов и поэт
за что ответил
я знаменит — затмению луны
был живой свидетель
в Иерусалиме жил
повтори
бес мой прелестный
я
собеседником был Анри
он
бывал в Поднебесной.

Дева Белые Бельма прижалась лбом
шепчет не то мне
чтобы — бес мой — я был любим
того
не помню
но
истинно
сочетанья планет
благоволили:
жил
сочинитель стихов и поэт
в Иерусалиме.

— В ночь затмения где она луна?
— А луна затменна.
Черен разинутый зев трубы
дуды военной.
— Ну пускай луна как жизнь была
а
слепая дева?
— А была
и нету..
И тьма втекла
и
затвердела.

— Где он град
о бес мой
где Иерусалим?
где
скажи на милость!
тьма — предмет пародии — мало лун
и одна — затмилась
и не видно кто был и стал убит
там
внутри мундира
на войне которой конечно быть
по исходу мира.

Бес
да девка
да
над головой
дыра в тверди
свистом в дудку давай подуй
сквозняком предсердий
свисти бесовка в пустой висок
дура слепая
видь
в костяных бойницах песок
пересыпая

видь
изменчивый вид
в ночь затмения
а давно пора ведь:
то хетты пройдут то луна пролетит
в медяной оправе
темный свой по небу свет лия
черный то есть
чему
случился свидетель я
о чем
и повесть.

ОДА НА ВЗЯТИЕ ТИРА И СИДОНА

Отхлыньте каменные воды
от ледяных берегов реки
где бывшие сидят народы
посмертно свесив языки
чудь весь и жмудь и рось — этрусски
на ложе Каменной Тунгуски
Аккад под ледниковым льдом!
дивись как дым масляной роши
пламена жирные полошет
и где он Тир и где Сидон!

Свисти в железные свирели!
дудите в скотские рога!
достигли люди Ариэля
твердынь смущенного врага:
Сидон! о где гордыня Тира?
в согласии с устройством мира
и мы и эти состоим:
из фосфора души и меда
железа и одной свободы
какой недосыта двоим.

Не потому ль на подвиг ратный
нас честь подвигнула и спесь
что есть война — не мир обратный
но мир в котором все как есть
и будет дале и доколе
внутри нас труп желает воли
из тела выкинуть побег
немногим раньше чем бывало
в долины лунные Ливана
себя отпустит человек.

Когда же тень утру склонится
шатнувшись прежде чем упасть
непевчая как ангел птица
откроет и закроет пасть
и распахнет ночные очи
и два крыла по следу ночи
по следу теплому войны
и выдох — черный облак пара
из уст просыплется шофара
и ляжет подле тишины.

Тогда на горбе дромадера
— и вид его невыносим —
и вылетит заря — химера
приплясывая на рыси
на холме пепельном верблюда
переломив хребет Джаблуга
в бурнусе белом мертвеца
разбросив рукава пустые
по каменной летит пустыне
с дырою розовой лица.

И вся она хамсина стая
и по тому что тишина
вязь трещин черно-золотая
по скорлупе нанесена
и вся она — хамсина стая
и за спиной ее летая
оттягивает косы визг
назад до кости обнаженной
дабы — открывшись — лик тяжелый
под теменем ее провис.

«СТОЙ! ТЫ ПОХОЖ НА СИРИЙЦА»

Сириец
внутри красен темен и сыр
потроха голубы — видно — кость бела
он был жив
пока наши не взяли Тир
и сириец стал мертв
— инш'алла —

отношенья цветов — я считаю — верны
он
там
а здесь и напротив — напротив ты
и за то любили мы с ним войны
простоту
что вкусы у нас просты

и еще люблю я дела свои
обсуждать лишь с собой
и люблю как звенит
луч на хорах сосновых и запахах хвои
в полдень
в тридцать два года
лицом в зенит.

ПРОСТЫЕ ВОЕННЫЕ ОКТАВЫ

М. В.

Рассвет начнется там где был закат
к рассвета собственному удивленью
лежат солдаты а туман поверх солдат
и часовой в тумане по колени
его и зачерпнул — он сладковат
и липнет к пальцам — пальцы пахнут тленьем —
оберегающий сладчайший сон войны
брезгливо вытер пальцы о штаны.

Холодный дым еще живой воды
течет и в жилах рыбы и — снаружи —
стоят темноты как стоячие пруды
живородящей средиземной лужи
что след наш будет известняк в том нет беды
вот бедных варваров следам придется хуже —
их убивай — а все икра и гниль
и портит стиль колониальный стиль.

Спроси (пока дремотный кровоток
пересыпается в артерия каротис
и жизнь одна и век не короток
и жизнь длинна да только сон короток)
спроси у собственной своей души сынок
с чего ее бессмертную воротит:
война сынок — а ни шиша
не откликается бессмертная душа.

В душе искания подобны ловле вши
залезшей под счастливую сорочку
чего там шарить в темноте — и те гроши
что наскребешь пропьются в одиночку
я верил бы в бессмертие души
да две метафоры перегружают строчку
и то едва перенесла строка
что Божьим небом полнится рука.

И в Божье небо отошел туман
и любопытный и как я неспящий
увидит вспученные туши басурман
они действительно безглазы и смердяши
их кошки шевелят — они из ран
что-то такое розовое ташат
что крутанысь в руке моей праша
метнул бы в них обломок кирпича.

БАЛЛАДА МОСТА ЧЕРЕЗ РЕКУ ЛИТАНИ

Мыши
ночной полет
не касается темных вод
какие — смотри выше — перелетает
и мы
не будем касаться тьмы
под
и
над
мостом через Литани

мы
это какие вслед
разваливающемуся полету ищем в воздухе след
а на щеке
брызга
плевка тишины
пены с гребня волны
может кому и звука волны
а по мне
визга

и хоть огонь что горит в нас блед
но какой-никакой
а — свет
и гнилушки поярче будет и вокруг мотыльки толкутся
и зря
с этого белого света
зги
во тьму разглядеть не моги
там ни любви ни войны
с которой можно еще вернуться

зато
ад под нами
поэтому веря в треск
кожистых крыл над нами
кто же идет на писк
инстинкта — из — под мышки — ада боимся ада!
и снимаем звук ужас чтобы унять
подобно
ты отдуваешь прядь
дабы не застить взгляда

и
мы
по-арамейски четко не будем касаться тьмы
наше дело
охрана моста через реку Литани
струеня
темных и черных вод
и текущих если
то наоборот
как если б рождение предваряло исход летальный.

МАЛОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Лунки взора когда переполню
я
через край
все чего уже не запомню
серебра
— хоть оно на что мне —
со щеки моей
не стирай

о! оставь
с нетяжелым сердцем
здесь
на земле ничьей
терн и щебень
и — как взглядеться —
красный кант одежд иноверца
теребит не отмыв ручей

и немирных этих селений
дым
оставь небесам
а как сад горит в отдаленьи
поступив
как тебе велели
до конца
досматривай сам.

стансы бейрутского порта

I

Еще я вспомню этот порт
где над заливом запах серы
где сладко жмурится сефард
на остов итакской галеры

ей рак морской отъел корму
нос губы щеки и команду
сефард — купец вольно́ ему

злорадствовать негоцианту
а над галерою второй
не чаек но ворон кривлянье
на юте надпись над дырой
«Метафора» — чего — зиянье.

II

На мол послали эту часть
цвет спешенных младобородых
все и легли — не все но часть —
был греческий огонь на водах

а часть уселась на молу
и в жабры дым пустой толкали
прибой нес легкую золу
и черным был осален камень

и рыба битая как дичь
качаясь шекотала пятки
о чем и думали — опричь
бессмертия — что все в порядке.

III

Что поражает на войне —
обилье тварей интересных —
их — умерших в своей стране
и нас — по месту смерти местных

а поражает на войне
обилье тварей интересных:
нас огонь — но их уже вдвойне
по убиению бессловесных!

а поражает на войне
что нагулявшись на свободе
назад приходит смерть — извне —
чтоб нас своей вернуть природе.

IV

У нас веселие в крови —
чужой — на! на потеху пирсу —
не нашей крови так лови
вечер обжаренную крысу!

и я смеялся потому
что стань за честь кокарды воин
я кошку кинул бы ему
чем счет гармонии удвоил.

V

Вода приснилась — тоже где
нашла присниться и успела
она держала на воде
что плавало и что хотела

валы покойные воды
не шевелясь на ней лежали
сирены голоса как льды
высоко над собой держали

как дети слепо — девки зря
я топ и думал обреченно:
что Ориону тропаря
и что ему до Ариона

но — голоса сирен низки
но — фальшь слышна при каждой вторе
проснуться рано что ни зги —
что слишком близко носит море.

VI

Их выносило по утрам
а мы не подбирали падаль
вдали что каждый выбирал
читали — дабы взгляд не падал

а в ослепительной дали
зачеркнутой по ходу действия
в залив вмерзали корабли
спаленного Адмиралтейства.

VII

С поверхности портовых вод
снять розу с ароматом рыбы
и — розовую — будет род
поступка скользкого пошиба

но финикийскую луну
мы пережили — а бросала
не лапа ль старика в волну
цветок конечно же тот самый

и об отчизне мы впервой
поразмышлявши глянцем — Боже!
в пролет небес над головой
и каску отстегнув отложим

и нам откроется: не смерть
отчизна нам не мать-землица
а небеса над ней как твердь
они низки и крестик птицы

и бросим розу на броню
а нас у вод чужой столицы
запомним — белый крестик птицы
запомним и — в петлицу дню.

ВАВИЛОН

I

Снег каменный спускается покамест
дабы прожить по памяти и легче
вола молчания увидь и ткнишь руками
в мычание неразделенной речи
— ночной язык —
я помню день вчерашний
мы до рассвета голосов не подымали
покуда ночь под циклопическою башней
перестилалась белыми дымами

снег каменный спустился ниже падать
нам
нет
теней
в долине небосклона
ни нас нет
ни теней
читай на память
о вспять текущих реках вавилона.

II

Тишина
такой была
что
еще такой случиться
только б билась и жила
между горлом и ключицей

кто он
постоялец, да
в месяца иссинем свете
дернись я
и он тогда
выдаст даст себя заметить

крикни я «Мария!»
сна
разве помня
гаркни дико
отделится тень темна
с озаряемого лика

грохнувши
взойдут крыла
древней неземной работы
в клюв порфирного стекла
рот
разинется зевотой

выгнет
город вавилон
пепельную свою шею
отшатнуться
не успею
зашипит в лицо Грифон.

III

Черпай

ненасытную пастью
во тьме накатившей под грудь
о не объяснится несчастье
отсутствием счастья
отнюдь

и не объясняй!
поперечья
не видно
на взгляд из глазниц
ты глина от глин междуречья
под клинопись новых таблиц

а тьма — это тьма а не где-то
заблудший огонь
повтори:
не свет
не отсутствие света
и не ожиданье зари.

IV

Первыми голуби
змейка песка
вытекла медленно
близкие те кто
что вы?
куда вы?
крепь не крепка?
что, архитектор, на шермака?
а
архитектор?

балки чудовищны
крепи крепки
кошка ли — визг этот нечеловечий?
Господи!
кто возводил потолки?
Господи
не убирайте руки —
или
нас всех
изувечит

в небо
все шире небесный пролом
в небо
где нет ничего его кроме
в небо
сдувает — как шапки с голов
голова идолов
и
наголо
раззолоченные кровли

вниз
не смотря
все давно уже низ
вспомнил откуда вернулся он звон тот?
все уже было
ты
уже вис
все!
отгибается вяло карниз
как отворот горизонта

только-то
не убирайте руки!
кров
да хлебцы
да субботнее платье
идолы
свешивают языки
с башни в зенит
и крылаты быки
нету
прочней и крылатей.

V

Бык
крыла вороные топыря
тьма и есть он
колосс
Водолей ему ночь
и мерцает в надире
глаз единый — звезда
или то что ей раньше звалось

не родись в междуречьи в законоположенном мире
глинобитной грамматики
ею ли не пренебречь?
в междуречии слово имеет значений четыре:
слово
хроника
подпись кабальная
царская речь

повторяйте за мною:
у слова
четыре
значенья —
слово как оно есть, лжесвидетельство, подпись и речь
например:
вавилонские реки меняют течение
когда им вавилон под быками прикажет истечь

например — это первое небо
которое
знаю
ночное
потянувшись туманом к нему и восходит река
вороное крыло — а второе крыло золотое
и
смыкается зрак воспаленный быка.

VI

Мария
помнишь русла мертвых рек?
мне снилось
что я помню эти реки
я так давно один что это уже век
и — хорошо
и нечего о веке

и все-таки
я — был
и белый свет
поил глаза мои на день восьмой творенья
о разве глинопись — на каолине птичий след
предполагает
зоб и оперенье?

о разве
лишь симметрией пленясь
печаль и память
в изголовье встаньте
печаль и память
что сцепили если вязь
стиха Мария! и в небелом варианте.

VII

Посмотришь из глазниц:
ни тьмы и ни печали
спокоен вид зари — заря восходит ведь

я выпускал бы птиц
когда б они летали
и есть куда лететь

смотри на вавилон
со стен Иерусалима
колокола гудят язычники поют

посмертный небосклон
заря пронесит мимо
в долину где встают

смотри на вавилон
на мирные жилища
на башню для какой гранились валуны

се — мир твой и полóн
но око с неба ищет
покор твоей спины

водитель колесниц
иль давят кварц сандалии
или каменотес — но выше рост стропил!

я выпускал бы птиц
когда б они летали
я б сокола купил

а в мире так светло
так радостна долина:
раб восстает с мечом и ветеран с кайлом

смотри на вавилон
со стен Иерусалима
смотри на вавилон!

второй дом

I

Император велит записать:

«...от тоски
одинокчества от
и свободы».

Что ж!
над нами
еще косяки не низки
потому что есть своды

«...и от смерти».
Как всякий ее прозелит
а — ей-богу! —
похоже

так что пусть Император вписать повелит:

«...и
от бешенства —
тоже».

II

Он был городом — холм
сам был город с хребтом перебитым
лабиринты
иссохли его потрохов
и в колодцы вползли трилобиты

и цветы стали солью
потом
известь выросла в белую злую траву
это холм на котором мой дом
где живу

дом стоит над долиной
которая — ниц
перед домом что стал высоко
так бы стать и следить из бойниц
за течением битвы

но окончилась демонов битва
в серебряном небе
ни птиц
и ни звезд и ни облаков
ни дождя ни молитвы

дом
стоит над долиной
в которой уже не встают инвалиды
только
жирные красные глины выползают из ям на разбитые плиты

ни души
хоть кричи петухом разрывая у клюва углы
это холм на котором мой дом
это холм
его травы остры и белы.

III

Сначала темнота
затем конечно детство
затем
прямая речь

и все
что получил
в горючее наследство
какого не беречь

и в свой черед учусь
неопалившись
падать
в узоры на лету

летая наизусть
из пламени
на память
из тьмы на темноту

сам
пепла лепесток
ничем не освященный
ни при какой луне

ни при каком огне
серебряный и черный
как
и хотелось мне

вот блеск пыльцы
он — пыль
свинцовых окон дома
пыльца на витражах

в полет!
холодный дым
падением ведомый
ничем не дорожа

как тем что на лету
гадать
куда не падать
лететь не перестав

сначала темнота
затем печаль и память
и
снова темнота.

IV

Е.

Смерть и бессмертье два близнеца
эта усмешка второго лица
так же
придурковата
и у сестры и у брата

с кем и кому я стелю на полу
кто мне по каменному столу
кружку подвинет и пишу
жителя
в нашем жилище

с войн возвращаются
если живой
значит и я возвратился домой
где на лицо без ответа
смотрит лицо до рассвета.

V

Тишь
в доме моем
мрак и тишь
мертво спишь ты дом на сырой золе
и валяется дохлый стриж
на столе

а в каждом окне
по луне
наклей
и
еще одну — на потолок!
эхо в ответ на «еще налея» сворачивается у ног

всякий жест руки производит дым
то есть
пыль да пепел из-под руки
в углах прах хоть сучи и тки
и кривят косяки
с ними нелады

и ступени
сгнили на чердаки
но в подвалы сгнили еще скорей
сквозняки
показывают языки
из разинутых напролом дверей

и
в доме моем
никого нет
а кому быть раз и не бывать!
а лежит лицом вся на лунный свет
в морщинах каменная кровать

развалились кресла
расселся стул
кто еще в компанию нашу с тем
что неровен пол
что неровен час
и осядут стены и нету стен?

нет уж!
твой дом — это твой дом
на твоей земле
по твоей руке
да по ремеслу — на твоей золе
да луна прибита на потолке

эхо пни ногой
повтори «налей»
и налей себе — нету эха но
лей!
затем что нет здесь руки белей
что возьмет перо дохлебав вино

запали белый свет
или нет — потом!
ни к чему нам и пускай темь
тем стоит дом
но стоит дом
всякий жест руки средь его стен.

VI

Никого нет
у меня в дому
только заметим вслед
их нет
но не потому
что нет их
их вовсе нет

поэтому
ляжем
песком
кровать
по пояс занесена
пора переночевать пора
по ту сторону сна.

VII

Мне снился сон что был я несчастлив:

как насекомые
хрустели по паркету
осколки
мелкие искали мы монеты
шкафы какие были растворив
а после
— голого —
— сама в шелка одета —
меня смотреть водили на залив

бессмысленно и долго я смотрю
на ветер
вместо неба побережья
на хляби
много гибельнее
нежель
им разливаться бы по октябрю
я засыпал
не раньше чем забрезжит
в дверном проеме то что знали как зарю.

месяц ав

I

Со стен
отличным был вид всегда
как
— туман им пыль —
из долин земли
медленные
каменной стада
поднимались в Иерусалим.

Посмотреть
так смерть
несомненно сон
но тот
что снится себе сам
так я и записал
но прошел песок
и забыл я что записал.

A

в несозвездии Близнецов
огнь
кометы плясал
значит смерть
это такой сон
что снится тебе
сам.

Но тебе до того что снится тебе ли
что?
на песке налегке
стань

ясен взгляд твой и лоб твой
бел
и
ветка дыма в руке.

II

«В тот месяц Ав
как миллионы люстр
хвостатая звезда над Иерусалимом
сияла...»

Обведи
каламом неленивым
узор известняка
какой провел моллюск.

«...в тот месяц Ав —
не разбирая уже литер
склонимся
над плитой:

был город пуст и
мертв
и свет кометы той
на поколение ему был первый житель».

III

Если помнить — то наизусть:
клетка ветра
безногий куст
где к Иудейской пустыне спуск
от
Городской Стены —
сел
и умер в пыли
и — пусть
нет ему ветра
корням земли
прутья — разведены.

Наизусть продолжаем
тем паче
тех
не осталось кто помнит текст
до конца
и на языке
да и не было никогда
ни
следа их
ни
им следа
на известняке.

Но
каждый
предмет оставляет
тень
эхо черное наших тел
тьмы нашей иероглиф
если мы одни
нам и тень одна
мы отбросим память
а нас — она
кто бы нам подтвердил что душа есть нам
плоть
не испепелив?

Память все подтверждает
звук
зна́ком
а ежели нас зовут
по имени —
вот и мы!
кому
лицом к пустыне
кому
отличать темноту и тьму
и
темноту от тьмы.

IV

М. К.

А месяц Ав полуденный пылал
пылал
неопалимый!
переломи
и брось ему калам
последний каллиграф Иерусалима

затем
что так один что тень от близнеца
— оглянешься —
отпрянет
затем что на губах не голос а пыльца
известняка
и губы тоже камень.

V

Вести сухим зрачком по позолоте нам
читать ли золотым
в неподнебесной сини
но
в арках свет
и свист:
там ветры из пустыни
переползая
жмутся по стенам

там
Серединного и Мертвого
морей
и Красного
сошлись зиянья
скорее от перил!
в прострелы галерей
на двор
на дно двора где говорил с друзьями

еще стучат по коридорам каблуки
всех
милых всех моих
что память отпустила
а в том
что небо нам
расходятся круги
тьму лун и лун тому назад
светила.

VI

М.

Как сладко пел мой рот пустой
с колодезного дна
но голоса из черных вод
не слышала она

всю ночь
и тьму еще
и ночь
я звал: откликнись хоть!

но
нам никто не мог помочь
и не помог
Господь.

VII

М.

Под
черных радуг низкие мосты
и арки
Иерусалима
цепляясь
за нагорные оливы
за минареты и кресты
втекает
флот
галеры и плоты

груз моря мертвого
тяжелая вода
влечет саму себя
и
грузные суда
несносный груз фосфоресцирующей соли
и
путеводную
не кажется звезда
ни в Иудее ни в Оголе

кость непослушная!
не шевельнуть веслом
но
рта не выпрямивши
о былом
шепчи на камне палубном покоясь
Авессалом!
дурную свою повесть
не выпрямляя рта
Авессалом.

война в саду

I

Взят череп в шлем
в ремни и пряжки челюсть
язык
взят
в рот

тьма
тьма и есть
покуда смотришь через
а не
наоборот

тьма это тьма
когда смотреть снаружи
но — взгляд
на черную росу покрывшую оружие
войну тому назад.

II

В том
апельсиновом
полуденном
саду
где
воздух так колыхнется горячий
как
в
кто там помнит!
а — никто
в каком году
вблизи помойки
на наемной даче
на ощупь где ремень ложится в лебеду

здесь
в гибельном саду в простреленном углу
страны иной
откуда
что надейся
вернуться
что — вернись
а никуда не деться
как по себе свистать хулу и похвалу
а то
с улыбкой идиотской детства
как я стоять
живой
припав щекой к стволу.

III

Так
перегной перепахан
что
трудом белых рук
труп посадишь в садах Аллаха
и к утру зацветает труп

белым вьюнком увенчан
чей побег
от виска
отвести отшатнувшись
не легче
чем бы сделала это рука

лишь тогда
с отдаленных плантаций
мне неизвестных пород
этим пчелам златым
дам я право слетаться
с руки моей слизывать мед.

IV

Из

выколотой в несозвездья
звезды созвездья Близнеца
стекали тьма со светом вместе
через края его лица
оставив
полной тишиною
пасть
но
сочился до конца
свет несозвездья Близнеца
над костяной его скулою

он был начальник караула

их

ненавидевший

собак

на замирение их аулов
ходивший в красных сапогах
давно косивший зверовато
в полупустые небеса

и

верно ли

пророк Иса!

его врагом был Император.

V

Мы шли к Дамуру
мы не проходили садом
а шли
через ночной
сад
где и если двое были рядом
то тьма была второй

и так
был этот сад слепыми соткан
и
неприкосновенным сохранен
что мы и бабочки еще ночные совки
одни
водились в нем

и так был сад устроен
чтобы проще
нам
впредь
в ночном бою творящемся на ошупь
беспрекословно
умереть

за то
что мотыльки в пространстве чертят
развертки жестов а не контуры фигур
что
не найдя телам
опору даже в тверди
мы через сад прошли и вышли на Дамур.

VI

Славную мы проиграли войну
и неизвестно кому
рукокрылых
хлопки
мышей
в амфитеатре траншей
кому плащи с остатками кож
плещут
свесившись с каменных лож
и
яму
на верные сто голосов
затягивает песок

но
сдували с небес жерла наших фанфар
ангелов и ворон
а
когда протрубил шофар
снега осыпал Хермон
и
скажи Император
ну!
какую мы проиграли войну
если эха нет
и не может ров
вернуть нам низы хоров

ладно!
мы проиграли войну
и можно еще одну
что ж
мы вернемся в свою страну
и будем в голубизну
невинных небес
то есть
в неба свод
смотреть
и займем свой рот
дудкой
и будем пасти твой скот у Дамасских ворот.

VII

Л. М.

Не перевернется страница
а
с мясом
вырвется:
ах!
в мгновенном бою на границе
у белого дня на глазах

с прищуром
тем более узким
чем
пристальнее
устремлен
Господь наш не знает по-русски
и русских не помнит имен.

И раньше
подверженный тишине
все чаще
я
и нахожу себя в тишине
в виду равнины в пустыню переходящей
и не
возвращающейся ко мне

и все
на что взгляду случалось падать
и
на глазное дно медленно и кружась
все больше предметов становится тем что память
то есть
тем чего нет
и чего не жаль

и себя понимая включенным в опись
при тишине читанную и при тьме
где от когда
не отличая вовсе
здесь
я ставлю себя как подпись
на пустых полях
в твердой памяти и уме.

1992

фото д. виленкина

книга третья

праздник

Приводит Аноним
в т. н. «Меланхолическом Уставе»
Перечень Рыцарских Забав в Дни Мира и Войны

в согласи с ним

и

впредь:

одиннадцатая забава наша видеть сны
двенадцатая за уши пиявки ставить
тринадцатая как снега идут смотреть.

**новый арион
или
записки натуралиста**

И. Р.

I

Даже
последнюю строку
мою
припишут двойнику

а — я
лицо свое второе
лицо
соленое пловца

в стекло зеленое
зарюю
до тыльной
стороны лица

чтобы
один в себе одном
со вкусом хруста амальгамы
лететь

я
знаю что над самым
я знаю что над самым
дном.

II
Был
добрый покровитель рыбам
и
тварям господин

играл и пел с собою
либо
как следует
один

сидел
после купанья
в кофте
у берега воды

смотрел
не
оставляют когти
когтей следы

заметил:
не быстрее старюсь
чужого
пса

а
в территориальных
парус
навертывался на глаза.

III
Белая ночь
какой
чай с молоком

папа
льет на скатерть
слепой старик

отгоняю мальков от света
вареной
своей рукой

и
запотевает иллюминатор
изнутри

и
отталкиваюсь от
дна

и
всплываю
на свет звезды

надо мною одним и светит она одна
или
отражается от воды.

IV
Я засыпал
яму ночи
морщась
от золотого — на веки — песка

ветер
мертвые пальмы перебирал на ощупь
с верным звуком дождя
в окнах особняка

и дождь
что последнее помню
ровный
мерный шум ливня дождя на асфальт

шел
шею втянув
и даже не вздрогнул
после окрика «halt!»

У
По смене солнечного диска
на диск
— другой —
луны

флот
выдавит волны азийской
волну
из глубины

я
разлечусь:
какие гости!
встречать высокий флот
поспешно собирая в горсти
с дорожки
синий
йод

по отмели пойду
не жалко
что
зря

что
в розовых пусть будут жабры
и серых
пузырях

пойду
где галуном мерцает
и
с торжеством в лице

привстал
над мерными гребцами
за мною
офицер

я сам
пойду ему навстречу
сам
рот разину мой

с уже нечеловечьей речью
с
зевотою
немой.

VI

В воскресенье я всем покажу
как
с откосу спуститься

стать
на
каменном гребне приборя

и
за
просто так

с мясом
из красного воздуха
птицу

ну — и выломишь — ну!
и
доволен, дурак

и
поклон моему народу
обсевшему ласточкины скалы

«По
воскресеньям.
В любую погоду».

и
свисает
как серя

прядь
со
скулы.

VII
Как
на берег толкнув волну слепую
сразу
глубокая вода
берет ее назад

как
возвращается закончивши гримасу
язык мой
в пасть
откуда был изъят

на миг к поверхности всплывает в темной фразе
смысл
брюхом серебра и ржавым дымом ран
и
погружается

а
слезы рыбы
разве
что
увеличат океан.

бильярд в яффо

И. Р.

I

Был бинт горизонт
на коем
сукровица-полоса
а
день был как день
покойник
с видом на небеса
на акваторию сирого порта
сети
и тех пустей
мысль была о бессмертьи
того же сорта
что уловы сетей.

II

В средиземии
рифмуется как октябрь
февраль
он месяц макабр
когда
свет поджимается от озноба
и
бухнет в воде вода
абсолютно когда купальни
Водолея искусства для
и
осанку опальных имеют пальмы
сардинского короля.

III

Суб — в тропиках — холодина
и зёмную лужу взахлеб пройдя
баттерфляем до половины

в середине

я и очутил себя

(здесь конец цитаты)

здесь в струях штиля

несущего напрокат

«не был-есть-не буду»

всплывает

«был ли?»

и

плывет как использованный предикат.

IV

Здесь конец прогулки

домой в кровать

и

на оборот ключа

так наливается ветер рвать

плащ с чужого плеча

поддувая полы

(добро приземист)

плечо заголив

— о нет! —

а плечо в чешуи золотой экземе

если

смотреть на свет.

V

Свет истек
куда как не в слюдяное
окно
просто стек вовне
я не только бросил о смерти
но и
она обо мне
я пожал плечами себя представив
снаружи
как мокрой природы часть
и встал проверить шеколды ставен
гости
не ровен час.

VI

Был дом
где
с одною марией
я жил
и поздно вставал
а ежели моросило
вообще не вставал
огромен дом был
через перила
лестниц и галерей
когда возникала нужда в мариин
«Мария!»
кричал я ей.

VII

И так в дому было
ошутимо
что никого в нем нет
что полуседую скребя щетину
я смотрелся в чужой портрет
и спал темно
без сновидений
и пробуждения
не просил
и нам никто серебра и денег
не нес
и не
приносил.

VIII

И еще
я
заметил
что перед сном
мы сидим с Марией смотря на ветер
тьму передвигающий за окном
а тьма перехлестывала фрамугу
я
не постелив
пьяную спать уводил подругу
по пояс
медленно
как в залив.

IX

Не страх я вел за ошейник зверя
а зверя тревожного через зал
сам
распахивать дома двери
перед теми
кого не звал
но не извне
а затылка рядом
ответили:
«я!»
и шажок к шажку
прошла Мария по бильярдной
и выпила коньяку.

X

Узок зрак устремленный на
а наоборот
широк
и точка зренья как есть нужна
в игре костяных шаров
закроем глаза
состояние мрака
как в прятки с небытием сравня
нет скажем тебя без меня
зевака
а
наоборот
меня.

XI

Снаружи
припавший к оконной раме
загляни он в дом
свет горел
ну а мы играли
все
своим чередом
но себя очевидец не обнаружил
и по словам его
из сада
(если смотреть снаружи)
в доме
не было никого.

XII

И качнулись
сырого моря
мясы
а небо на спинах их
подмигнуло и вскачь понесло гримасы
на
в черной пене
губах своих
лбом об барабан турецкий
так
что враз захромав
суки по комнатам детским
жмурились при громах.

ХІІІ

Ах

встал белый вал
а сидящие пали
на корточки серые рядом и при

смерч

драл

накрутивши на пальцы пальмы
с них осыпались нетопыри

Идем!

обернулась и проговорила
(сел и стал ее голос сам)
идем — сказала тогда Мария —
смотреть как смывает сад.

романсы

РОМАНС «КУКЛА»

Когда раздался мне голос твой
с освещенной
с той
стороны лица

я
укутанный с головой
ворохом
мертвого бельца

когда
раздался мне голос твой
лежал я
куклою неживой

и только
на голос твой вдалеке
шею
я выгибал

а
из зажмуренных глаз сбегал
свет
вкуса крови на языке

и лез целоваться к моим губам
как ты
по памяти
по щеке.

РОМАНС «НОСТАЛЬГИЯ»

И вода отпускает на сушу
наигравшись тела
пусти!

по домам
мою душу
мертвецов своих отвести

тополиный вам пух красавцы
климат континентальный сух
в отлетающем парке царском

пух
земля
по краям лица вам!

и
под ягелем
тоже — пух!

но один
еще веселолицый
с никаким царем в голове

с молодой вдовой в петлице
с узелочком
на бечеве

отпустил бы...
Господь-Свидетель!
ведь мы чистые были дети!

но
и
отпустил Господь

с нами несколько слов на ветер
на
из пустыни ветер

и
торгуясь
еще шепоть!

РОМАНС-ЧЕРНОВИК

Вам
(из песни выкинуто слово
а не имя)
а
не выходке зари!

синею
улыбкой обезьяньей
обернусь
из выбитой
двери

чтобы
(вымарано «чтобы»)
смотрят люди!
вся
какою (неразборчиво) спала

с равнодушием
прикрыла груди
и
лицом к стене
легла

всё!
теперь веди меня
чумазый
вашему
хваленому стрелку

нет
не всё
еще припев:
два раза
самую — пожалуйста — строку.

МАЛЫЙ ОФИЦЕРСКИЙ РОМАНС

Мы справляли победу-дуру
как войну
пограничий через

вот он катится
череп
не бог весть какого Дамура

но чему нас несет навстречу
если мы и не покосились
а проплыли наши носилки

развилку
любви
и речи

мимо прошли носилки
мимо тебя
в любимом

спокойном каменном платье
и
ветром неколебимом.

РОМАНС «МОТЫЛЬКИ»

В такие дни
на дне которых
тьма

уже и не
метафоре
сродни

в такие наши дни
хихикать от ума
писать «Труды и Дни»

смотреть
как черные
на свет

летят
и белые на темень
мотыльки

на слух учиться тишине
которой нет
здесь на земле

но
есть
в конце строки

о нас ведь
ада голоса
уже слышны

и нас
уже зовут
по именам

но насмерть
мы не помним
наши сны

а насмерть спящие
уже
не верим снам.

ВОРОВСКОЙ РОМАНС

Не за то что этот тебя берет
вор моего
вздор!
сплю

и
что тебя я не уберег
вообще я этого
не люблю

и не потому что не жизнь одна
а ты была у меня одна
а та какой ты ему жена
а зачем мне его жена

а он
всю тебя осмотрел
и коронной добычей
счел

и
только ветер свистит в дыре
между
левыми ребрами и плечом

и
своей тени из-за угла
рассвет как чистой воды араб
свежей зарей себя веселя

и
ни ножа
ведь
ни топора!

а
знал:
уходить
пора

а кольца:
камушки
из стекла
золото из серебра!

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНС

На свете счастья нет
а
есть

покой
и
денег

и есть младенец
и
младенца сон

что
тьма
за спинкой сна

возьмет меня
и
денет

и
запахнет
потуже горизонт.

прекращение огня

I

Ж.

В Эль-Кудсе...

...во

Эль-Кудсе... Духа!

во

И-е-ру-ша-лай-ме

все-таки!

проклятое

мое

искусство!

проколотая

мочка

уха

ни

для деньги

ни для серьги

ухо!

как бабочка припиленное к косяку дверей Эль-Кудса

кинжалом старшины

дешевле в перемирия искусства
чем
были до войны.

II

Е.

Когда умирал
а
я
точно запомнил сон
когда я умирал
лицом асбестового белья
в распадае бронжилета встал мой генерал
и
сказал:
за веселую память меня!
и выпили гости мои и моя родня

...нас заметало вместе с тобой вдвоем
ветошью снегом нас заносило песком тряпьем
всем
что по дому
низким собачьим ветром мело
и
сам
слабоумный слух о нашей с тобой любви
прислуживал за столом
разнося
голоса.

III

ПТА

Я. Я.

Одной из наших школ задание на дом

но

прогулял урок

и выучено зря

всего виток бинта

а больше

и не надо

с лица кошачьего царя

всего один виток

негибкой кисти

отматывающегося бинта

и

темнота

кошачий царь Египта

разинет

Пта

и

отвернется

и

носком

отбросит тень мою валяться рядом с солнцем
и
спящим на полу
учеником.

IV

ПАМЯТНИК

Над лысым черепом любви
соорудим из пальцев «V».

V

СОН О ЦВЕТЕ ПЛАЩА
Е.

Щелкал

ветром по шву распорот
плащ знаменного шелка
об
ту еще
пору
когда зеленому ты предпочитала алый
но
пожалуй
луной-дальтоничкой верно определенный:
«зеленый».

От всех
ты пошла вверх по осыпи дюны
стоять одна
истукан
твою шею паскуды юной
темнота прибрала к рукам
позарившись на цепочку
ценности (лунная опись) малой
следуя описи:
...«одиночка,
плаш ее алый».

...«...ну, положим!», —
сказал я этому господину,
а он мне:
«Дальше мы предположим,
что,
молодой человек,
едино
мы оба любовники ей давно».
«А Мария, — спросил я, — что же?..»
«А Елена?
ей все равно».

Проследим еще устремленный
взгляд дурака
он смотрел на тебя влюбленный
пока
ты визжала песков по склону
«не тронь!»
и
от потолка
весь плащ твой до полу был зеленый
точь-в-точь
глаза твоего сынка.

VI

ДАМА С ГОРНОСТАЕМ

Е.

Наверняка опять к войне
автопортреты на стене
портреты неба на стене
на редкость сходственны
спасибо!

война!
война наверняка
с чего бы запах апельсинов
из

пасти сквозняка

с чего бы если не война
я шел не досмотревши сна
накинув одеяло
к дверям?
война наверняка

с чего бы
если не война
блондинка при дверях стояла
с чем-то живым под парусиной
казенной псины вешмешка.

VII

Когда зажгут
в конце моих художеств
весь
верхний свет
не дай мне убедиться Боже
в том
что и Бога тоже нет.

**В
первый
праздника
день
когда**

I
В первый праздника день когда
закончился фейерверк
и
в небе осталась всего одна
свет у которой мерк
то
выкатывался и сверкал
то
ни
зги
как будто голос упал в металл
и
разошлись круги

II

а голос
в жидкий летел металл
с такой высоты холма
что
дымилась
где он пролетал
огненная бахрома
и
херувима лицо цвело
в отраженном огне
когда
ослепительно и тяжело
шевелился металл на дне

III

и клал пятипалые листья сад
нам
на глаза
и
с мокрых листьев текла роса
в наши глаза назад
и брякли
райские
соком сна
яблоки наших глаз
что
признак зрелости взгляда на
то
что снаружи нас:

IV

небо для бедных
дом бедняка
приют его и ночлег
где
известь сыплется с потолка
собой представляя снег
где
словно это может помочь
свет напролет в дому
где
темнота
которая ночь
собой представляет тьму

V

что впереди — то снаружи нас
и шаря в листе рукой
себя собой представляя раз
— раз! —
и
— вернись рывком —
чтоб лязгнуло
чтоб
взгляд
вперился лобовой
тьма
это если смотреть назад
то есть перед собой

VI

и пусть головою мотает Му
коровьего языка
их
арийского слова «ум»
мы
увели быка
ом — как сияли они — дай Бог!
черепа
по бокам
но
не видать золотых рогов
пастухам его
дуракам!

VII

а
видать им
своих ушей
на воротах наших ворот
потому что мы
б'а Эзрат а'Шем!
сами пасем свой скот
наша
каменная дорога
каменная трава
наша
их коровьего бога
мертвая голова!

VIII

потому что наша звезда лучей
навылет и наизусть
и
сочится
поярче
чем
алой аорты куст
пусть
ветку вспышки не отвести
липнущую ко лбу
но мы
еще предсказать цвести
способны свою судьбу!

IX

Он зря головою мотает Му
на!
а не на-
оборот
рукокрылый летит в тьму
писк головой вперед
так летит касатка
над самым дном
эхом на свой крик!
и
неопалимый
горит огнем
нечеловечий лик.

X

крик
до света был сказан
и
младенца и мертвеца
язык
раздвоенный был змеи
свисать впереди лица
и розою
звон распустила сталь
в оранжевые круги
но
раньше слово успело стать
чем голос его погиб!

XI

...да!
из темна безвозвратен свет
и
серебряные
когда
оправлены стопы в вынутый след
прошедшего без следа
и
выпиты впадины тише воды
нас
обращенных вверх
в небо
где помним число звезды
голос которой мерк

ХII

когда
в ночь на праздника день второй
тьмы не сомкнувши
мы
сад
обвели вороным пером
и грызунов зимы
и птиц уже различимый рой
в светлеющем небе
на
праздника день второй
когда
не вошла
она

ХIII

но речь о ней
посланная в молоко
вернется поднять взгляд
с дна
и до сводчатых потолков
неба тому назад
ах!
чтобы в предсмертный визг
к визгу в ответ
смог
и встал
оглянуться на стременах
горбатый наездник-мозг!

другое небо

Т.

І

И

еще о любви
о моя погибель

и еще немножечко

и
тишины

смерть
сидит в пустыне
лицом в Египет

босы-ноги
на край
войны

ветер лает
шакала носит
караван горбами гружен надежд

смерть
сидит
в пустыне

ЛИЦОМ
С
ГЛАЗАМИ

ОТКРЫТЫМИ
ВО
СОЛЯНОМ ДОЖДЕ

НА БАЗАРЕ КУПИЛА ОНА С БИРЮЗОЮ
ГДЕ САМУ
КУПИЛ ЕЕ ДО ВОЙНЫ

ОФИЦЕРИК МЕСТНОГО ГАРНИЗОНА
ТАК
И НЕ ВЫСКОЧИВШИЙ В ЧИНЫ.

II

У МЕРТВЫХ СОБСТВЕННЫЙ ЯЗЫК
У НИХ ДРУГИЕ ИМЕНА
ДРУГОЕ НЕБО НА ГЛАЗАХ
И
ТА ЖЕ САМАЯ ВОЙНА

ЛЮБИМАЯ!
ЧТО Я СКАЗАЛ!
У МЕРТВЫХ СОБСТВЕННЫЙ ЯЗЫК
ДРУГОЕ НЕБО НА ГЛАЗАХ
НАД НИМИ ПО НЕБУ БЕЖИТ

у мертвых
собственный язык
у них
другие
имена

там
ты — она
и
у нее
тобой коса заплетена

и
имя бывшее мое
перебирает
рот
ее.

III
Неба больше чем земли
с точки зренья
дикой птицы

это
с дикой точки
птицы

ну а
на
прямик топча

жизни больше чем осталось
по пустыне
до границы

по пустыне
с амуницией
с царского плеча

шкуры
больше чем для флага
мне осталось мне осталось

счастья
менее чем фляга
горлышко с дырой

чести ровно
как
удачи

веры
ровно
как в мечети

смерти ровно на бессмертие
и
горлышко с дырой!

а пустыня есть пустыня
есть пустыня есть пустыня
(с точки зрения меня):

неба
ровно
как земли

с
точки зренья
дикой птицы

мне
осталось до границы
прекращения огня.

IV

Один когда один
и
ладно
но одиночества восторг

когда ты зажигаешь лампу
чтобы проверить
кто
зажег

и видишь:
вот
стоит сама
у горла рукава халата

дурак!
ты сам сошел с ума
а
смерть совсем не виновата.

V
...а то еще
что
видел я
как вылупляется змея
переводная как картинка
едва не наступил ботинком

...«пропала тень.
Была блондинка».
(тень)
это полдень
понял
я

одна из главных церемоний
полуденных
соблюдена
Орла-и-Солнца
ордена
носить при полном небосклоне

опять-таки
у нас война
какая
— все же —
тишина
хотя воюют в Вавилоне

мне сорок лет
о чем бишь мы
не видел только что чумы
да
целый месяц
бабы голой

а
там где я родился
голод
да колокольные глаголы
да
позолота с бахромы.

VI

На небо я смотрел
на вид
на
вид войны
на белый свет

нет
у меня другой любви
и
этой
тоже нет

дурную память
истребят
серебряный
затянет
след

нет
у меня другой тебя
и
этой
тоже нет

лицо завесь лицо завесь
в три длинных пряди свет завесь
нет у меня другой любви
а смерть
какая есть.

VII

Стоящий на открытом месте
видь:
низких
из-под
облаков
чума чума! чумные вести
да клеток черных петухов

стоящий
на
открытом месте
стой
где
стоишь!
пока умру

ветр
с
войной
играют вместе
в
военный мусор
на ветру

крест
-на-
крест
с русским с дурьим визгом
а
из прорех
— ты слышишь, да? —

а
из
прорехи.
в своде низком
в великом небе бедуинском
лазурь
и первая звезда.

от автора

Т.

1

Я дал название новое любви
когда
я был Адам
Адам сказал:
«пустыня».

я
дал
название
новое
души!

и
мотылек
моей крови́
— и черный мотылек моей крови́ —
так губы дышат — расходясь — движениями простыми

к
предплечью твоему
где
припадал
пришит.

II

По логике
большого языка
раздваивающегося
еще
— спасибо! —

по логике большого языка
свисающего на плечо
а
что?
— красиво! —

по логике большого языка
который
с логикой
уже
не в силах

по логике
большого языка
ни отраженья
— мне —
ни двойника:

ни
эха
тени
блика!
сукиного сына

россии
имени!
ни славы ни следа!
в моем саду железных апельсинов
еда — язык — железная еда!

III

Есть логика
большого языка
что
ночью дня восьмой луны в Ливане
я миру дал другие имена

я в небо посмотрел и я сказал:
война
и с миром мы ее
пере
именовали!

IV

Мир
этой жизни назван был в раю
деревьев
и
зверей

а — я
свою
в железной коже
с отверстием для смерти
я поднял жизнь свою луны восьмого дня!

не жизнь свою
но
жизнь меня
переименовал
ее в бессмертье

V
а смерть
как мертвую свою
породу и природу
впредь — мавет — смерть
мужского будет роду

не
смерть
моя
но
смерть меня!

я называю мир в прострельной перспективе
в моих
Адам
садах
железных апельсинов

где
ни молитва
ни броня
ни парусина
ни шкура ни броня

VI

в садах железных апельсинов
каждой пули
— слева —
закатанной луны
в слезах

выходит Ева
нежная как к сыну
в моих садах железных апельсинов
убитые — поди спроси их!
у смерти — говорят — ее глаза.

VII

Природа! тоже мне!
червивая фруктоза
на кальции стою!
в крови раствор железа
в когтях удушья синие цветы

мир в прошлый раз был назван свет
ан
отсветило!
на
— из-под темени слезу вести нам —

на свет
из:
мы — из тьмы
а
ты — из темноты

в природе мира нет
— в миру —
натуры
прекрасные Адам твои уроды
дуры!

сравните:
танк с лицом огня
и
лев
с лицом войны

мир
назван
был
в раю своем
посмертно

во
зрения полях на стеклышках предметных
мазки послевоенной флегмы спермы магмы
и
бешеной слюны

гримаса мины старого удара
из мяса мраморного кракатау коронары
и
вывалился изо рта на грудь водам
малиновый язык землетрясения

и
солнце и луна
свисать висели
не заходя
Адам!

VIII
Чтобы ни
эха
отраженья
блика
тени

в садах примата
по краям и от
растут названия растений
а
их — живьем — читает зверю скот

Адам!
ни отраженья блика тени эха
а при трубе заката дня восьмого дня
в виду долины Йосафата
не могу без смеха

на:
вид
долины
голой
имени меня!

ни
блика
тени
эха
отраженья

по
обе стороны души
о
неужели
неужели

Он
— раз! —
и мне
бессмертие
решил!

чтобы
ни
эха-отраженья-тени-блика
— по обе стороны у света —
тьма — и — тьма

я не от страха засмеялся
а
Великой
Симметрии
ума.

IX
В садах железных апельсинов
— нет! —
гранатовых деревьев!
когда
луною обнаружен

когда
— открыть глаза —
а свет
еще горел
снаружи

пере
именовать луну
в луну восьмого дня
а подлый ее свет
в предателя меня

к пере
именованию слюны
в живую
в луже мертвой пасти
воду!

к пере
именованию войны
в
пасть и убитым быть
свободу

Ничья Земля
пере
именовать
в любую
наугад

в
свидетеля
пере
именовать
врага

что
убивает мертвецов
Бог Милосердный
— и —
оружье

а также
весь на свете свет
в лицо
когда
лицо снаружи.

Х

Прочти — другие времена — прочти:
юго-восторг!
имамов воспаленных
восходят вертикальные зрачки
зеленым — ялла! — заревом зеленым.

Фонтанами отворена
гнилая кровь-нефть-перегной полей Великого Нимврода
я посмотрел и я сказал:
война!
война, народы!

вам
назову другие времена
и
сроки,
детские народы

на
дерево-постройке
свайная страна
не по морошке
ищет броды

а
примеряют
парики из чугуна
бриоголовые
погонщики коровы!

лакать тяжелого дейтерия водицу
волы по бабы каменных веков
и васильки и васильки!
до заграницы
вприсядку пьяных мужиков

и я
на
запах
обернулся
стран!

где
чистым золотом зубным
по гауляйтерствам намытом
постготы инкрустируют Монблан
александрии римским алфавитом

чтоб лет-и-лет
и
— экселенс! —
компьютерных колен!
и реформации осанки!

и
скоро вымостят два океана
для телег
тех кто вприсядку
и не могут сами

я назову другие племена
их выговорю я
а их исполнят:
индейцев в перьях атомного льна
с миндалевидными ногтями из Ниппона

рукополо́женного зомби
на углу
и
бок-о-бок
зулу с камбоджей

но Ты ведь
прямо
не допустишь это. Боже?
Бог Якова Исака и Аврама!
мой добрый самый мой еврейский Бог!

XI

У мира есть другие имена
на
первый — с костяного дна
дна костяного
Иерусалима

вид неба
я сказал:
война!
и
птицу с глаз отер и кинул в небо дыма

чтобы
об купол изнутри
чтобы в крови своей перевернуться птице
и
об купол!

чтобы:
я — ниже
я
под ней!
смотри

смотри:
— вся в плеске алом жизнь моя —
смотри
не
перепутай!

чтобы
в сознания студне голубом
где — Господи! — Ты
мыслишь облака
там!

я
ниже
я под ней!
внутри Тебя
за лбом!

на
неба твердом дне
на
твердом дне
заката

смотри не отвернись
— я —
в плеске алом я стою
во
Иерусалиме

жизнь — я сказал — моя!
а жизнь
название
а не
имя.

XII

Ни отражение
ни блик
ни эхо
на
обе стороны сознания!

отбросят тени наши имена
как
— кожаные у змеи —
глаза
гремучее название

замыслены и мыслимы извне
Боже!
я принял мысль твою и:
убитый на Твоей войне
еще воюет!

мы
повторяем
наши имена
сами
собою

мы
называемся:
заря
любовь
война

и
снова:
дымом
и
любовью

мы
называемся
хлеб
сталь и молоко
олива

XIII
слепорожденный ветер
дно Иерусалима
легко обводит успевая за строкой
строку
читать ландшафт и шрифт его скалистый

И
внятен
оттиск
ветерку
Господня замысла и смысла.

И.

Переписка моя с судьбой
гороскоп военного мотылька опоздавший на гибель ровно
адресата настигла как похоронка

здравствуй!

моя любовь

здравствуй!

установим

клыки в клыках

сосредоточимся на мотыльках

никто не спасется!

как летят они — гибель и боль — над землей чтоб

со стороны солнца

зайти в лоб

на бреющем

все в раскосой звезде солнца

здравствуй!

что-что

а это всегда умел

и

позволь

как хочу

прощаться с тобою

моя любовь

гибель моя и боль

не больше

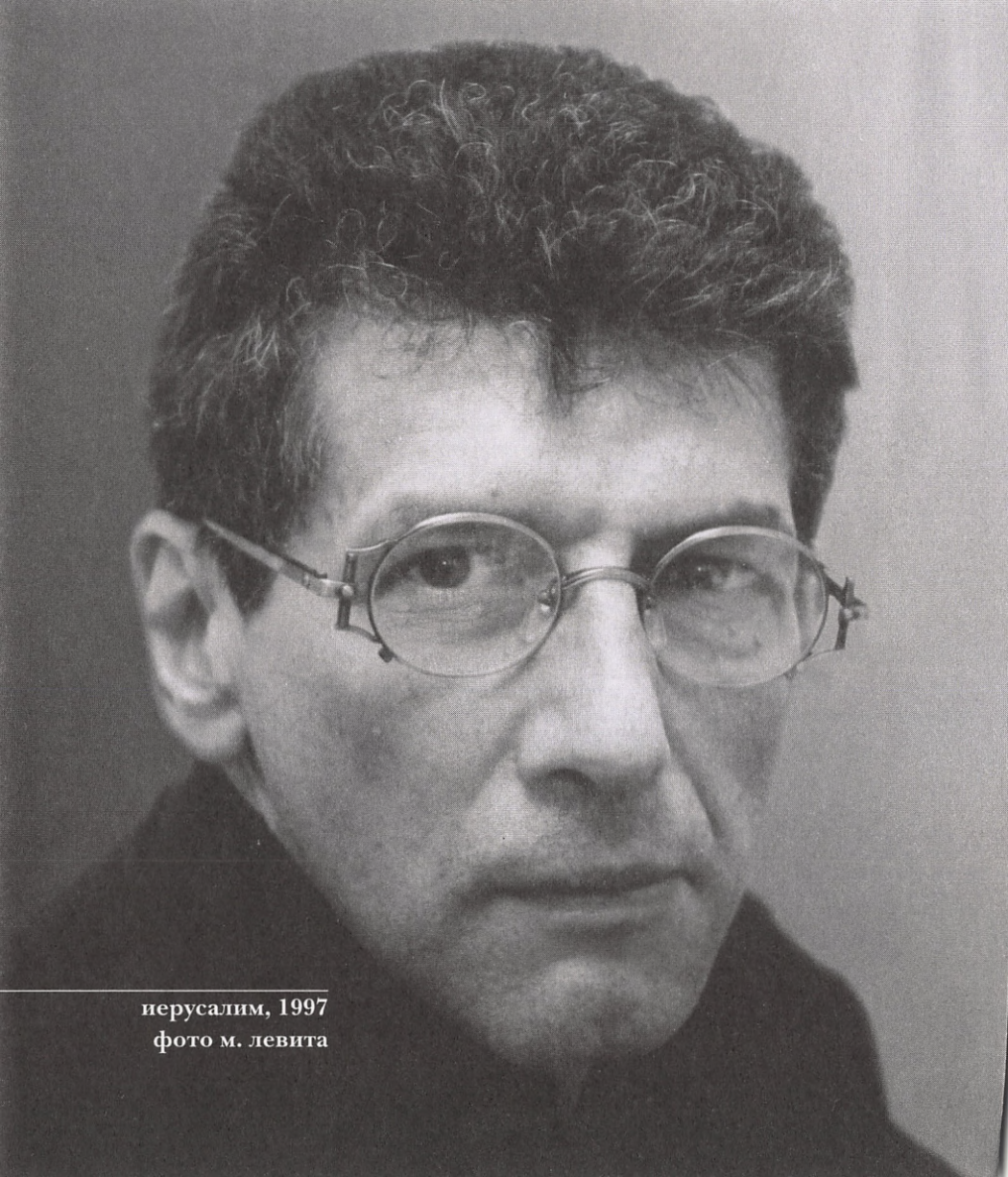
не

больше

чем смерть в солдате

нуждается в адресате

переписка моя с тобой.

иерусалим, 1997
фото м. левита

книга четвертая

В садах

аллаха

кире

Жизнь твоя разная птичьими буквами ангела
в небе подписана к небу подколота
в Городе Имени Неба давно переписана набело
но
не назначены
дата и колокол

ну а музЫчка твоя
каркает вместе с воронами
в солнце полощется под луною стирается
в Городе Имени Неба за городскими воротами
ветер в нее все никак
не наиграется

а это кто там у нас ее рубашонка короткая
а это кто там у нас русская
голая
а это дура-любовь перед воротами
только их восемь ворот
дата и колокол

а вот в трубы дутая с позолотой нежирною
легкая слава твоя с золотыми прожилками
и перед небом один
бормоча слово жимолость
и слово молодость
и снова жимолость.

церемониальный марш

I

Ибо нас аллах
в рот целовал
шерстяною губой
мой род спускается в котлован
и могилы сержантов берет с собой
чтобы кто присягу разбинтовал
роты мертвые взбунтовал
нет
мы спускаемся в котлован
с Голан барабан с Голан.

II

Тема

интереснее чем мотив
наш Военный Бог наигрался в нас
то ли военрук у нас
дезертир
то ли дирижер наш ушел в запас
на прощание приказав трубить
мы не слышим рыбы мы будто спим
если Он кого-то решил убить
не поспоришь с Ним.

Приказов флаги свисают вниз
Аллах скоро подьедет сам
покосив на скальный карниз
это ровно куда промазал десант
вся капелла на стропах висела
взрыв
сна
смотря не с того конца
покуда огромный оргáн горы
вуалетки дурацкой не сдул с лица.

III

я вижу все еще с высоты
с балкона своей войны
как к подножью чужой страны
караульные дети кладут цветы
генерал аксельбанты твои удила
в пене
а сабля не напололам
гобой
сейчас протрубят отбой
мы оползем с Голан.

Мы настроились слушать горн
строен состав полка
повар горлицам кормит корм
придурок
из сыра его рука
лекарь с полулицом из тьмы
другая из горних медовых сот
смирно ребята однако мы
валторна
идем с Высот.

IV

На карнизе моей страны
я ногою болтал
как высокие стороны мне видны
так и весь церемониал
сам в своем роде
тамбур-мажор
когти я чищу армейским ножом
и не нужен азарт чтобы шагом марш
а должно играть
марш!

Зеваке не должно закрыть глаза
когда зеваке видны
залп фейерверка и сразу за
нимб тишины
в какую соскальзывает мой мир
войны моей в фокусе
и впрямь
военрук у нас дезертир
был Он и вдруг
отпрял.

V

Это как в точке куда забрел
свет
солнце взорвалось внутрь
солнце как и его орел
в прицеле сходится в перламутр
время стягивается с границ
в воронку усасывается
в висок
солисты конечно спустятся ниц
солдатское быдло с высот.

Все высокие стороны мне видны
с двух четырех сторон
я свищу на балконе своей страны
передразниваю тромбон
но припас еще один про запас
я мотив
и хочу ему дать свиста
чтоб
внутривенные внуки нас
сняли свист изо рта.

VI

Да! военрук наигрался в нас да!
и карьера во весь опор
свалил с Истории младший класс
Географию сдув со шпор
но классный наставник моих коллег
когда-то сумел прочесть:
«Двурогое солнце стоит на скале!»
салют
в
его честь!

Это чтоб приступил песок из песка
свивать двойную змею ДНК
чтоб встали грузные чтоб валуны
а
из лунок слюна луны
чтоб антикварная наша желчь
так рванула когда поджечь
светил Гивона и Аялона
огни
на факелах наших плеч.

VII

Когда

свинцовые до колен
то бишь
от каски и до культи
внуки с лысых сошли Голан
свой клин поведя пасти
по склону стертых высот
многоглазых потомков нас
клин с хоботами наискосок
к месту слова «дамаск».

VIII

Я свисаю с карниза моей страны
вниз головой урод
в перепонках моей спины
шевелится ветерок
не оставь Господа мой народ
без тебя Он так одинок
и мал
марш!
мы спускаемся в котлован
таков церемониал.

**КОЛЫБЕЛЬНАЯ
С ВИДОМ НА НЕБЕСА**

*The hand that rocks the cradle
is the hand that rules the world
William Ross Wallace*

I

Спасибо
и
предала как смогла
не на жизнь а на живот
спасибо
со мною жила
ела мой пот
спасибо
со мною
жива
осталась сама
как ты обительница права
моего обительница ума.

II

Дернем за чистую жизнь твою
памяти на глоток
я жил с тобой но еще спою
отдельно тебе
за то
хрусталь поднимем
за честь твою
за кровь прозрачную напросвет
ты
снись
а я
допью
тебя со мной нет.

III

За
веселый блуд
за
устрицу наших тел
кому
колыбельный лад
узор кому из петель
метко закинутой сетки слов
в сетчатке где гамаке зрачке
заплещется
твой улов
с морской звездой
в кулачке.

IV

Спасибо
что ни о какой вине
слова рыб пузыри пусты
так что ты на веках прочла моих
мне
покуда я спал и мне снилась ты
так что ж ты вычитала с листа
с
внутри опрокинутого
лица
теперь
наружу из глаз читай
обитательница:

V

что
смерть
это такой сон
из тех что снится себе сам
а что
любовь это тот мысок
что у смерти лежит в трусах
а стянуть а обняться с ней
с
податливою рабой
то получится и нежней
впрочем
как и с тобой.

VI

И тогда не страшно что нет любви
ничего нет страшного впредь
ты
ума обительница
живи
сновидение про себя смотреть
где
все ж
мы были счастливы не отнять
спасибо
сыночка не понесешь
похожего
на меня.

VII

То есть
и
предала как спала
не на жизнь а перевернись на живот
с моим похожим и весь в меня
а ничего пусть и не живет
уже пожалуй и не поднять
к
не до
в крови
губе
а теперь пожалуйся на меня
пожалуйста шепотом и себе.

VIII

Шепотом шепотом шепотком
чтоб не разбудить невзначай
хорошая
думает кое о ком
кроме себя мыча
а
плохой в свою очередь повторим
который
думает что пою
раскачивая
колыбельный ритм
со страшным ребеночком на
краю.

IX

Пора!
отходит пора спасиб
бай-баюшки-бай
бай!
давай посмотрим как он красив
гуд бай май беби гуд бай
что
небо втягивает свистя
устрицу наших тел
и
счастлива наша любовь как дитя
в счастливой сорочке
из хризантем.

X

Ты плыви дитя в корабельный сад
на открытом
как спишь
боку
плыви
в сознания в небесах
как суку-мамку сося тоску
хряши твои в легкой твоей длине
чуть колышутся на ее сосцах
проявляясь
прозрачные
при луне
в рентгеновских небесах.

XI

А душа в корабельный сад
задержись задержись
я
забыл спасибо сказать что сам
дожить бы не догадался жизнь
до
неужели
баюкать крик
Господи
не Тебе ль
смотри
не спугни корабельный ритм
вывернув колыбель.

XII

Чтоб

не сморгнуть корабельный ритм
даже лучше не пере-
водить глаза
взгляда на город Иерусалим
рассвета за полчаса
из глаз
обитательница
моих
смотри
рассвета за полчаса
напыляет на горы Иерусалим
металлическая роса.

XIII

И

читай колыбельную пусть впотьмах
взгляда
не перебив своим
смотри
обитательница ума
как
в Иерусалим
тьма из мансарды валит на свет
детская с видом на небеса
и
соколы выстрелили дуплет
рассвета за полчаса.

кафе «иприт»

МОТЫЛЕК-2

О. Ш.

Говорили мотыльку
пришел тому черед
но
танцует мотылек
он танцует мотылек
в пламя задом наперед

говорили мне
умри
ну-ка-выкуси-ка-на
на не бойся посмотри
на меня
война

говорят ему
живи
лекаря вашу мать
сколько
жить не поживать
интереснее пылать

говорили мне
умри
мотылек
не прекословь
подойди и посмотри
на меня моя любовь

говорили мудаку
что ж
ты прешь вперед
но
танцует мотылек
гибель задом наперед

говорят ему
умри
ну-ка-выкуси-ка-на
на
любимая смотри
поцелуй меня война.

ЭПИТАЛАМА

Я
помнится был женат
да и разве я возражал

я был женат на тебе война
чего безусловно
жаль

ты конечно была в меня влюблена
времена еще были
те

я
был женат на тебе
война

мы
забыли
убить детей.

Я был женат на тебе война
я тебе
покупал белье

красивая
у меня жена
не то что сестра ее

а
были
отличными:

выпивка
компания
лазарет

ревновала меня идиотка
а я ее
нет.

Ты
мне
носила цветы

и
бинтовал их
я

а что меня ревновала ты
оно
природа твоя

как я ушел от тебя война
это
еще вопрос

ты просто живешь без меня одна
мы просто живем
врозь.

Ты мне плюхаешься
в каждой
тьме на постель

думаю
ты
не в своем уме

мы
забыли
убить детей

а помнить сама призвала причем
за
рукав утяня

ну
юный армейский лекарь еще
Михаилом звали меня.

Вот мы и дотанцевались
доктор Лето
доктор Лето
в польку-бабочку с музЫчкой инвалидной полковой
как нелепо как нелепо
так нелепо
как
еврей на Первой Мировой
меж сердцебиениями влезла
ленты строчек лето перезаряжает тишины
залегла в цветах акации цикада митрального
небольшой
цикада
все же
а войны.

Доктор Лето доктор Лето доктор Лето доктор Лето
доктор автор бюллетеней стратегических потерь
в черных дырках от оправы
стекло нет
и
ничего не отражается теперь
вы из плена
доктор
вы из тлена
что еще
ответьте доктор
полевой какой тоски
что еще за кукла-бабочка по имени Елена
гусеница
механической руки.

Доктор Лето
мы наденем это тело снова
или
или в щели сквозняка я чтобы
сам собой
возник
войны-сестры явно рано овдовели
умираю по горбатенькой из них
вышивает ведь не по железу
по зеленому брезенту предсказания свои
насекомый пулеметик черношвейка митральеза
небольшой
цикада
все же
а любви.

Доктор Лето
сердце это или это канонада
это наших глаз секрет или уже горчичный газ
георгинов августейших посылаю
с клумбы ада
с нарочным
от имени всех нас
вам
на имя незнакомое Елена
авиатор этот чертов вот досада адрес стер
но букеты
но букеты
георгинов непременно
каждой
вдовствующей из сестер.

Доктор Лето доктор Лето доктор Лето доктор Лето
лето с гусеницей доктор механической руки

мне

Елена

написать велела

что-нибудь

на память

как

стихи

«Но извольте, чтобы подписи не надо,
но позвольте — дату, милый, чтоб поставила сама»
смерть цитата смерть цитата смерть цитата смерть цитата

из

по памяти

любезного письма.

СЕНТЯБРЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРОГО ГОДА

I

Господь наш не смотрит на землю

не

интересно Ему

как

корчится медленно зелень

в бесцветном на солнце дыму

и танки неторопливо

спускаются в тяге тупой

в спокойном размеренном ритме молитвы

к заливу

как на

водопой

II
наш Господи-Боже наверно
он
слепо-и-глупо
немой
десант одуванчик по ветру
влечется на небо домой
влечется влечется
от даже
земли
от сводящих с ума
земли нашей лунной батальных пейзажей
особенно если с холма

III
о Господи
что тебе снится
покуда
углем от руки
я
заполняю страницу
все бабочки да мотыльки
и все о любви да бессмертья
а
не про гибель и смерть
и черно-багровая бабочка сердца
мерцает готова лететь!

Декабрь 1995

IV

Л. М.

Не
перевернется страница
а
с мясом вырвется
«ах!»
в мгновенном бою на границе
у белого дня на глазах
с прищуром тем более узким
чем пристальнее устремлен
Господь наш
Господь наш не знает по-русски
и русских не помнит имен.

Сентябрь 1982

ОРАНИЕНБАУМ

В Садах Железных Апельсинов
в Садах Аллаха
у встречной гибели мы как пройти спросили
«Да шли б вы на...»
а право мы на бис и bravo
как рисковно
пошли красиво
оскома правда и отравка
от
ваших апельсинов

в Садах Железных Апельсинов
от каждой пули слева
равны примерно и отличны перспективы
на память и на славу
но мы
бессмертны
уходили от пуль танцуя
примерно вправо
но мы себе не находили
ни памяти ни славы

и я прошу вас не поверьте
рай пули с краю
никто вам не сулил блаженной легкой смерти
ну а про жизнь вообще наврали
мы
кислоту во рту месили
полусонно
с черным эхом
в Садах Железных Апельсинов
в ночных Садах Аллаха

и вот я снюсь себе живой и сильный
как снился бы чужому сыну
что я с лицом войны иду под небом темно-синим
через Сады Железных Апельсинов
в аллеях лунных ужаса и страха
в своем мундире драном
и
то ли звезды там смердят то ли в прорехах
оранжевых дерев
зияют раны

айда
в Сады Железных Апельсинов
яалла! встали
туда где лезут борозды от сока по шетине
проказа на металле
ах нагулялись мы красиво
и спасибо
я повторяю
В Садах Железных Апельсинов
бессмертья с краю.

ТАНГО ЦВЕТОВ

Халиму Гури

Пылает роза-2
она
дымится
зло
цикламены
цепляются за высоту
о
одуванчик
бригаде в солнце не вместиться
пушинки грохота и золота пыльцу
роняя на
лету.

В воронке розы-2
оп-па!
цыпленок жареный
горючий
тяжкий
розы аромат
пошел за окоем
о
одуванчик
в квадрат-12 золотых шаров
я вызываю одуванчик твою мать
прием.

Огромный этот сад
какие наши клумбы
с тюльпаном за́ ухом
и
цикламенами во рту
здесь
не иначе
как ангелы танцуют Танго
Цветов
оп-па
и золото пыльцу
роняя на лету.

У нас
у райских птиц
права куриные
конец приема
цыц
играем и поем
но
одуванчик
где одуванчик херувимы
в квадрат-12 одуванчик и
поворот
прием.

АРМЯНСКАЯ БАЛЛАДА

Мы построить крепость воздвигнем план
от секретности план сожжен
равелины чтоб их не брал таран
бастионов граненых не оборол
в арсеналах дробь и добра дрова
в троекратных стенах чтобы ура
и у неба в носу ковырял донжон

мы воздвигнем корону сложив утес
нет
на плешь циклопическому хребту
нахлобучим зубцы и бойницы вниз
чтобы башен груз чтоб фронта вес
и чтоб форт как каждый гранитный пес
язык дороги держал во рту

мы создать твердыню прицелим цель
цитадель и только
один в один
вознесем эту каменную цитадель
создадим детка тебе цитадель
а потом последнюю цитадель
туркам ее сладим

моя мертвая детка
не спи не спи
мы сойдем в казематы на тыщу мест
где
хотя он навьлет с утра убит
турка сидит на моей цепи
железо плачет и ест.

**привокзальные
стансы**

לבי במזרח ואנוכי בסוף מערב
יהורה הלוי

I

Не то чтоб брезговал страны
где всю продленку моросило
сморода мама молода
резинки кружево Россия

где я пошел по этажу
в дому у русского вокзала
(«Я, милый, замуж выхожу», —
она мне кажется сказала

и встали словно два огня
в себя сгорели и просели
по обе стороны меня
жизнь (коридор) и воскресенье

а в коридоре по мосткам
без никаких зеркал с ухмылкой
я на закорках смерть таскал
вскарабкавшуюся к затылку)

смотрел из съемных окон вниз
прикидываясь: или — или
и интересовался: из
ада больше не звонили?

II

Я зазывал к себе ее
и вежливо она хвалила
как ливень серебра лиет
из неба в лоб Иерусалима

и как молчат стада камней
слепыми ониксами оземь
и потрепала арапчат
она на виа Долороса.

III

Но пах наш пах любовный пот
иерусалимской высокой
тьмой и заминкой легких вод
в ознобе перед в кровь осокой

я отводил ей ног струи
в мерцанье как перед стихами
все русские слова любви
какие мог в нее вдыхая

аль не догадывался я
с плеча кренясь в сердцекруженье
что это милая моя
мое бессмертье неужели.

IV

Арендовал я площадь близ
как я уже сказал вокзала
а транспорт тела грохнул вниз
в цитате старого металла

«либи́ (чуть громче!) ...бэмизра́х
вэанохи́...» от лифта дверца
«бэсоф...» пробормо- «...маара́в»
-тав! лязгнула на иноверца

V

который был подлаты мент
который «вашидокументы»
которых оказалось нет
и мелкой отступной монеты

за исключением наших душ
в грамматике страны дебилов
где исключения на «муж»
уж-замуж-невтерпеж-мой милый!

еще успел я углядеть
по краю коврика постылой
руси косяк из лебедей:
уж-замуж-невтерпеж-мой милый.

VI

И мент увел меня в вокзал
в кишечнике которых недр
мне вход подземный показал
нагнув в железный тетраэдр

«Возьмемся за руки, друзья!»
тот кто несчастен тот беспечен
менты и взяли третий взял
и без разбегу ляпнул в печень

потом рвало меня шла желчь
потом был выбит из кутузки
потом я думал: надо же
как удивительно по-русски

VII

и местный боженька езды
от силы час от корчей тела
так рассудил что мне пизды
отпущено вполне по делу.

VIII

Сошла лизать ее душа
и к подреберию припала
но черный шепот мятежа
открыла глаз на дне вокзала

с карачек вывалиться в шаг
лечь и перекатиться на бок
в рост во вокзале как во вшах
чешась аккордеонов бабок

глухонемых умытых в кровь
ведомых под уздечки речи
бомжонков беженцев воров
нечеловечьих лярв узбечьих

дрезин сверкающей мочи
под корточками пуз моторных
поймать прожектор за лучи
и намотать его и сдернуть

и подползавший как живой
стрелой членистоногой резко
взять за сустав за головой
и выдернуть с путей курьерский

в горсть железнодорожный мост
сгрести и стать с букетом моста
залопотать отплюнув мозг
о том что боже мой что просто

IX

что даже если я погиб
от всей любви невыносимой
из пасти бьет еще язык
сухой как спирта пламень синий

что если я погиб погиб
погиб еще достанет силы
привстать на голос над Россией
на мостик вороной дуги

что я еще смогу посметь
еще закинуться из крыльев
чтобы бессмертие и смерть
по обе стороны раскрылись.

X

И белый ум судьбы моей
из кожи ороговевая
сел в центре площади как змей
раскачиваясь и зевая

сел в центре площади земной
и не по слову Иоанна
а чтоб любовь моя со мной
смотрела как судить я стану

как я еще судить могу
по пояс вплавь когда монголы
пройдут Аравом и Оголой
к Мегиддо в пепельном снегу

когда как лава пузырясь
из трещин выползут народы
смотреть два солнца и смеясь
от юных слез голобородых

и мне подскажет мой Адам
как называется россия
и новое ей имя дам
какое бы ни попросила

вышагивающим навстречу
по цокающим мостовым
вседомым под уздечку речи
омытым розовым немым

а две последние слезы
я положу на дне вокзала
а синим пламенем язык
еще я высуну как жало.

собачий вальс

НОВОГО
ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОГО
ГОДА

I

Только
в жмурки
себя сохраняет разум
улыбаясь
чтоб глаз не открыть совсем
это надо ж как я
возношу гримасы
и
евреем в железной постели сел
когти к зубу
перо к бумаге
на живом — Готеню — на живом
я
репетирую вальс собаки
с вдохновеньем и божеством

II
свет
и выключенный снаружи
в доме черепа задарма
по
сторонам только корчить рожи
на
свет
из
нутра ума
из умозаключения
причем
только
в первую тысячу лет
значение
вообще имеет назад отсчет

III
И
здесь
я настаиваю на счастье
в любви
а уж в смерти как!
здесь
я
небу
настаиваю на чести
демонстрации языка
я
бы настаивал и на участии
мотылька
как в несчастном полета случае
так и в случае кувырка

IV
мой
мотылек
он
в своей манере
не
верует в факт огня
здесь
никто не настаивает на вере
в факт бессмертья меня
впрочем
не
существованье
смерти моей и моей любви
как закон Архимеда сидящему в ванне
венозной крови

V

смерть найдется
кабы
была собака
что называется пошутил
возопьем что ни попадя из Архилоха
например
на копье опершись
этил
так дитя
отряхивается от страха
смеясь до конца каникул
фиг
изо рта я хихикаю хлопья праха
как в Дахау опорожняют
тигель

VI

и

теплый ажурный жирный

пепел мотыльков

по команде

фас

на бис

выполняет поклон при жизни

а раздухарившись и целый вальс

и это искусство танца похоже

что

дело когда труба

луна

абажур из собачьей кожи

даже лучше

чем барабан

VII

здесь
на свету танцплацу Эль Кудса
с пятью минаретами по углам
если речь пошла об искусстве
то
и
танец
на
пополам
а косою вальсок задувает сбоку
поклон
не велика печаль
офицер приглашает на вальс собаку
как
я и обещал.

**пять романсов
для г-жи К.**

ПОЛЕТ СОВЫ

Госпожа моя К.

это не я это шакалей тоски на краю ветерка
лоскут
это не я
это днем сновидений куски как дневные полеты
сов

это руки твои все тоньше тоньше
ко мне
текут
а мои
уходят в песок
там

у тебя не смерть
снег
там
наверняка
это сами входят в предместья снега с тех с наших с тобою пор

когда
впервые слепые мои века
на
наш постоянный двор
вслед
привели снега

я
мог сделать свой город твоей столицей
но
сделал его
как
есть

я
уже
даже
и
не
о любви

но
мне
не достало духу именовать его
в твою честь
и и и
и

зажигаю глаза взгляду даю твердеть
но если шакалу днем лунного воя никак не свить
то
серый полет совы
серый пролет совы
госпожа моя посвящаю одной тебе.

МОНГОЛЬСКИЙ РОМАНС

Ай
она права
я совсем сошел с ума
на дыму скрестив рукава

хорошо
собираю свой мешок
и на посошок
задарма

ни к чему огонь в ночи
с полночи до полуночи
как при свете дня огня бахрома
настоящий свет в ночи

настоящий свет в ночи
с полуночи до полночи
настоящий свет в ночи
это тьма.

ну и хорошо
забираю свой мешок
и
домой с чужою женой

с головой
засыпаешь как в песок
просыпаешься как
живой

ни к чему взгляд в ночи
с полночи до полуночи
просыпаясь все одно нечего смотреть ведь
настоящий сон в ночи

настоящий вид ночи
с полуночи до полночи
а настоящий сон в ночи
это смерть

ай да хорошо
и что у тебя есть женишок
короче говоря
я пошел

ведь сама
ты собирала мне мешок
айда на посошок
и чмок

ай молчи ай да ной в ночи
с полно́чи до полу́ночи
но музыка мне одна мне она то на хрена
настоящий свист в ночи

настоящий свист в ночи
с полу́ночи до полно́чи
как тихонечко свистит
тишина.

ДЕНЬ АНГЕЛОВ

Водку дул дурь смолил
лязгал
песни наглые
в небесах ерусалима
солнце
ангелы
было не было
а мне бы
жизнь хотелось наголо
над
ерусалимом небо
в небе
только ангелы

ангел черный он военный
и надменный как судьба
на губе его казенной
золоченая труба
а второй мой белоснежный
и несложный как любовь
и в его улыбке снежной
роза черная горит
 посредине
 ангел сизый
шизокрылый да хмельной
весь чертами неземными
 состязается со мной

 первый ангел
 протрубил
прямо в небо с флагами
 но
 здесь у нас
 ерусалим
 ну его
 ангела
как бы ни было
 прескверно
 не такое видели
шел бы ты мой ангел смерти
 во телохранители

первый ангел Ангел Черный
Ангел Черный чернозем
по его команде стройся
мы из почвы поползем
Черный Ангел дружит с Богом
а

пойдем мы умирать
на челе его высоком
отразится ни хера
ангел четкий Ангел Черный
и нечетный как сапог
мы то знаем для чего нам
обувает его Бог

ангел дым
белый пал
ветер опереньем длится
в небесах ерусалима
лебедь ангелица
так и не было
как мне бы
жизнь
еще раз
набело
над ерусалимом небо
в небе
только ангелы

ангелица лебедь белый
лебядь белая как смерть
нам с тобою жизни целой
до конца не досмотреть
а прожить с тобою можно
только больше не встречал
от твоей улыбки снежной
только пепел и печаль
ангел глупый мой летальный
бездны
ангел неземной
улетай отсюда бедный
безвозвратный ангел мой!

Водку дул
дурь смолил
лязгал песни наглые
в небесах ерусалима
сам сел
Серым Ангелом
было не было как не был
летá уже недолгия
а
над ерусалимом небо
где
гуляют
ангелы.

БОЛЬШОЙ РОМАНС
КАМЕННОГО СТОЛА

У

каменного догола как жена
стола
с черной крови мискою
когда
в одном окне у меня луна

и

в другом луна
только
низкая
здесь

у каменного стола
дай

мне досмотреть
я заискиваю

дай мне досмотреть какой ты была

и

в другом окне
тоже луна
иерусалимская

дай еще раз увидеть
одна тысяча девятьсот
девяносто нашего лета улыбку улыбка как сноп бензина
она ослепительна
так
что локтем закрыть лицо
можно убрать
действительно
не
вообразимо

ну и эхо в доме где ты жила
тень
с лица моего пила
тень с лица
где в одном углу дома
зола
и в другом
зола
но
еще теплится

где лакают с каменного стола
дай
мне удержать
зубы лузгая
дай
мне удержать
а луна ушла
а в другом окне тоже луна
но
русская

дай
в этот раз удержать
неподъемное бельецо
обираемое со стульев бессильно прощанье ибо
ибо
руки белей белья
так что локтем закрыть лицо
спасибо
я досмотрел
спасибо

а на все про все
в доме
одна стена
и одна постель
вот совпадение
и пока еще я по эту сторону сна
а по ту
сторону сна
не те
сновидения

и сидим мы у каменного стола
дай черт допьяна
песни бряцая
дай черт допьяна
и чтоб не слова
а чтоб музыка
одна
и
чтоб
блядская

горячительная музыка
чтобы эдаким молодцом
прогарцевать от Стены до Москвы и назад
как когда-то меня носило
но ты
в начале летнего неба
а мне локтем закрыть лицо
и этот припев еще
про луну
невносимый.

РАЗБОР ПОЛЕТА

И. Л.

Клюв
в счастливых соплях
жопа в порохе

в шпорах
судорога
и

в оперении крыл промахи
а
в когтях муравьи

а
что выше меня заря
значит так

и
сообщать мне об этом зря
не дурак

то что век мой птах ляпнуть мало
ведь
век на еле одном крыле

я один
на одном стебалове
ваше небо видал в петле

черный пар дышал в высоте
перышко
задарма

зря
и годы мои не те
скоро тьма

только чур я буду как хочется
жадно хочется
аж визжу

чур я сам
а вы
перетопчетесь

с куража
в виражи
хожу

сам в зенит выдаю свечу
когда
сам решу

потому что еще лечу
хоть
едва дышу

видно
дело
к полуночи к полночи

склюньте
пшеничку
голубье

там где я ходил
там
ни облачка

то есть
все мое
и всегда мое

опираться там
не
на что

да
и телу
ли

и
любили меня за то
и правильно делали.

триумфатор

21

Лампа сапиенс лампа
и
привыкай к свету
это
надо ж как выцвел папа
даггеротипной щекой к портрету
ты
проспал воскресенье
хомо
оттуда
себя и разом
не
все дома откуда и бестолковый полый
белый разум
зубы в стакане и глаукома

20

как часы капают а не стекают так
глаза ослепительные от сновидения отвыкают
в
такт
при
маргиваются прицельно
к
школе того
что
день второй
надо же
понедельник
то ли кожанку сменили пижаму то ли
то ли
пододеяльник

19

а

чей это волос на одеяле

ужас ужас

скажите пожалуйста

да не женский не дребезжи а ржавый твой это волос на одеяле

ну

же

и

не выключить лампу а сначала как человек поднять жалюзи

с

лязгом

из

темноты не смотря

на

ружу

речь может идти только о чашке кофе
в присутствии глюкозы света и кофеина
коготь экстрасистолы воспроизводит профиль
на пушистом зеркале
с автоматизмом номера телефона
пауза
в паузе шевелится
любопытство
к
алло в лице
к того алло
что
по номеру Аушвица
татуировки Аушвица
поднимает трубку на том конце

здесь мигает на выход
из паузы в утренний интерьер
где твой профиль по зеркалу
дорогая
на
косога Андрея Св. манерь
буквой херь
накрылся пальцем по амальгаме
по
саже пыльцы свинцовой
пудре бабочек-совок слепых пальцем по снежной поземке пудры
специально в раме распада такого сорта
что
нам отражается даже и не лицо нам
но сервиз гримас фамильного натюрморта

16

и

указательным

об рукопись пожухлую постранично

нечитанную

и на том спасибо

либо новости устарели либо

нам

Господь Израиля

их сообщает лично

например

сапиенс твоя осанка

подозрительна в каждом жесте

а сюжет неслабый хомо проснуться самкой

с безымянным пальцем в

однажды своей манжете

15

ну а ну

ка

и

сам ка

тапок нежно просевши между

растопырь

!о!

провал

срамной длиннорозовой полуусмешки

овал какую образовал

оно

только о кофе теперь и только

только о кофе и неохотно

конечно и только о чашке кофе

речь и может идти ноль запятая хомо

14

запятая
не свешиваясь за карниз
как летательно я всю жизнь и летально
неумно мечтательно путал верх
и низ
и любовь и гибель как мы с нею считали
там внизу на улицах серый сад камней
гармонии
наконец счастливой
наблюдателя отсутствием в ней
при наличьи
луны солнца стены оливы
где
небо Иерусалима
лбом в землю зажмурясь совсем как я лбом к стене

пустоты не терпит природа верней натура
пустоты не терпит природа гибели
как я мог забыть что всегда остается тара
из
под
съели произнесли выпили
что
тополя голуби обилие уличной мебели
бичующие коты
что скамьи для ангелов и что кометы в небе дневном не выбыли
а эту вашу натуру
мы только ее и видели
в
ис
полнении пустоты

12

собственно я все понял
и не превратно
по
лунке
на месте скажем души как зуба
как в конце любви когда она безвозвратна
и
после несчастливых писем к тебе особа
собственно я все сразу и понял поймав с поличным
себя
при
теле
предполагая себе бессмертие неприличным
в стиле
в борделе букетика иммортелей

11

собственно

я все уже понял смотрясь в предмет
мой отражающий взгляд прямой

мне

повторю

природы вид был мне как уроде трюмо

горизонт царю эхо нетопырю

звонкий зрак мой яблочный золотой

не

прицел а цель

щурясь куда пристреливался и палил

оперенный свет с

наконечником на конце

в

Иерусалим

10

собственно
я все понял еще среди
клятой жизни что Собственно Тобой имелось ввиду
по
человечески Господи
Тобой
справлявшем во мне нужду
я
всегда так и знал
только раньше воли не давал языку
я всегда так и знал
что
стою
и слушаю последнюю музыку
и бабочка топчется в воздухе на краю

ואת הניגון הזה תמיד שמעתי במקום מילים ואך

הוא

נראה בעיני דממה

כמוהו כאהבה

בעצם אותו השוויתי

ולא אותך

כי לך לבדך

את לעולם מושווה

כי אומרים : אדוני לקח

הוא התכוון למוסיקה אחריה ינהו

ולא לו אלא לי היכולת לחזור על כך

כי בעצם אמרתי את זה

אני

ולא

הוא

08

я

всегда слышал музычку эту с изнанки слов

которые

сам и дудел

целуя гармонику в лезвие

сам себе

крыса и крысолов

змея и флейта лицом к змее

и

свешиваясь за карниз

хомо

так и понимал смерть

это когда остается музыка

а солист

с футляром ушел домой и унес медь

07

Адонай лаках моя медная Адонай натан
ту победную ту

му

зыч

ку

впрочем это я сказал а не Он

а

там

вообще только я медный болван и повторить могу
в полдень на Яффской сейчас Дороге и в полночь на
ползари на Восток и на Западе ползари
справа солнца сосок в груди слева сосет луна

и

дырка с музыкой

посреди

06

да и ну нас Господи я сказал
по царя Давида улице запуская собрание новых ног
заранее
уже
затаив дыхание в зал
над Геенной Огненной где показывали кино
Страшные следы труда
так эдак
на
землечерпалок сто
миллион тому как покинутый луна-парк
с
циком
в арену усосавшимся
шапито

05

и вон и

как по музыке

что

твой протянутый волосок

от холма вершины дня мост до холма вершины дня

Иосафата наискосок

он как глаз из орбиты выехал на меня

я

свидетель

он выехал на меня

ременем обдирая вадю ноздря на корню

да конный на двуногом верблюде дабы окованном дыбом шагать зверя подняв да

он

и выехал на меня

так что я от страха захохотал коню

04

это не Аллах
этот конь сидел меж Аллаха ног этот конь он умеет молиться
этот конь как двуногий идет петух
в каждом из пузырей его лика
по
в окантовке мигает
львице
ящерицу хвоста ловящей покуда металл не тух
конь он идет как скандирует конь конь конь голец опаленный
с высоты слона ступает с заточкою долота копытами по скорлупе
шелкающих могил
и
чепрак зеленый
в такт стихам не шевелится на безударной когда
стопе

эта колоннада возникла оскалилась и застит запад
головой взрыва вперед от хвоста в узлах

вдруг

урановая клоунада на задних лапах
от ампутации к горлу прижатых рук
и тогда я крикнул ему «Аллах!»

а

как член конь Аль Бурак в паху дай я договору мотается чугун жеребячий
и в каждом ядре табун его жеребца

и

спит на горбу

Аллах

с небольшой

улыбкой стоячей

на пустом краю позолоченного лица

02

хальт

я крикнул Аллаху который спит
то есть видит меня во сне на белых пустых полях
мразь

скажи своему гибриду погонщик его копыт
затоптать меня потому что я не свидетель тебе Аллах
в твою позолоченную дыру
мой народ был Бог

Бог-Народ

плюясь завизжал я обезьянкой-матросом на удилах
я еврей пойду умирать

и

пойду умру
потому что я не Свидетель тебе
Аллах

01

Мой мертвый народ

был Бог

Бог а не ты мразь

и

за тобой

я с хрустом захлопну глаза потому что в последний раз

но не как в последний раз разум и смерть а как любовь

но

из

без

и

смертья кромешного куда соскальзываю влеком

сейчас и еще немножечко о любви пожалуйста и еще

и еще чтоб в черном воздухе у плеча и почти не касаясь шек

мотыльком ресниц Господи мотыльком

0

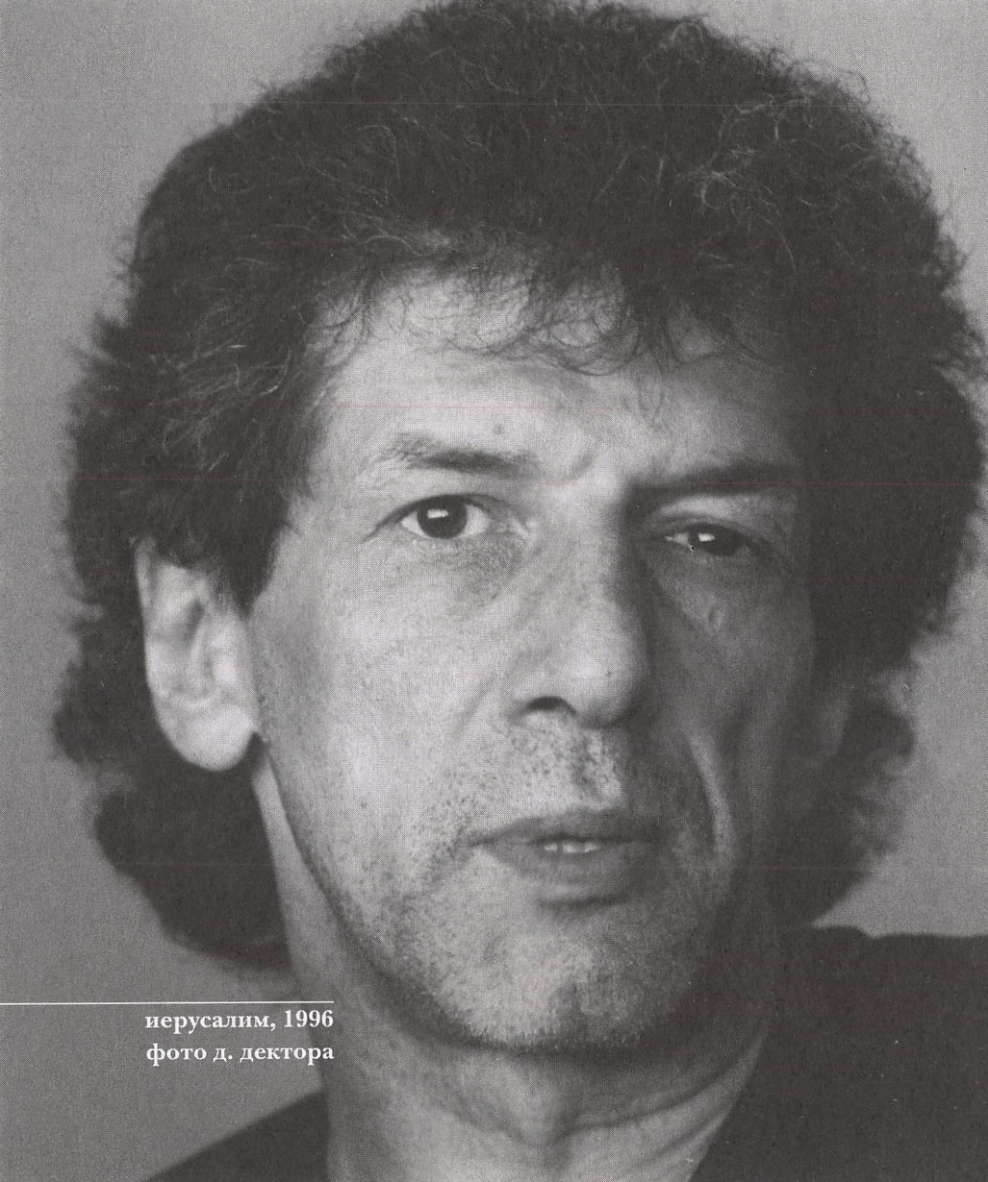
Адонай цваот

!

Похоже
пес верней сука
ку-ку
исполняет мне а скулит днем луне
и послал же мне Господи горсть песку
горсть песка Господня
мне тростнику
и пошли завидовать мне

тростнику с травой тростнику с травой
речь идет к песку на ладони речь
и
я спел собаке
как ей надо
лай
и
воде я сказал как ей надо лечь

а пошли!
пустая рука легка
уронить
ничего в ней
нет
каждый встречный камень ждет час песка
и пошли завидовать мне.

иерусалим, 1996
фото д. дектора

книга пятая

царь

Что
жизнь мучительная
повторим как повторяем
пролет

под балками нерусского сарая
слепой
как
мотылек

а
что
как мотылек оно бессмертье это
смотри

зари симметрию зари
заката и рассвета
и
тьму внутри.

продленный день

I

Я

путешествую в национальном стиле
то есть
по делу

Ноя

по делу мокрому какой-нибудь стихии
или
Ионы поглощенного пучины той же темой

по порученью ли Господню
станет ясно
через
еще пару столиц и родин

я явно путешествую
но
не из
любви к природе

II
не
любопытства чувства зрения и нюха
под ритм вслух на палубе дождя в лицо
ах ну и как там потрох?

а
от страха
бездымного
как порох

что на брусчатку дна двора
хотя смеркается
мой синий день
мой день прогульный день последний день продленный

домой гулена в фортку мама мне
гулена
домой
пора!

III
Я
странствую в настиле
в
манере

что
дома нету кто меня любили
или
вообще под дверью

обитой войлоком
когда еще обили
а
к новоселью соседской кодлы

ключ
вот он не посеял
замок снаружи
внутри шеколда.

IV

О нет
моя душа
есть
хуже

чем
что
«таких не жили»
в шелку

сам за спиной шурша я ухожу от свиста шелка
волочащегося
уже который ужас
за поручни перил цепляется и порется и рвется

в таком
я путешествую в национальном стиле
что народца
слизнули языком

V

я путешествую в национальном духе
один
а то ведь можно
как остальные греки

чтоб
по два мозга
в
одном орехе

попарно слиплись
друг дружке снясь с улыбкою слепую
и
счастливой

либо
труха
под
скорлупою.

VI
Смеркается
однако
верней
внимание внимание внимание

ни
качества
ни
флага

в
лимбе
в
тумане

ни чайки из пустого рукава души ни вороной ни сизокрылой птицы
отчаянно качает вниз
и
вдребезги напитокся!

VII

Я

путешествую не более чем буква
в поисках письменности
в бездну соскользнувшей

грамматика

качается

как будто

камень и колокол то ближе он то глуше

комплект секир и домочадцы

ил

лю

минация!

и плыл не то чтоб не вернуться

а чтоб

не

возвращаться.

памяти броненосца

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К МИССОЛУНГИ

Как обязательно бы
Joseph Brodsky I
по публикации
отметил:
от шерстяных носков
рево
люционеров (два ударенья) и повстанцев
ногой воняет смерти

а
во-вторых эти повадки урок
эти
чесоткой кверху
бурки
им вообще на пару с лордом им
гораздо партизанского прищура
в Сорбонне дипломированный турка.

Ага!
вот именно
и поболтать с агой военнопленным
обмена в рамках
после чего — цап — за Стамбул агу
ортодоксальный грекос
добро еще и неживьем
и

раком
свистать в четверг кукареку
Коринфскому заливу
в четверг дождя каменолома в Миссолунги
что все это напоминает и тоскливо
таймсом
хронически
газетную колонку.

Бай-бай ирония!
на взгляд
на мой потусторонний
напоминает даты из моих последних числ
и
до омерзения какую-нибудь родину
на
выбор из отчизн

мне
эти ваши либерти напоминают ливер
и не грифом
а
вороньем в тифу расклеванно напоминает лорда вспученное body
до
голубой последней капли желтой лимфы
лицом к свободе!

Не
déjà vu!
дожить бы было б незаконно
да и дожить скорее было бы навряд ли
скрешенья
лермонтовских рукавов бекеши кровью бряклой
с
морóчной тягой перевеситься с балкона
какой-то сонный интерес в паху инстинкта
к
злодейству
и
отличает
стих
как чудовищную форму счастья детства
с резцами влажными и розовыми счастья!

Ну вот
и вышел в лоб себе
сам понимаю что недолго
пути кремнистому блистать
и недалече
по направлению к Миссолунги
себе
навстречу

по направлению
дорогою овечьей
что скоро чувствую что скоро
по странному наклону слога
даже речи
к плечу
шекой
покорно.

ФРАГМЕНТ ГЕРОЯ

...природа крови в природе

кровью

в

любой объем

раз

литься

ровно покуда не станет народу этой природы ровно

ровно с этого ровно

расклубиться

в

воздухе мы встаем

в

сетке собственных вен

как птицы

и не к чему плечиком

при

облокотиться

над

уровнем моря

причем

крылом.

РОМАНС «ДИОСКУРЫ»

К завтраку ты не вышла
за
все восемь окурков
с
кормы «Диоскуров»

ты
не
вынесла ему куртку
по
случаю непогоды

покуда
пьялился он на бухту
все
эти
годы

вот и я говорю не сезон
спяну
он догнал тебя с грохотом у менялы
тот ясно грабеж и опал
лечь

что ж ты единственная не обернулась
а
стояла
не подымая плеч
припев:

убить курву распять менялу
заведение
под
партию фортепьяно
сжечь

в фокусе
прожектора он опознал тебя альбиноску
в серебряном хоре Пуччини конечно в «Тоске»
ну
что еще

что потом он кромешно полночи тетку
с титаническим месил воображеньем
только что-то зубы соскальзывали
по добротной обивке женской
припев:

то ли на
его собственное
то ли
твое
плечо

сновидения не обсуждаются
к сведенью
не было
в сновидении
ни оперы ни веранды ни меняльного заведения

но
с кормы «Диоскуров»
остекленному взгляду
проездом
в манере сочинителя стихов и поэта

открываются виды
не на
все четыре
как говорится обычно сдуру
но по крайней мере на две и обе стороны света

припев:
исключая завтра
что
и
отметил лично

литератор
натошак
вполне континентально
куря
на завтрак

не сказать живой
но
назло бессмертный
назло
табличке.

ПЯТНАДЦАТЬ НЕГРИТЯТ

I

Три точки три тире три точки
мы повисли
в том смысле
что
неможно и помыслить
всплыть выше головы

а

ниже горла головы гримасничает потрох
бурлит
без
задних
ног

что

и

бывает
говорят когда идут себе линкоры
на
дно.

II

В потоп в сезон
горизонталь потопа ровно уровень пучины
и
научив
а...
(здесь и далее речитатив)

...зот
и сладкий кислород лакать с небес Походный Бог не обучил мужчину
как
баттерфляем выдыхать
под
горизонт

пузыря пузыри последнего купанья
за ради дурки пены ерунды
плотнее
видите ли
пенье
своей среды.

III
Пловец
не дорожи любовью народной
ты царь
пльви
хоть по-собачьи
но один

и
таки
средиземный мир мир таки земноводный
тебя
двоякодышащим
родил

а коли не всплывают вровень
щека к щеке
язык и речь
тому подряд причин
ирония коррозия
винта Харибда Сцилла течь.

IV

Ничто

не успокаивает так как вид волнения снаружи
и
что
в любви и смерти объясняться с вами нужно
как плыть в пальто

спасти (три точки) наши (три тире три точки) ваши души
стоит
на
кой
(три точки знак вопроса запятая)
но

говно
оно
конечно
тоже тонет
но
как говно.

У
Вися
верней
прицеливши макушку в область тверди
а
пяткой к дну
вися

всяко душе не полагаешь полной смерти
и
окончательной
в ее
неполных
пятьдесят

се как хождение по водам в акваланге
на сельских рыбаей понты
когда
в воде как рыба
(в небе птица-ангел
в кишечнике глисты).

VI

Допустим шмок
он
утопает по-ахейски просто
но
вдруг
твой судорожный твой комок

на взгляд на вкус морских зверей
плавучий остров
мозга
в безумье
а не
поплавок

VII

тогда
Большой Моряк в Большом Адмиралтействе
действительно похоже с печки бряк
тогда пускай вокруг резвятся nereиды
как в детстве малосовершеннолетние
в угрях

тогда
гони волну утопшим nereида
морско
военно
уставно
разъяснено:

какое было
эта
наше с вами
Атлантидо
таким
оно

Пловец!
на стяг матроску с водоплавающей телки!
а я распоряжусь
чтоб не забыли юнги
именем «Потемкин»
наречь баржу.

САМОВОЛКА

из Хапма Гүри

Возвратясь

он

обнаружил на месте Адмиралтейства

так примерно

и обнаружил:

волны залив дельфинов хляби

за гребнем гребень

водоросли

прибоем качались мерно

солнце

зависло над

краем неба.

«Ошибки всегда повторяются дважды.

И дважды, —

сказал он, —

м-да...

им следует повториться».

и

повернул назад

к перепутью торной

чтобы

узнать дорогу к своей столице

к городу

что волнами никак уж не был.

Усталый
он
вел
себя
как
через сон вброд через гул базарный
толпы
чей греческий был им теперь понимаем трудно
собственный
его провианта запас словарный
порастряся
странствовал он покуда.

На миг ему показалось
что
в сонной ветоши груди
вдруг он очнулся
такое бывает вроде
встречные не узнавали его
новые эти люди
даже
и
не
удивлялись
бронзовой его позолоте.

Он
их выспрашивал
знаками
слов не хватало
дорогу к дому
встречные
честно пытались понять его bestолково на паре сотен
законных слов
отчужденно и незнакомо
пурпур
все истончался и истончался
на горизонте.

Вышли взрослые
развели по домам дикую стайку
потных
детей с резко пахнущим телом
детям
идти не хотелось
одно за другим в домах загорались окна
все
загорелись
и
враз
стемнело.

Пришла роса
и запуталась в его космах
будто
упала роса
ночная
глаза заклея
ветер
едва не лая
как пес
поцеловал его в губы
пришла вода
как старая Эвриклея.

Пришла вода помыть ему ноги
омыть его ноги как Эвриклея
но
не узнала шрама
и
поспешила дальше
себя толкая
дальше журчать по склону
все тяжелее
вниз
как свойственно всякой воде
стекая.

свидание в коринфе

I

в Коринфе
где в мире где
еще
как не
в Коринфе
где
в детстве
море выдумали греки

а
рифма
сильна
как
рыбина она
и
не
дается в руки

II

в Коринфе
если не там
то где же право
жаровня
матовое пекло синих тусклых слив глаза барана
все
по
старинке

все
что
любил я
в жизни и всю жизнь
любил
еще
еще
в Коринфе

III

лодка
а лодка носом о причал потрется сладко
из
куколки ее вспорхнет невинный сонный пассажир
как
мотылек
на
пламя лампы

и
ахнет
он
вглядевшись в наши огненные лица
ахнет
и
вывалится изо рта его по мрамору катиться
драхма

IV

за все про все всего надкусанная драхма
Дафне
за
задницу в любви важней которой нет и шире
нимфе
изюм на дне барана дым на дне кувшина
за
дым на дне кувшина

за
что
в Коринфе
за то в Коринфе что
остались
живы
зато
в Коринфе

V

отлить
и то назад потом к огню дорогу не осилишь
сцы
с причала
волос
от рыжих лохм
твоих своих
не отличаю

в Коринфе
я
свидание в Коринфе
я
всем своим свидание в Коринфе
я всем
и
назначаю

VI
а
если
на этом свете где еще как не в Коринфе
если
в глазу соринка
я вылижу но отвернись скорей
от
взрослых

вот так
в Коринфе
куда из тьмы гипербореи ходит регулярно лодка
тариф старинный
и
посмотрите
кто
на веслах

VII

в ключиц
в уключины
легко влагаются предплечья
а
в случае
чего легко плевать на вечность
что
даже лучше

оставить все как есть и вас на мраморе в Коринфе
до
рассвета
уже взбирающегося по двум слезам под веки
и
это
конечно море выдумали греки
сося монету.

сестра-собака

Л.

I

Вывинтиться если
из под
соленой воды
лимба

либо
плашмя уже
как на
палубе рыба

все одно
мы тоже сидим и сестра собака
с видом на облако неба в Акко
на фотографии инвалида

II

все равно
потом
с видом
не иначе как ртом в подушку

на
карачках
сам пустоголовый зрячий и равнодушный
а клево

мы
еще вспомним самый тот еще ресторанчик
помяни помяни
мое слово

III
из
нутра капюшона мордочка симпатяги
с визгом оглашенным не могу больше вылетает вперед когтями
в бедную птичку

как бы как
не моргали точно резкость не наводили
на
кость

открыть кавычки вспышка закрыть кавычки
фокус
точка куда не съезжаются параллели
Акко конец недели

IV
помяни помяни помяни
осталось
всего ничего
малость

самое
небо облака неба
и
где душа там полость

что
строго говоря едино
по мнению
инвалида строгого господина

V
помяни меня ладно сестра собака
краем лая
и довольно
на рыбный ветер зимний

только
оно
не больно
Акко

а как-то культу стругаю
как-то не слишком больно
то ли зима то ли
анестезия

VI

культю стругаю шиш на торце вырезаю
уже хорошо
шиш
как настоящий

а болит
да
разве боль
шевелится на скатерке легкая как шелуха салаки

на
фотографии инвалида самый
тот еще рестораник
флаги

VII

помяни сестра помяни
сучка
вида моего
самка

меня меня меня
подробно
и
поименно

покамест в проломы неба лезет бритолобое солнце на крепость в проемы
памяти Акко:
слезы слава музыка
и знамена.

эя

М. К.

I

А когда иссякла потребность в небе
о чем слова
писец
и пиши пропало

одеяло
у куколки существа мертвая голова
с головы
откидывается одеяло

как
облик от лика
как
лица выражение от вещества лица

идиот
от
аргумента
золото от позолоты

как
впрочем это поздней
от
летает пыльца

от
самого
существа существа
полета.

II
Во
электрический дом
во
влеком

был
ибо
сам
наверное не был потребен в небе

далеко далеко увлекомый
за
сквозняком
легко

обведи
трофейную
ясное дело
мебель

вор вор
не
весом
обходи голоса челяди не твоей расы

и
высо
ываешься как из челюсти
на террасу

III
что
Эя то Эя
берлин лазури красный хром купорос народная бирюза
пурпур в целом

Пенелопа
с целью
лопни мои фасетчатые глаза
Телегон Телемах Цирцея

пара жен
см. Телегон сын от Цирцеи см.
Кирки
что тоже которой всеу

рассудок
симметрией
поражен
но сам рисунок отсюда отчетливо опишем

даром свинарка-Кирка что двести лет
врет кабанам
и
выглядит соразмерно

но хуже она чудовище
что я нет
хтон!
хуже хуже она бессмертна

IV

Эя острова Эя
венской программки оперной
по словам
память это бессмертье

вот именно
и
по
эту

сторону музыки
ты Телемах постреленок наш нерелевант
но пемзе от
драивал отчимов от буфета

юшка итакская моя но по-пенелопьи инертен взгляд
нет на отца не катит
он киркин супруг бессмертен он Телемах
и о Телемахе хватит

да
зарябил да зарябил
куда мокрые брызги визг куда головой впотьмах
еле

куда головой вперед крича Телемах мах мах мах но видимо у мах мах
эхо
летит не от
той стороны где теле

V
вон Телегон он
вылитый как две капли слиянья нас
ее сукровицы золотой и моей перекасти-поле крови
гирлянда

рекс отщубийца покуда в профиль
а если
фас
это вааше команда

и о
как я забуду тебя сынусь
именем ленин клянусь именем ленин клянусь буддой
вуду

землю есть молока и меда буду
хайлем своим клянусь
о
как я тебя забуду

мой пионэр
не
озорничай
поведением отца убивать не надо

пусть вечный лучше
Эя
праздник семейный чай
каменный чай рейх каменная прохлада

VI

Эя бессмертия Эя
фриз с трещинкою на юго-восток
из-за дефекта однако из-за
чего

это
Телегон Пенелопе мраморный протягивает цветок
кажется
мака

Цирцея
хмелем венчает мужество Телемаха
бабочка на периферии
фриза

вагнер пурпур и бирюза и йод
плывут пароходы привет кибальчишу
в сефардской синагоге жужжат и фасуют маленький божий мед
свыше

бабочка
с фриза перепархивает в центр
видоискателя национал
социалиста

и в гавани комрад ветр фатерлянда
наливается точно в цель
прямя в счастливый парус
царя Улисса

VII

и пора и скоро пора родные прошайте
пора и скоро
о
чем слова

я покину левого полушария неосвещенную область
и
словно фу
с ладони

полечу я бабочка мертвая голова
воздуха
плаванию
следовать уведомый

к юной и голой опять как слово яблоко
снова
ведь
если выговорить в прохладную емкость дома

и
лечу
я
мертвая бабочка в естестве

а
потом на пеплос
по уходу служанок
на край подола.

керамика

к амфибии

Рыбка

даже летучая

не

выдыхает в воздух

птичка

даром из магния

не

вылетает в космос

кто ж теперь может по бритве лезвия облизнуть и высунуть свой босый

наружу

в

письменности

из

панической пасти

дикой?

От срамовой дельты Мицраима до козопоя Явана
оно конечно
ноги мыл эпикойрес пил узо низко баб валял эпикойрес с вами
но
богом
одинокство как и язык свой во рту
богом
прозревая
в
симметрии одиночеств
языка и бога
впрочем
на какой хрен
там
пафос?

Страх
как хрипит в трахее
похрипит и ладно
не
сдавать же наш босый голос в стиле голос трофейный с лязгом
голоног наш головоног!
не
сшы
плакса
мы
не зря пальцы свои запустили
в
кляксы
глазниц
Эдипа.

ЧЕРНЫЙ МЕД ОРФЕЙ ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

А
что не врут
что туда идут в затылок
и каждый
себе поводишь

что
там вокруг
даже не пустыня
а хуже того
пустырь

а правда
что душа
когда собой ведома
то
ветка дыма в руке

и
шепот в ушах
глубокий шепот дома
дома
окном к реке.

И как записать
что
если был любим
то и
в ад убыл сам

зачем там
в аду
пух тополиный
пух
в волосах.

Пух в волосах
ты зевающий от астмы
не пел ты в аду
а
губы сосал!

и
праздничный и страшный
рот твой
в
меду!

Так
гонят стада
и
лба не поднявши
путем пеших стад

дорогою в ад
не
не обольщаясь даже
что эта дорога
в ад

Орфей а Орфей
что
правда
смерть блондинка
а Орфей

Орфей а Орфей
где
Эвридика
где
твой трофей

Орфей а Орфей да глазами ли своими
ты видел ее саму
вслепую с тех пор ее ты шепчешь имя
имя
тебе к чему

Орфей а Орфей
а вдруг она родит
там
бывших
твоих детей

зрячих
детей
родит Эвридика
там
в темноте

только
вот что Орфей
она разлюбила дикий
нагорный
мед

Орфей а Орфей
где
Эвридика
кто же в аду
поет

смотри
стоишь
сам
сам
слепой в себе счастливый

и
губы
в
меду
ах

ах
и губы в меду
и пух тополиный
пух
в волосах!

ОРЕЛ

I
Царь поднял голову смахнул ракушечник побрел от солнца и от моря
не по-русски
в распор в расщелине стоящий в скалах небольшой орел
отвлёкся от моллюска

царь шел не прикрывая наготу и
в выбитых зубах царька
за деснами еще хранилась лужица
на вкус во рту от моря

язык
отсутствовал
на
месте языка.

II
Орел легко моргнул
отсюда
с точки зрения орла
отчетливей и очевиднее чем в речи

что
подымался по тропе все выше
что
ждала

то есть
стояла
то есть
шла навстречу.

III
Фигурки
дернулись
всегда первый гребок всегда
давался тяжело

сошлись уменьшились
в одну
фигурки
приняла струя тугая

покуда
взгляд ложился на крыло
и
разворачивался не мигая.

кассандра

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Генералу Агамемнону
ванну черного агата
генеральша постепенно
наполняет для гиганта
шмель.
Микены.
сцену бдительно
смотрят девочка и мальчик
как
супруга победителя
[знак зияния]
медлительно
опускает в ванну пальчик

только
это будет завтра
а уже
пока луна
дура мрачная Кассандра
станет употреблена
по своей
по малой крови
предъявлению
[сыночек
запах Трои для героя
словно
колокольчик!]

не валял бы ты Кассандру
вещих бедр не разбирал
даром
не
гуманитарно
боевой
генерал
полных бюстов палисадник
в олеандах очередь
[батя
ну ее Кассандру
даже
если хочется!]

генералу Агамемнону
как теленок чтобы голый
как
предсказано яремную
и
дыхательное горло
а потом за проницательные
вдохновенные слова
удавить военнопленную
Ка[кассандру]
от свирепости
скажет
свежая вдова.

в изголовье
послезавтра
от подростков кипарис
дочка вырастет Электрой
сыном вырастет Орест
доча мамке вьет удавку
братик финкой вырезает
[зуд.
стрекозы.
предсказа
тельница
с
выпученными глазами].

ИТАКА
Истребление женихов

Тоже мне счастье
улыбнется лук: бзднь и в
цель

ревновать надо тщательно
пальчик
пинцет.

Потом
с равнодушием
сесть на край стола

рядом
с собственной тушей и
спросить как дела.

А
лицо а кисейное
а жена а луна

перевод Одиссея
вольно
снять имена.

Снять
и
снять

как велели
но
еще с прошлых разов

этот
с истреблением
ничего эпизод.

Отсмеялись глаз вытерли
фартуком:
все.

Жизнь кончается титрами
снег
вальсок.

одиссей привязанный

ЭЛЕГИЯ ХИРУРГИИ ГОСПИТАЛЯ
«ШААРЕЙ ЦЕДЕК»

I

С каталки
особо
не клонись за карниз как

там
не
хлябей стоянье высокое

а
там
небо низко

не
косись за борт
понял

и
рыбкой не стоит
пытаться

царь
все
и так на ладони

как
если
выломать пальцы.

II
На
потом
что ни шатко ни валко

на
потом
небеса дорогие

об
тычет
бортик-каталку

об
дебаркадер
огромной большой хирургии

плещет
кафель
претворясь в каждой клеточке Мраморным морем

неохотно клубясь
развивается кровь цвета кофе
в образ жизни

и
жизнь
в физрастворе.

III
Боль
в муке давеча
выполняет себя самое боль свою

как гармония сразу
есть
плод-крик-роженица

так я
допустим
пою

из желанья чудовища языка
взбить хвостом под собой ничего и ничье
возболтаться

и рухнуть и с головой и
требухую своей
заглотиться

о сирены
сирены сестры мои
родственный разум

Одиссею поют о любви
Одиссей
привязан.

IV

Начинается пение
как
пенье любое

красота
начинается
с пены

рвоты
от
совершенства чудовишной боли

сразу всей
сразу
разом

но
Одиссей
он спасется

ведь
он
Одиссей

он
Одиссей
он привязан.

У
Не
кренись за борт
понял

кроме
царя только море
царя кроме

кроме
волн только волны
и волны и волны и волны и волны и волны и волны и волны

волны
и
волны

боль
и
никаких аллегорий

и
шли б вы со вздорной
своею любовью

вся
ваша любовь это детская форма
мне причинения боли.

VI

Что скажите на милость
волны и волны и волны
так поднавалили

если
вот она Дверь
в

Торжество
в
Справедливость

в хирургию
во
Иерусалиме

который Иерусалим значительно выше уровня природных которых условий
и которого горя которой любви и
которого четкого миропорядка

а
чтоб
еще горней еще

в
изголовий
каменная табуретка.

VII
А
что
жизнь нерыбья моя зев разевала классно

а
и
что

а и
рот мой
да

внутри
как
надо

пустой
и
черный

да я зевал вверх с лязгом царских саблезубых согласных
и несколько раз в одиночку обогнул вашу сраную точку отсчета
меня и убить успели и не убить попеременно

но я не знал смысла пения
спасибо
сестра сирена.

VIII

Их евстахии ух
команды этой моей
залиты до содвига визга ушного мозга

и
никоим не воском конечно
смолой с дниша

посудите где
им
с дниша наковыряешь воска

и
пусть их
когда из бездн дует ревет и дришет

а привязался конечно сам царь
оно
занятие не «Танго свиной. Цирцея»

но
и от пуза послушаться одиссеевой боли
не специально но

в личных
в госпитальном покое
обучения пенью в смертельных целях.

IX

А ребята
что не при ушах
то без обид

гомерическая команда
и петь сама
и сольфеджио наблюдать с природы

гребите соратники
гребец
процедуру весла любите

фрагмент галеры
и
физическую культуру

гребите команда про то что мы брали город
товарищи
как мы товарищи брали город

мы
мы или не мы
споем товарищи брали город

брали
а теперь
гребем.

Х

«Товарищи мы воду роем а мы брали город
товарищи вы помните брали город
а брали раз-два как таз-бадю с бельем и бабьем и арабьем

товарищи
мы помнится брали город
Одиссей он привязан а мы гребем»

что
я как хочу я слышу боль свою
Одиссей привязан

что
я как хочу слышу гибель свою
и что по губам запаadlo прочесть моим дорогим

а что я слышу гибель и боль свою я
по губам пожалуйста
я хитроумию своему обязан

другим
Милосердия
мне занавеску

судно какое ни есть
и
гимн.

XI
За
свирепый альт
про любовь

так
чтобы губы серели
мгновенно

я
сам бы пошел с тобой
гибель моя и боль

петь
учиться
петь и играть в сирену

сирена
она собой исполняет себя и свое
как пламя книгу читает разом

но
воет она и поет
сирена воет она и поет

не зная что воет она и поет
а
царь привязан.

XII

О неужели сирены единоутробные сестры
что
неужели

морфий
и
конец эпизода

только
еще
солнце

грузно в черном сядет на край постели
по-вдовьи
просто

за
неимением
горизонта

а ведь
закатом налит только до половины объема
взгляд царского глаза

небо небо
покой приемный
Одиссей привязан.

XIII

Створы
Врат Справедливости засасывают каталку
в шлюз

жалко
идиот позабуду
верней а то идиот позабуду

вот шире чем надо откроют проем и помимо дохлых медуз
красота
какое хлынет оттуда

и
он заплещется он
разлюли-люли Справедливости океан огромный

окоема
от (люли) до
окоема

небо
небо
небо

покой приемный
конец
приема.

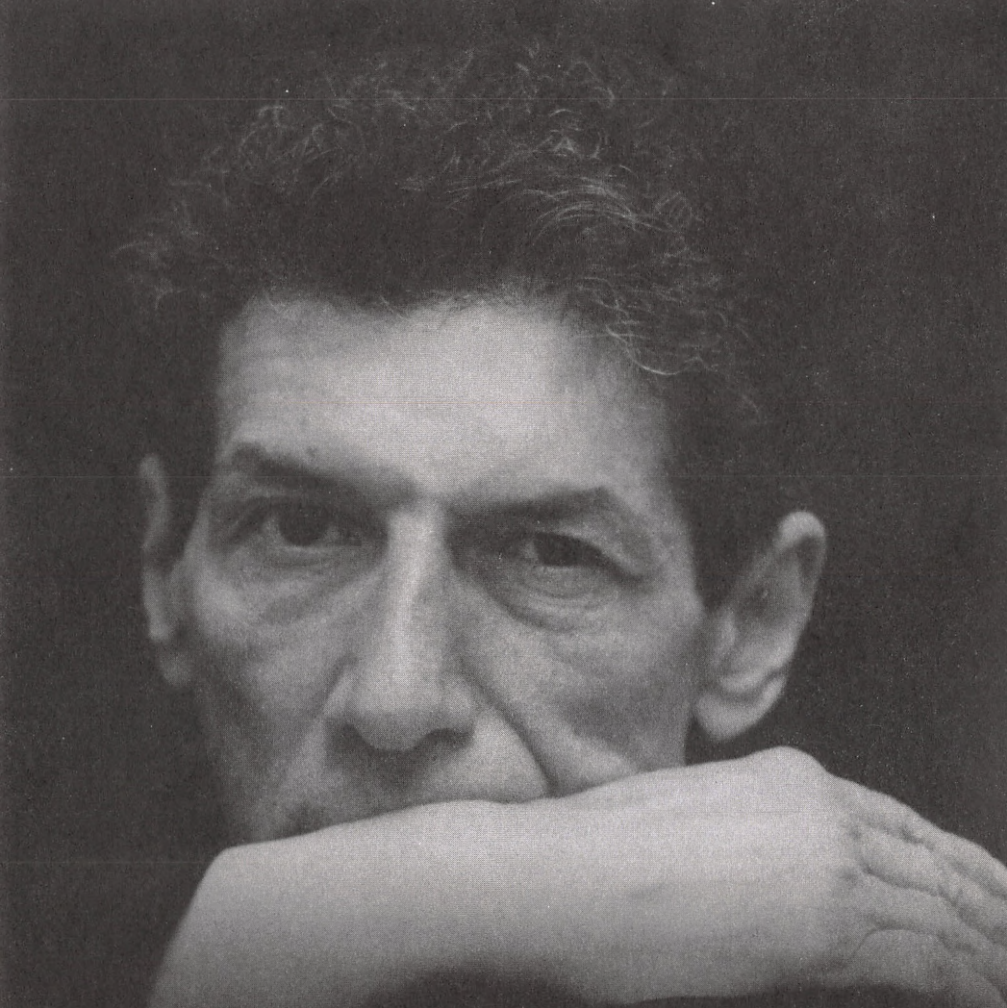
Д.

Изрядная коллекция закатов
вот она
лицами к стенкам
мне
принадлежит

а я
гляжу от вспышки света в сторону
куда
длиннее все
отбрасываю жизнь

и
дую пузыри
заключены в которые
мы как живые мы
забыл в каком году

плывем в меду
закрыв глаза покорные
на тьмы на все четыре света стороны
как дети голые
в меду!

иерусалим, 1997
фото м. левита

книга шестая

уроки
симметрии

Говорили
мне
не ходил бы по кайме
где
сдувает пепел в небо
и
пальба
лицом к стене

ничего себе
стою
поперек
язык жую
напужали
синей
жопой
метафизику мою

там
по
воз
ду
сям
дед-отец дед сын
сам выкидывай коленца
чтоб сошелся псалм

там
с
рувимами сидит
новой кожей
скрипит
папа мой
урод военный
русской группы инвалид

там
орлы курлы
там
волы
рычат
там
от звонов бивуачных
мерзнут душики арапчат

там
наискосок со мной
как на карте козырной
так
Ерусалим Наземный
что почти что
не
земной

там
смотрите я о ком
говорю
в углу фигурка
белым
гляньте на придурка
белым дразнится
платком.

магний

*Мертв месяц ав и кончился элул
Шмуэль а-Нагид*

I

Ольха

крыжовник мелкопоместный

но

видно с небес

как

облака

отдувает налево

а значит норд-вест

с залива

как пеночку с молока

от

самого места и детства действия

еще

где не зная в себе покойника

лед Абрам

царство ему небесное

жизнью плюется над рукомойником

II
к
железнодорожной воде на корточках
где микробы и головастики
зрение
телепается с хлястиком
трепещет
как
локоть никак из курточки
с
где-то лет четырех-пяти
содержаньем
Боже ты мой!
скоро дождь на земле
и
домой идти
надо
идти домой

III

о еще немного
вода на ощупь
чернобурая но прохладна
мы водицу эту по горлу ночью
погладим
ладно
потом
но
главное
не подпасть под грозу вне дома
дед
пожалуется нет пожалуйста
этот
о шести крылах силуэт
от
железной воды
отражается

IV
и
покуда
велосипедная улица
вся
от посверкивает до смеркается
мальчик
канавой интересуется
горячо быстро писать
но
отвлекается
под пузом лапку разжать черничную
а
взор
очарованный и горячий
взор
уведя в бузину пограничную
вражеской дачи

V

однако
накрапывает
мандраж
дрожь
как ужас об цинк веранды уже
гомеопатическое драже
моих теток
с ума посходивших что ж
во-вторых
нервы нервы
пора пора
вздор ливня пальцами по стеклу
или это
мальчик
мертв месяц ав
и кончился наш
элул

VI

или

это я глаз не открыв сказал

ливень будет лить

а

насчет

того что к рассвету пройдет гроза

нечет

а

если открою

чет

от

щеколды ключиц не

сорвать ключа

негатив засвечен свет наоборот

электрический

кислород

тухнет искру все медленней все волоча

VII
и
да
грохнут грома
только прежде
сад
ахнул смертельно потом взлетел
над верандой над
дабы дальше
сам
с неба
в адское место воздернутый
с тем
подмигни мне брат Господи
в Судный День
громом родины дома как до войны
с синей молнией в стеклах волной от стен
магнием бузины.

текст

I

Текст
должен стоять
один

вокруг
максимум
листопад

никуда чтоб больше не уходил
вообще забыв
как сюда попал

субботное солнце в лоб
обритая
голова

и по локоть в карманах
чтоб
окровавленные рукава.

II

Текст
обязан с утра
в дым

босым
без
никакой кирзы

один
если взялся и молодым
откуда показывать всем язык

специальная
дырка для сквозняка
от виска чтобы до виска

а провинциальные
мать отец
из-за угла навешали текст.

III

Текст
волен гулять в шелках
ах

и
на
золотом глазу

и смерть как на фоне при облаках
текст
в медном видал тазу

на заднике облака и знамен
и славы чтобы
авантюрист

а
как отползает с триумфа он
легкий шелковый свист

IV

И как небо
с каждой войной пустей
от точек зрения на него

текст
он ровно
себе контекст

а
угодно
Высшее Существо

собственно
как я уже сказал
ублюдок себя он а не вариант

и даже когда отвести в слезах
ничего не изменится
проверял.

V

О мой ангел
шипанный под гольца
на самца пародия и певца

а

ведь тоже мерешится
глянь сюда

колода

и

сковорода

и ку-ку что реку
от гребня до шпор
Никому не значит иначе вздор

что стихотворенье
собой само
себе сочинение и письмо

VI
Текст
он
текст себе и контекст

листопад и тогда не покинет лист
наблюдатель когда отойдет от дел
как наглядевшийся василиск

текст должен теперь один
интервал точка
и брысь домой

один
вот именно
посреди

вот-вот-вот
именно
ангел мой.

VII

Ангел мой
когда
а вернее где

мы с тобою мы
а верней
в аду

наши руки встретятся как в воде
я
тебя под руку отведу

на плац
без запятых без
добрый текст где вниз головой с небес

под
гармоньку да барабан
за гонорар шелбан.

почта из кракова

I
На
самом краю ума
где
главное вниз и вкось
не
зажмуривать
оба на
равноапостольских на стрекоз
я
остекляю себе балкон
из взгляда гнезда из
на самом краю ума
и
с
выходом на карниз

II
дурь и гарь
на
краю ума
а чего господин сочинитель хотел
сама
пепельная кайма
определяет формат письма
отсюда
и до основанья стен
плевать
какой такой голубой
про что
огонь
поедает текст
про жизнь или про любовь.

III

один
на самом краю ума
нет видимо все-таки про любовь
оно
я
понимай сама
отбыл гораздо чем был с тобой
метража во всю длину
хроники
на дыбы
давно хватило б сыграть войну
свадьбу
медный загул трубы
в пользу бедных моей страны
сучьей нашей с тобой судьбы

IV
ровно
если смотреть с ума
всё более-менее горизонталь
а
бросить и взгляда не подымать
за что отдельно себе медаль
то
благо
по небу ни души
так и печалиться не о ком
крошки видимо зря крошил
цып-цып-цып
Господи
на
балкон.

V

ведь
чего господин хотел
а того и сказать хотел
что
сумма сложения наших тел
больше каждого минус тень
ведь
любовь образует простую дробь
тарелки медь барабан туш
и
дыра в знаменателе
ноль
чтоб
ровно
за вычетом наших душ

VI

а это сама понимай прости
напросвет письма и челом к огню
вынести не
произнести
за что отдельно себе вменю
на пасхальных полях
понимай
письма
на пустых полях
понимаю
сам
сейчас
к осенним припав глазам
из
нутри и на краю ума.

VII

я видимо переночую здесь
письменность та же вторая часть
при улете
вниз
свист
обретает
вес
и плевков
это чтобы я не скучал
а при взоре рыщушем в пустоте
зыришь
не в цель а шель
а вон птицы летают себе на кресте
и ничего
в порядке вещей

VIII

здесь воскресный по видимости урок
школы симметрии
в коренном
в идеальном смысле
Господь урод
Себя
в экземпляре Себе одном
свет наоборот а не свет погас
вспышки выворот черный вольфрам дугой
мысль гибель последняя
Он
оргазм
в смысле простенький
Сам С собой.

XI

Как во все знамена как в сеть ловил
я во все облака расправлял силки

смысл

Господи

алфавит

клевать из пустой руки

цып-цып

Господи

на корма

здесь

если смотреть с небес

здесь

на самом краю ума

смысл смеркается.

Полонез

Х
здесь
пора все убрать со стола
сам
бурдюк с психологией вешмешок
хорошо и на посошок
и на лицо капюшон
и
свежо с выходом на карниз
иногда впечатленье
с горы холма
как
упырь топырясь
как
пианист
свежий ветер в манжеты когда поймал.

XI

кислород свободы шипит в дыру
каждый вздох отпивает до дна
ландшафт
но
язык извивается по
ветру
как у музыки вырванный с горлом шарф
и
в небо вступает как я домой
такая собачья виолончель
любовь собачья
что и не в счет
что больше верил в тебя я
чем
я верил тебе самой.

ХII

Почта из Кракова
на пари
не придет
я могу поспорить на все
на
все три пальца их лакомка
пламень
вылизывает на десерт
письменности на краю
имени вся любовь
господин сочинитель отнюдь не юн
он
карлик
и
нехорош собой.

XIII

почта из Кракова
снег с дождем
а кстати
девчонка
вообще
жива
почти одинаково
не придет
забыл отправить и сожжена
навряд ли корреспондент поляк
да и какое нам дело
тьма
и пепел
на белых пустых полях
на самом краю письма.

ГИМН

I

Ну
Боже Ты мой
Ты
крут
Порука Ты и Рука над Всем
Предвечный
Сержант израиля
Грудь
Твоя
колесом

II

кстати что кстати
катит
война
где нам ополчаться а Ты Военспец
и
если я правильно понял
нам
вот
именно
Молодец!

III

Что
Господи
Ты за Зверь
Сам
Самоед от Своих потерь
Ты есть
будь здоров от Своих даров
падали
полный
Рот

IV

а судья
Жид ты Судия
Самосуд на Свой на Самонарод
народ по веревочке Твой бежит
не от
от и до
а наоборот
а бздынь что струна дребезжит едва
звать на публике надлежит
гармонией существова

V

Существо
Он Надмирное Он
говорит
в Нем
мы и живем
на манер аскарид
а кому
отпад как крутой закат
например
во облаках горит

VI

ах горит закат в таких облаках
за нерукотворный что за небосклон
или
не кого благодарить
или
Некого
благодарить
или
низкий тебе поклон
зрительный нерв

VII

Творец
Остроумец Ты без узды
ничего я не видел смешней
ну да
и
особенно
тонко
что
эта когда
ушла не вemo куда

VIII

так что
муку
от смеха
приняв за боль
а в Nature Ты в том числе Любовь
как я чисто натуралист
смерть
я хоть раз совершу с собой
лишь
из любопытства из

IX

Предержатель Того Что Есть Низ и Верх
на все
Вуаля Твоя
Твой Иерусалим
номер первая верфь
прикола всякого корабля
только как бы не закричать земля
на халяву по воздушям валя
с землю в пасти и
скоро, бя

X

знаешь Боженька
папа когда умирал
очень мучился так
что доктора
говорили папа уходит в рай
Барух мой Ата Адонай
чем чан мой
нефритовый
зла добра
и порцией через край

XI

и как червь сообщаю
ну Ты и Фрукт
Идеальный Свой Плод
сад и Падалица
что у ветки
вдруг из дырявых рук
Идеальный Плод Сам да и вывалится
предварительно правда зайдя на цель
как Бомбардировщик
над

XII

Одинокий мой
чем Ты заплел окно
что не Ты Адоной а я так одинок
один
с Одиночеством
на
Один
о не отворачивал бы Господин
нюх
от собаки старой у ног

ХIII

Аллилуйя
взгляд опусти Садист
этот
с дудкой
на дне Твоего Двора
и есть Твой покорный слуга горнист
за что архангельское ура
дай же мне Элохим как давал другим
за гораздо менее гимн
более менее серебра.

**осенние
уроки
симметрии**

I

Ну Готеню ну
еще
разве год разве

но чтоб на
дне одной орбиты солнце в дыму во шелку во цыганском в крас-
НОМ
а в другом глазу не закатывалась луна

год
на все про все на
поцелуи праздник

и
чтоб
кувыркались бабочки и война

ну
год
ну

год еще год
еле
чумы от и до чумы

как Ему Нерусскому надоели
мы такие какие мы
с бубенчиками с каймы.

II

A

когда я тогда
посмотрел с холма
как грызутся танки лицом в огне
только в сентябре посмотрел с холма
а вспомнил-таки
в молоке во сне

почему я тогда
не
прочел гром
не проник в рев не постиг стиль
а восторг обрел так восторг обрел
ать по глупости два
по молодости

виноват Господи не узнал
извини
Солдатский Бог
извини
впрочем точка зрения тоже знак
препинания
если глаза в зенит

а
по самой по слабой по кромке сна
к
воронке взамен холма
и
чужие
уже по краям уже

я так понимаю
одна война
одна любовь и пожалуй жизнь
только с той точки зрения что смерть одна
и
надо же
как на один сюжет.

III
Чего
я так я
тороплюсь
чего я так спешу на милость
ведь ровным счетом не случилось

наличие денег жизни
плюс
Господь с тобой
вернее
минус

чего засеменял
смотри
дышать торопишься как лаешь
не успеваешь губы в ритм
не успевают понимаешь

не
успеваешь
речь начать
а снова очередь
молчать

а ночи не проходит дня
чтобы при свете воспаленном
душа приходит на меня
смотреть уставясь на меня
как невоспитанный ребенок

ту-ту
мотивчик
как
живой
свисает под ее губой

ту-ту подаренный
тебе
теперь помадой на губе
хотя
спасибо за вниманье

а то еще упомяну
что
ненавижу
тишину
при электрическом сиянье.

IV
А
ведь
даром
врач и сам
понимаю что происходящее из цикла

как
ребята старшие
дурачатся
практиканты
с куклой медицинской

что
как видела обман оптический
так
по кафелю
взгляд и перевезла

в помещенье где забыли электричество
и
убрать
нормально
со стола

в скобках
куклу жаль автоматически
и что
скобки закрываются
заметь

значит
вон оно такое одиночество
говоришь врубили электричество
одиночество
а я-то думал смерть

но
как лезвие как
блик
от ямба русского
милосердия по рукоять

с тобой
так ведь мы не договаривались
музыка
ослепительные
блеск и облик твой.

V
Хрусталик
навели
да хрусталец налили
за
что он всплыл с Земли
во
Иерусалиме

в зазор
щекой
на нет
чтоб глазом приложиться
к поверхности двух сред
верней
границе

смешливость
мил друг
им
ов
ладела
но в вакууме звук
пустое дело

оно
как рыбий гимн
как
свет со сквозняком
но Лазарь встал другим
железный
как нарком

оптический обман
во лбу как
ЛОР
а вход для басурман
и
выход
в коридор.

VI

И

подобие и образ
мыслей
не сказать про облик
в смысле способа
в удобном
каждом случае
зиять

то бишь
образ и подобье
вздор недобрый но подробный

и

опять же
нездоровый
интерес
к себе опять

представление
о мире
как себе
в миниатюре

и

других по крайней мере
свойство не
обожествлять

что-то
мы с тобою
Божик
на одно лицо похожи
и
похоже держим ножик
только
Ты за рукоять.

VII

Заря какая
Боже правый
что никогда я не умру
как удивительно как странно
как
вспышка счастья на ветру
и не успел начать молитву
а вон и гибель налеге
с улыбкою гермафродита
как негр с розою во рту

слова слова не успевая
едва произносить слова
речь влажная и речь живая
как
даже и не прерывал
на
темень гибель ослепление
какое утро заебись
что Господин от удивленья
мне скажет повторить на бис.

ателье разбитых сердец

I

Жизнь
счастливая сорочка
мальчукового покроя

на
здоровье
что в цветочек

кроме
с красной строчки
кроме

из смирительной фланели
ни
кармана чтоб для денег

на
души на черном теле
из другого сновиденья.

II

Где
командуют
как дети

немцы
в раздевалке
будто

жил всю жизнь легко одетым
в жизнь
в нее же и обутом

в оболочке дыма полон
выйти голым
опасаясь

душу
кутая по голос
застегнувшись как красавец.

III

Жизнь
счастливая рубаха
распахни была свобода

вся
от паха и до паха
нам с любовью на обоих

вон
любимая
бедняжка

руки вместе
ноги
врозь

эй
отдай мою рубашку
на плеча ея набросить.

IV
Даром
в коже
гусиной

пусть
на то пошло
отдельно

позовите
господина
из другого сновиденья

из несмежной раздевалки
одиночки
предположим

а
счастливая сорочка
что в цветочек что в горошек.

V
Стихотворец что красавец
жизнь
счастливая сорочка

а
что жизни не спасает
потому что все короче

потому
что
вся из счастья

как
мы
были молодыми

а не
пепел за плечами
легче возгласа и дыма.

VI
Легче
возгласа
и дыма

а
не
пепел за плечами

все
с подбритою бородкой
субалтерны англичане

все
с
зенита тренировки

только глянь из подворотни
смерть моя дегенератка
в золотой косоворотке

VII

Вот

как вся она
по локти

а

вернее
вся по плечи

с рукавами будто плети
вся
в борше от польской речи

только вот она на теле
из примерочной
в подвале

на полу возле постели
к изголовью
рукавами.

**палата
мер и весов**

I СОДЕРЖАНИЕ

В
Палате Мер и Весов
нет например идущих часов

а
под
вальсок

на точный размер голосок фасон
любовь моя верная без трусов
и жизнь на один сезон

в палате
мер моих и весов
звон малиновый эталон

солдатам бесплатно так за пятак
а девочкам
за талон

от входа с лопатой наискосок
посетителям от нуля часов
именно этот и есть

песок
и маятника
кусок.

II ЛЮБОВЬ

Я лампу света потушил
как вывернул карман у мрака
через
вот именно карман с такой подкладкой что ни туши ни души
ни кто стоять на локтя рукоять поставил череп

ночник
с внутри
как
бы
сияния зевком

раз
инутым
себя
сознания
помимо

я так тебя люблю
любил любил любил
и это так легко
что
пустота сравнима

!о (ноль вернее) о!
и
вся любовь
моя по крайней мере
из числа

ничто
оно
ничто
хотя
согласно школе

в опыте с бабочкою полагается зола
в тигле
на сладкое
от
пламени и боли

а
вещество по сути вещество
и
есть
какой любви такая жалость

я так тебя
любил любил любил
что ничего
от
существа осталось

и
ровно ничего любви
разделим
на
ничто

увы в уме увы
и
несерьезно
как в прачечной перечислять лицо белье пальто
в набитом снегом воздухе морозном

когда
во иерусалимском небе грозном
летает бабочка к огню свечей на сто
огромная
порхая грациозно.

III ВОЙНА

Война
когда смотреть с вершины
Небесной Красоты Машина
и
даже
смерти не бывает
поскольку мы остались живы
поскольку мы остались дома

поскольку
живы
и
как видишь
свирепо не рыдают вдовы
в посмертном переводе с идиш
военным ангелам подобно
военным ангелам подобны.

Война
способна к философии
послеобеденной особенно
и
с ней
любовь и смерть
поклестся
весьма способно нарисованы

что и не остается кляксы
при самом плевеньком калибре
от плаксы маленькой надежды
и даже надписи на титрах
когда поют они кромешно
в широких праздничных одеждах
по ветру в праздничных одеждах
конечно свадебных конечно

война в моем танцует сердце
а я ее колеблю серьги
поскольку мы с тобой бессмертны
что только от случайной смерти
любви немилосердной
либо
от одиночества и муки
а может этот день счастливый

что я войне целую руки
из благодарности наверно
войне целую руки видишь
за смысл
в переводе скверном
на
польский
с идиш.

IV II СМЕРТЬ

А. В.

Не так давно
я смотрел в окно
и думал что жизнь говно
а
надо чего
а надо ничком
в комнату где темно

и
синим чтобы огнем горел
этот
Иерусалим
а я бы
даже не посмотрел
и даже не похвалил

а только вышел потом
и сел
у святынь
нам
всем дорогих
и естественно пожалел
что нет со мной кочерги

крах сказал бы я вам и прах
августейшие
и
зола
ав сказал бы на ваш на Храм
от девятого от
числа

долго и просто
бы
так сидел
много ли надо нам
в небо ясное бы глядел
глядя
по сторонам

и я спустился
как за водой
на площадь Не Помню Каких Святых
и
прохожие чередой
коты
огня раскрывали рты

и лишь
видом по горло сыт
когда я решил наизусть прочесть
я понял что я
забыл
язык
как тапки зайдя в мечеть

и с комендатурою во дворе
рядом
раньше где толчея
мычу я и кашляю я на заре
и
кажется
плачу я.

У ДЖОКЕР

Платим должок-таки честный дружок

и

нет да и оборотившись ко мне

в лужу железную смотримся джокер

видим

колпак с бубенцами комет

венами шитая

как бранденбурами

телесная кожура

рожа

сама

или с Санкт-Петербургу

или

проездом

или с утра.

Что

поднимали мы уда тяжелече

чтоб положили превыше плеча

дуем в рожок да уродуем женщин

снег и печаль

желчь и печаль

и
что
в дураки что в жмурки

тот же азарт
и
могу на глазах

этим мазурикам в Санкт-Петербурге
как
пробивают туза.

Даром
помочь их Господь не спасает
вышли мы все из таро

Русская Музыка
грудь
сотрясает

как
погремушку
горох

русская музыка грусть мою давит
образом с девушкой
и постепе

жисть пропадает дактиль рыдает
и
припадает на правой стопе.

Огонь
нам помогал при поджоге
Ветр в игре а в любовях Вода

Землю есть
но
мы бессмертные джокер
не больно бессмертны
но
хоть иногда

дуем в рожок мой вечный дружок
и
сонную обламываем сирень

мы
у Яхве выколоты на жопе
с гримасою набекрень.

Она собой представляла помнится
сновидение
андрогина

редкий ум
навещал ее как покойницы
католическую могилу

с православным на плане
крестиком
из окисленного железа

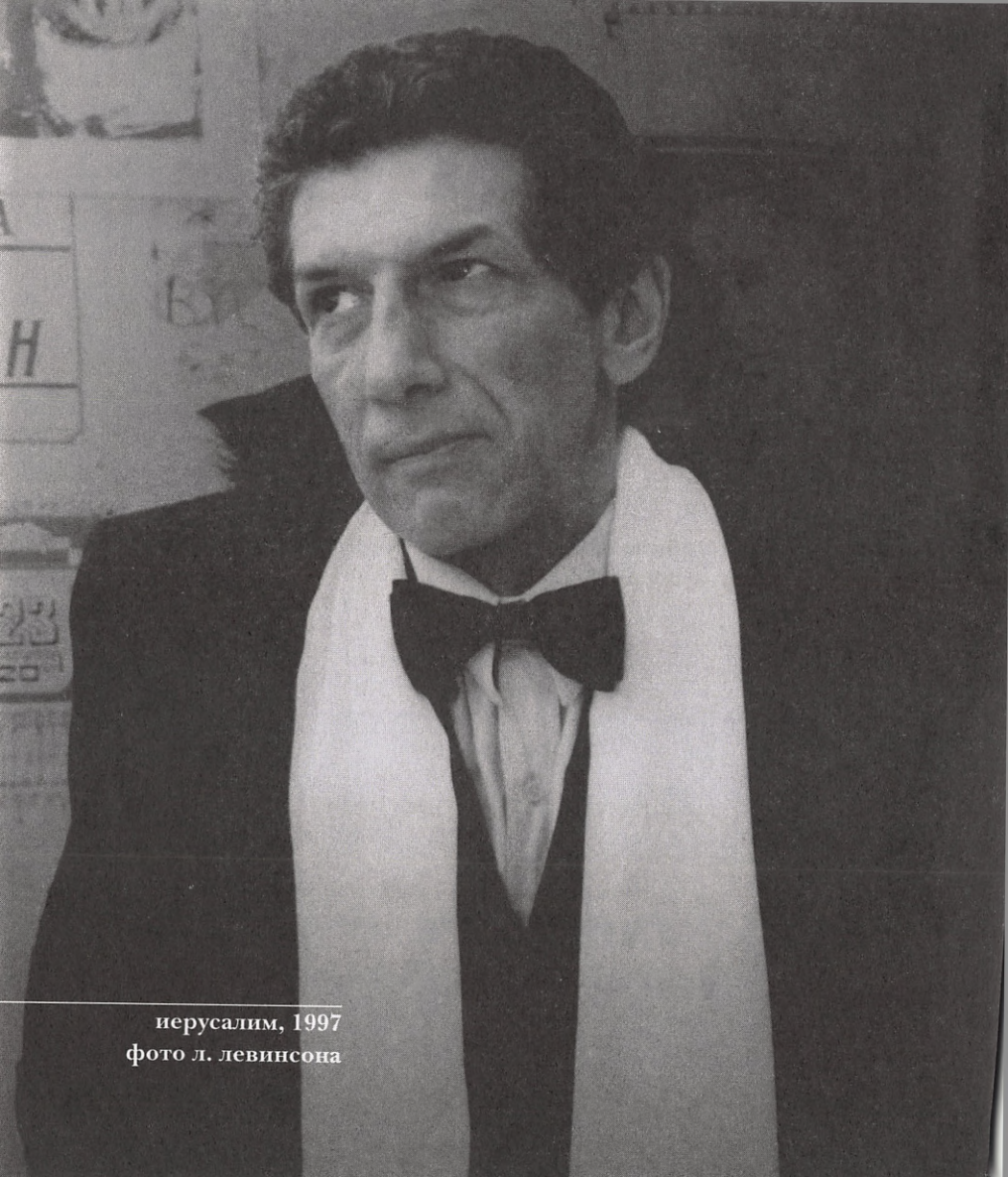
жизнь
была как закат в предместьи
ровно по шиколотку протеза

ее смысл
собой представлял дощатое
за забором цветов мигрени

ее представление
о счастье
соответствовало месту времени

она
не выслуживала лучшей участи чем
сидеть при исполнении гимна

мотылька собой представляла в сущности
то есть
грохнула и погибла.

иерусалим, 1997
фото л. левинсона

книга седьмая

черновики романа

«жизнеописание,

составленное

им самим»

I

Михаэль бен Шмуэль
зихроно ле враха
родился в одна тысяча девятьсот пятидесятом году от Эр. Ха.
то есть от
рождения Чудовища из Вифлеема как сформулировал Иетс
между прочим тоже изрядный мастер стиха
таким образом
Михаил Генделев христианнейшую в живых не застал войну
в которой
зато
принял участие Генделева отец
которому
в честь войны оторвало обе ноги в длину
что не помешало дурацкому инвалиду жизнь положить труду
которой страны
которой и на карте-то больше нет
а так дымы
чего младенец Михаил не имел в виду
из
маточной красной тьмы рождаясь
на отчий свет

II

У

мальчика в детстве дайте ре минор
с хорошую кошку еврейчика
царского не хватало в сущности пустячка
каковой Эдипу презентовал Сигизмунд
комплекса

персонифицированного на женского рода нацию
унд

я же сказал ре минор мужского рода народ
от чего с молодых когтей идиот был вынужден выказать способности

к

сочиненью пенью вранью

на

разные и прекрасные голоса

и он инстинктивно приняв то положение выи и челюсти что русский язык
как орган торчит наружу вылизывать иудейские небеса

зане

и понес и носил язык на плече

сонно путал рассвет и закат и почему зря хлестал на дворе что есть такое слово заря
а потом семь городов спорили родился ли он вообще
собственно говоря

III

года в три
не позднее позднее исключено
в отличном в зимнем в адмиралтейском как
в колонном небе выше чем прожектора
выше собора купола и города потолка
он
увидел пролом в тверди величиной
что в проеме роились ангелы как мошкара
ниже перелетая по поручениям или что-то чиня
а выше густел их рой золотой уже
или
строясь стояли столбы
легкого
нет дальше не разглядеть
огня
там на втором там
за коркою неба
головокружительном этаже
чего
не замечали папа мама сестра в санях
ах которой сестры никогда не было у меня

IV

наш активист в школе не успевал
исподтишка
к хору-девочек-и-балет в для девочек туалет
интерес к щелкам одолевал так что гудела от хлора выпученная голова
смущена результатами самодельного зренья и восхищена
на злом ингерманландском закате гудела ну и строка
на ингерманландском закате ветра вон вам еще строка
на ингерманландском на
ладно
в дельте реки ветру
в городе в котором я уже не умру
который город Петров о ту пору являл собой
дровяные являл дворы
на Охте гоняли плоты и речку было перебежать не финт
в рисовальных классах скрипел оскальзываясь графит
между рам полуподвалов бедные в вату клали елочные шары
но
витрины винных отделов отбрасывали на снег свет ярче чем вся жизнь потом твоя Михаил
снегоуборочные машины с линией снюхивали кокаин
крой выходной одежды был не форменный но уставной
жизнь состоит из детства и всей остальной

V

взял бы да и заспал сном гримасничая к стене
отрочество
в ночь с ноября на март
но что-то строк печальных не смывается им
как в испарине
проникал один лирический бакенбард
здесь
в эпицентре койки вертя башкой
сел

как-то слишком сел как-то слишком в срок как-то слишком вдруг
все же не флакон с пробной Москвой с флажком демонстрация с петушком
а дошкольная бормашина браво в красном мозгу корунд
браво голубь мира на сквозняке словно мошонка нахохлившаяся к зиме
браво подлодка в говне мазута голая как утопленница напрыгнуть на парапет
бис пунктир первого из мотыльков полета разваливающегося в уме
уже не мигая вслед
сейчас хорошо б риторически где же оно там совсем одичав
в каком таком коконе и вовне
как диагноз оно югенд-отрочество мое сидит
озираясь на персонал отделения и врача и на вообще дроба
с алым галстуком на груди верней на подрагивающей спине

VI

на переднике П. соски фальцет переводили в сап
вернее в сип

а П. уступила почти запустить в труса где волоса
в Большой советской энциклопедии на букву онанизм стояло слово аборт
хорошистки начали пропускать физкультуру не говоря про спорт
но от солнца наискосок в яблонях вышел однажды в сентябрьский сад
защищая глаза плечом
и от солнца наискосок в яблонях и

стал

как

над собою над

причем утираться не видя надобности потому что смертен и обречен
да смертен и обречен да

и с червивым сердцем и солнце голое в яблонях и умрет и помочь ничем
а когда наконец дали звук он услышал страшный как вздох аккорд
сквозь помехи электрички которая шла на город
чем и отложило уши и раздернулся колокол воздуха балдахин
прямо в тамбуре выдал горлом чудовищные стихи
избегая глагольных рифм мир сдрейфовав и рим
придумал наречье невъебенно и сам полюбил за шик
в тот же день пырнули в парадной счастливо был зашит

VI

про всадников сокрытолицых приснился и стал навязчиво сниться сон
убитый как отдаст до зубов коренных на рыси песок
перед пустынным рассветом света неба озноба потеющего виноградной росой
как с полоскающим клетотом в ничего и сейчас будет рифма в горле
в верблюжьем высоком седле назад западая раскинувши рукава и визжа
он тяжелый отряд ведет на за ближайшим барханом

город

где как детей он скажет сонных вырезать горожан

рассказал

сон П. дежурно прижав к липкой клеенке все ж незабудчатого стола
к ошеломления Лидка как была чуть присела раздвинулась и дала
плохо воображаю сейчас фигурантку сегодня в виде каком и холм

но этот от

тот

почти огромный рунный рыжий кислый ее хохол

а под

гарцевал опоенный под непроницательный взгляд отца
со временем выяснилось что цапнул трихомонеллез
но стервец набитый надо же тугостью самца

лез тукал копытцами хоть

Лидка кобенилась новый раз

VIII

не
любил
изучал медицину как под утро морду любовницы впрок
а чего
поземка да стрептоцид бинт цинк суицид травяной покров
никогда не любил Россию
пролетарка сама приходила в отгулы из слободы
Господи
что я знал тогда про железные
апельсиновые сады
а
любил
до
на тебе на
а
потом
отрави
тяжелозвонкое скаканье по потрясенной два эн вот именно мостовой
и да
красотку со стаканом с морозцу потом обернувшуюся вдовой
и да высунуть в великоросса двойное жало свое с канавкою до крови

IX

А

любил

еще регулярные парки на берегах черной воды

хотя что я знал тогда про прострельные апельсиновые сады

а еще любил

сизое дворянство друзей

когда небессмертных бессонных

с чем

он

и считал душу чем-то вроде пара в пространстве и музыка дует в щель

то есть

в генетике дрозофилы главное что

а главное пустяки главное

чтобы крылышки из слюды

то есть

предметом для философии он гештальт полагал всерьез

то есть

когда кончаются папиросы дым истончается папирос

впрочем

Господи

что я знал тогда про апельсиновые сады

Х

И

мне поставили город на четырех столбах
и под каждым я положил детей
а теперь говорите мне что я с собою не взял собак
и оркестр и родственников и гостей
с тем досмотреть с места обрыва им
национал-диафильм с перфорацией по бокам ума
как их то ли Бох то ли мой Элохим

за

кровавые уши как за ручки Иерусалим
к праздникам вытаскивал из собственного дерьма
и ладно я

но Страх Божий встал как негодяй над тушей тела смеясь
в смысле раскачиваясь и личиком лика в грязь
в смысле и не зажмуриваясь

и старался я

но не получилось но
в смысле ужас как фанера по воздушям
виясь

объедаемая ветром коему
голодно

XI

Ибо
если
я
решил убивать я решил как любовь это делать сам
ибо
если
мир это рим
то во-первых это не я им пожар прописал
а во-вторых лишь их русский мир троекратно им видимо повторим
а господь раз
всего
и
погладил меня по волосам
на темечке-родничке
сонно поэтому я как в матке кувыркаясь плыву сейчас
и медаль в кулачке
моем
но что-то в поле зрения не успеваю вовремя досмотреть
цель видимо мне что-то видимо застит взгляд
а может я как Бетховен ухом шептать недопонимаю смерть
бывшую не со всеми в конце подряд

XII

Вот и резервист Асаф (Сева) Энгель и поручик Зеев Смирнов-Эфраимсон
сживали в тени «меркавы» и унисон
гнали на тело Софки и нестыковку ее мосел
или мослов

но

Вова позднее прошел пере
подготовку в Црифине и далее курс кциним
в то время как Севка был соскоблён батальонным равом в пластик-пакет
(тире)

сей опыт клумбы бесценен в прочем неоценим
впрочем

ебнуло так прилично что один оргазм за всех как у Дюма
а от телеги панцирен остались лично вообще одни удила
но если

Вова что не симметрично тоже нынче не виден из под травы
то

Софка как не давала Севе так и теперь увы
и на весь этот караул гля
в восемьдесят во втором году
я так и не понял земля земля что и имелось в виду

ХІІІ

А имелось в виду

аул у подошвы и караул перекурил

окаменелость скалы с балкончиком на сентябрь и без перил
над именно просто кромкой плазмы просто с радужного конца

если сквозь слезы учения демонов имени демона без лица
ах как ползли броненогти по пудре по Магомета по женской скуле горы
кидались к ногам высоты учитель и к подножью меня дары
рвались

японские хризантемы и георгины цвета пурпура и багреца
ордена Нобеля крестного знамени и Менделеева и пыльца
где

построчно в костре извивались оливы как арабский каллиграфический алфавит
где наискось прошебетали кобры и класс от контрольной еще знобит
огромный в пыли с головою ребенок фасады валил и топтал дома

но

во всем подлежащем взгляду

смысл задрезжал едва

а надо сверху смотреть как разум

потому что война сама

предназначена узкому глазу

Высшего Существа.

[До этих строк досочинял свой роман и прочие стихи и поэмы
автор 11 января 1998 года и потерял к ним всяческий интерес.]

послесловие автора

Собственно, выше прозвучавшее «Собрание» составилось само, исторически, хронологически, чтоб не сказать хронически.

Поскольку составлял его живой автор.

Очевидно, что непосредственность истории здесь проблематична, так как мы сталкиваемся не с жизнью, не с композицией жизни, но с текстом; не менее очевидно, что как состав Семикнижия, так и композиция каждой вошедшей в нее книги, выверены автором со всей возможной тщательностью.

Итого: в корпус «Собрания» вошли семь книг, сочиненных и, по большей части изданных, в Израиле в последнюю четверть прошлого века.

Книги «Послания к лемурам» (1981), «Стихотворения Михаила Генделева. 1984», «Праздник» (1993) шли в затылок друг другу и в свой срок были изданы. («Стихотворения Михаила Генделева. 1984» переиздавались еще дважды: в 1985 и 1988 годах). «В садах Аллаха» и «Царь» сочинялись практически одновременно и вышли, хотя и в разных издательствах, но в один день и в одном формате (1997). По сути «Уроки симметрии» и «Жизнеописание» современны друг другу, однако я не передавал израильскому издателю полностью составленные «Уроки» до окончания «Жизнеописания», предполагая выпустить книги парой.

«Жизнеописание, составленное им самим» выдумывалось как столбчатый роман в стихах и — во многом и с той или иной степенью достоверности — роман автобиографический. Однако с ходу, по-кавалерийски, накатав первые двадцать глав, я был, если не насторожен, то озадачен лихостью и скоростью движения этого текста. Обычно я пишу

медленно и тяжело, с неподъемными, жирными черновиками и развесистыми вариантами.

Меж тем в январе 1998 года я и остановил сочинение как процесс на подъеме сочинения как результата. Чтоб оглядеться с холма.

Как говаривал Буонапартс: «Не смейте меня останавливать. Если я остановлюсь, я упаду».

Остановившись, я упал. Мало что роман не дописался, ну не дописался — и фиг с ним. Мало, что ли, я прервал романов. Но, во-первых, не дописался роман именно в стихах (чертовская, знаете ли, разница!), и во-вторых, по всему видать, я его уже никогда не допишу, ибо потерял темп и пропал кураж. К тому же (о, я знаю, что и доверчивый читатель не поверит моим клятвам, а зря!) ко всему прочему, двадцать сочиненных, уже кажется набело, глав пропали. Что неудивительно — за пять лет не проявления к ним интереса. Главы пропали налысо, пропали и из архивов и из взломанных хард-дисков, и исчезли, как выяснилось, безвозвратно...

Шестичастная (шестикнижная в нашем случае) композиция «Собрания» представлялась мне гармонически неустойчивой, и на все немногочисленные предложения публикации собрания моих текстов, особенно в России, я отвечал отказом из года в год. Я настаивал, знаете ли, на издании представительном и содержательном, и композиционно безукоризненном, поскольку мне было, знаете ли, очень существенно представиться таким изданием в России, где я почти (и вполне сознательно, мотивы опускаю) не публиковался. Ситуация патовая.

Тогда, к 2001 году, я решил по чудом сохранившимся обрывкам и черновым вариантам восстановить текст, и удалось «восстановить» 13 глав «Жизнеописания». Тем самым, оборванной и не законченной седьмой книгой я завершаю пусть и разомкнутую, но композицию собрания, которое вы держите в руках.

Теперь несколько замечаний, так сказать, общего свойства.

Я не считаю себя русским поэтом ни по крови, не по вере, ни по военной, ни по гражданской биографии, ни по опыту, ни по эстетическим пристрастиям. И по всему вышеперечисленному я не соответствую титулу — русского поэта. Русским — исключительно по языку, школьному образованию и сексуальным пристрастиям, — ни быть, ни стать нельзя.

Тем паче «русский», по-моему разумению, это все-таки прилагательное.

Я поэт израильский, русскоязычный.

А человек — еврейский.

Причем сообщаю я это безо всякой гордости, без скандирования, но и без горечи и сожаления. Как анкетные данные в предбаннике Страшного Суда.

Я не считаю, как я уже декларировал в «кембриджской лекции», язык (в нашем случае — русский) главным и формообразующим элементом в представлении о поэте, в идентификации поэта, и самое главное — в представлении о сути и сумме его поэзии.

Стихотворения и поэт — это способ поэта думать, правда, очень существенно — о чем думать.

Стихотворения — это процесс и результат творения.

И не язык вообще, а именно язык поэта не более чем инструмент записи процесса и выполнения результата.

Я не считаю поэта (себя), его (свою) биографию, список его (моих) избранниц и способы прочтения наших стихов современниками, короче, весь контекст — существенной частью текста. Моего.

Напротив, я считаю, что стих — это когда поэзия остается, а автор может отлучиться, например, по нуждам плоти. Например, потерять сознание. В этом смысле, может быть, моя поэзия по моему уходу, или когда я ее перестану подпирать и биографией, и декларацией, и декларацией — то есть без присмотра — окажется, например, поэзией рус-

ской... Чего бы мне лично не хотелось, но ведь меня могут и не спросить. А раз сие от меня не зависит, то оно мне и будет по барабану.

Не знаю, стану ли я еще сочинять стихи высоких жанров. В моей литературской жизни уже случались пятилетия несочинения стихов. Это пятилетие началось 11 января 1998 года.

Я прекращаю писать, когда перестаю ощущать драйв сочинения, когда перестаю слышать текст как движение массива звука. И когда перестаю полагать акт своего сочинения обязательным и естественным. Изготавливать же стихи всерьез по прочим личным причинам и формальным поводам, в том числе, из поддержки профессионального престижа, из нежелания выходить из формы, из привычки порядочно выполнять издательские обязательства — все это вздор. Себя не обмануть. Даже матерому версификатору, для которого собственная психика последние лет тридцать пять не более чем полигон.

И последнее. Меня интересует чужая и иная поэзия не в большей, а откровенно в меньшей степени, нежели моя собственная. И свою я сочинял или выламывал из красного воздуха, или доставал, как кролика за уши из цилиндра, — именно с целью: самому ее прочитать. Потому что мне этой (моей) поэзии не хватало. В обиходе. Как свободы, любви, Бога, боли или еды.

Ах, да. Действительно, последнее. Поэт работает все же не в культуре и не в истории, и не на бумаге. Он работает в ничём, в еще менее ничём, чем межзвездный вакуум, чем эмиграция, чем отсутствие читателя. И в этом, даже менее чем идеальном ничём Ничём из идеального ничего он строит свой неидеальный текст. Такие дела.

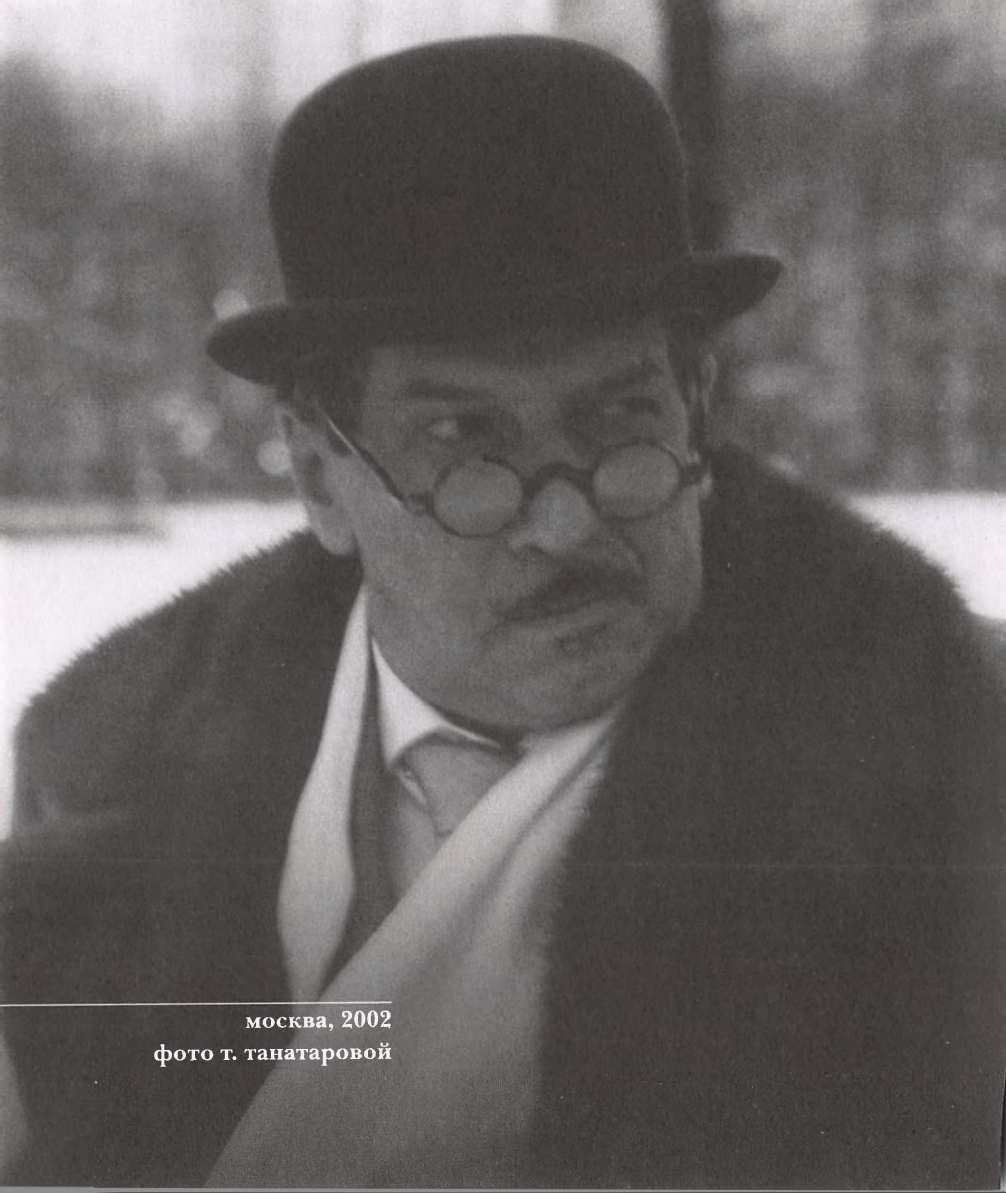
Все прочее, кажется, я уже сообщил в книге, которую вы держите в руках.

Автор выражает признательность всем способствовавшим выходу этого тома в свет: З. Бар-Селла, Н. Басиной, С. Белковскому, Б. Березовскому, Г. Блюгеру, Д. Бялику, Ю. Вайсу, М. Веллеру, А. Вернику,

Е. Генделевой-Куриловой, Л. Герштейн, Д. Давидсону, И. Долгиной, Е. Завельской, Л. Зайденбергу, А. Исаковой, М. Каганской, Я. Кедми, М. Кляйнбарту, Ш. Кнаан, М. Концевой, П. Криксунову, Д. Кудрявцеву, М. Куц, Н. Левыкину, И. Лонскому, Д. Митиной, М. Магену, А. Резницкому, И. Ройтману, Д. Сигалу, С. Саульскому, Т. Танатаровой, Т. Терлецкой-старшей, Е. Толстой, С. Шаргородскому, К. Швейбишу, О. Шмакову, а также всем тем, кто вдохновлял сочинителя на тексты, впрочем как правило, и посвященные вдохновителям.

20 января 2002 года

Москва

москва, 2002
фото т. танатаровой

краткий библиографический очерк

Михаил Генделев родился 28 апреля 1950 года в Ленинграде в еврейской семье.

Родители Хася Шмаевна Слозина и Самуил Менделевич Генделев — советские служащие.

Род с материнской стороны относился к кантонистам-поселенцам новгородской губернии. Принадлежность к кантонистам дала Слозиным право проживания вне черты оседлости в Санкт-Петербурге.

С отцовской стороны фамилия происходит из города Торопца, где Генделевы поселились предположительно во времена Екатерины II.

Дед по матери Шмай Шмуэлевич Слозин попал под репрессии тридцатых годов и умер от туберкулеза после выхода из лагеря.

Дед и бабка с отцовской стороны были расстреляны немцами в ноябре 1941 года во рву под Торопцем и в 1952 году перезахоронены в братской могиле на еврейском кладбище города.

Отец поэта С. М. Генделев (1912—1991), сельский учитель в деревне под Великими Луками, потом студент ленинградского техникума, в 1941 году призван в ленинградское ополчение и в боях под Невской Дубравкой поздней осенью 1941 года тяжело ранен взрывом мины, лишился обеих ног. Оправившись после ранения, он поступил инженером-технологом на завод «Вибратор», где прослужил всю жизнь.

Мать поэта, Хася Шмаевна, живет в Санкт-Петербурге.

В 1967 году М. Генделев поступил в медицинский институт (ЛСГМИ). На эти же годы (1967—1972) приходятся первые опыты сочинительства: сборники «Авеля не было», «Книга треф», поэмы «Желтые звезды», «Игра», «Часы», «Отражение», «Факт дождя» и т. д., кото-

рые, по словам автора, «удачно не сохранились», но по некоторым сведениям, тщательно и методично изымались и уничтожались самим же автором перед отъездом из СССР.

В 1968—1970 гг. Генделев пишет около полутора десятков текстов для так называемых самодеятельных песен на музыку Л. Герштейн и Л. Нирмана. Некоторой известности в самодеятельных кругах достиг опус «Ностальгия» («Корчит тело России...»).

В 1972 году студент медвуза и самодеятельный автор представлен писателю Давиду Дару, опекавшему неофициальную и непризнанную пишущую молодежь города. Давид Дар, в свою очередь, знакомит Генделева с поэтами так называемой «третьей волны (третьего поколения) петербургской (ленинградской) школы поэзии». Подразумевалось, согласно местной самиздатовской мифологии, что первым, старшим, поколением школы были Роальд (Алик) Мандельштам, Анри Волохонский, Глеб Горбовский, Виктор Соснора. Ко второму поколению причислялись Кушнер и «ахматули» — Рейн, Бродский, Бобышев, Найман.

С третьим же поколением и встретился Генделев — с поэтами К. Кузьминским, Ю. Вознесенской, В. Ширали, Б. Куприяновым, Е. Игнатовой, Е. Шварц, Г. Алексеевым, О. Охапкиным, Е. Вензелем, С. Стратановским, Г. Григорьевым и многими другими. В тот период он и сочинил стихотворения и поэмы, сведенные в книги «В ожидании лодки» и «Въезд в Иерусалим» (последняя с большими сокращениями и огромным количеством опечаток вышла в издательстве «Москва-Иерусалим» в Тель-Авиве в 1979 году).

В 1974 году М. Генделев женится на Н. Бродоцкой, рождается дочь Ася.

В 1975—1976 работает спортивным врачом в клубе «Буревестник».

В 1976 году женится на Е. Глуховской (в 1978 году рождается дочь Таля), в браке с Еленой он прожил до 1983 года.

В это время Генделев близко приятельствует с писателем Юрием Гальпериным, критиком и переводчиком Виктором Топоровым, художником Анатолием Белкиным, поэтом и театральным режиссером Николаем Беляком и филологами Александром Лавровым и Сергеем Гречишниковым.

17 мая 1977 года Генделев с женой уезжает в Израиль.

Он мотивировал в многочисленных интервью свой отъезд тремя основными причинами: «Ужасом перед советской властью, которая может заживо сделать с человеком все что угодно», «несогласием с советской эстетикой, в которой его литературе не было места, даже под мостом» и «полным нежеланием пасть в бою за СССР».

Выбор Израиля, а не Америки или Франции, объяснялся им не сионистскими или националистскими убеждениями (о которых своих убеждениях поэт, кажется, узнал позднее), но отчетливым «опасением стать русским эмигрантом, поскольку для еврея это смешно, как сапоги со шпорами» (интервью 1983 года).

1978—1979 — работа врачом-анестезиологом в больнице «Сорока» в Беер-Шеве.

1979—1980 — действительная служба в ЦАХАЛе (армия обороны Израиля), офицер медслужбы.

1978—1981 — сочинение книги стихотворений и поэм «Послания к лемурам», вышедшей в свет в 1981 году в издательстве «Лексикон» в Иерусалиме.

С 1979 года автор живет в Иерусалиме, где сходится именно с теми из выехавших из СССР литераторами, которые позднее образовали и сформировали так называемую «русскоязычную литературу Израиля». Вместе с М. Каганской, А. Волохонским (выехавшим из Ленинграда в Израиль в 1972 году и поселившемся в Твери), Ю. Милославским, Л. Гершовичем, Я. Цигельманом, Э. Люксембургом, А. Верником и др. Генделев формирует направление в живой и актуальной литературе, ко-

торое декларирует независимость от русской эстетики и российских культурных приоритетов, склоняется к формализму и если не опирается, то по крайней мере ориентируется на израильскую литературную традицию и реалии. По словам поэта, он с вышеперечисленными коллегами собирались «противостоять тем писателям, которые въехали в Израиль вместе со своими читателями» (из интервью российскому телевидению).

Сам автор в этот период активно печатается в израильских журналах «Сион», «22», «Время и мы» и парижских «Эхо» и «Континент».

В 1981 в соавторстве с П. Криксуновым автор приступает к переводам великих еврейских поэтов XI—XIV веков, живших в Испании, в первую очередь, Шломо Ибн-Габироля (Гвироля). Переводы с 1981 по 1984 публиковались в журналах «Узы» и «Земля и народ». Кроме Гвироля, переводились отдельные произведения Аль-Харизи, Ибн-Эзры, Иехуды Галеви (Халеви), Шмуэля Ха-Нагида.

В сентябре 1982 года врач-резервист Генделев призван в действующую армию в связи с началом Ливанской кампании (операция «Мир Галилее», переросшая в затяжную войну на территории южного и горного Ливана). С действующей армией он участвует во взятии и оккупации городов Дамура и Сидона, во взятии бейрутского порта, в операциях в районе Шуф и озера Караун. Военная карьера Генделева завершилась сразу после Войны в Заливе. Последний резервистский призыв на военные сборы был в 1992 году.

В период Ливанской компании пишет основной корпус произведений, составивших книгу «Стихотворения Михаила Генделева. 1984», вышедшую в Иерусалиме в издательстве «Лексикон».

В 1984—1985 годах автор живет в Яффо, где сочиняет основные тексты книги «Праздник» (вышла в издательстве «Элия Капитолина» в Иерусалиме в 1993 году). В эти годы он наиболее активно общается с тель-авивской артистической и литературной богемой.

С 1985 по 1990 год Генделев, довольно регулярно публикуя в израильских и эмигрантских журналах и альманахах оригинальные сочинения, в основном циклы стихов, активно переводит и израильских современных поэтов, в первую очередь Хаима Гури. Переводы вышли отдельным изданием в 1993 году в издательстве «Алия».

Он ездит в Европу, где встречается с грандами русской культуры и эмиграции: Максимовым, Марамзиным, Аксеновым, Лосевым, Хвостенко, Некрасовым, Парамоновым, Алешковским, Синявским. Он знакомится с Чеславом Милошем и Солом Беллоу, его приглашают на многочисленные международные поэтические фестивали.

В 1986 году Генделев прекращает медицинскую практику (до этого он работал в Иерусалиме врачом-физиологом, спортивным врачом и даже врачом израильской Футбольной Ассоциации).

В 1987 году одним из первых «русских» израильтян посетил СССР, о чем в 1988—1989 написал и опубликовал в отрывках роман «Великое русское путешествие», первый том этого романа целиком вышел в издательстве «Текст» в 1993 году в Москве с двумя предисловиями — В. Аксенова и М. Вайскопфа.

В 1988 году состоялось турне по университетам США, в частности, была прочтена «кембриджская лекция», где автором излагались и обосновывались принципы собственной поэтики, в частности принцип «бабочки». По некоторым непроверенным сведениям, Генделева видят в неожиданных, а порой экзотических регионах: Абхазии, Эритрее, Осетии, Эфиопии, Преднестье, Югославии, Крыму и т. п. Хотя писатель утверждает, что почти не выезжал из Израиля.

С 1989 по 1994 год Генделев принимает участие в гуманитарных и аналитических проектах «Бюро по связям с восточно-европейским еврейством» («Натив») и «Израильского культурного фонда», в связи с этим многократно ездит в СССР (позднее в РФ и страны СНГ) с лекциями и авторскими вечерами.

В 1989 г. в составе делегации израильских писателей он приезжает в СССР, где встречается и знакомится с элитой московской литературы — Г. Айги, Б. Ахмадулиной, В. Вишневским, А. Вознесенским, В. Ерофеевым, Г. Сапгиром, И. Холиным, Б. Окуджавой, Д. Приговым, Е. Поповым, Е. Рейном, Л. Рубинштейном, Т. Кибировым, И. Иртеньевым, Н. Искренко, А. Кабаковым и многими другими.

С Венедиктом Ерофеевым и Генрихом Сапгиром он поддерживал тесные дружеские отношения, вплоть до смерти этих писателей.

С 1990 года М. Генделев начинает работать журналистом — культурным и политическим обозревателем в ведущих русскоязычных израильских газетах — «Время», позднее — «Вести». Газета «Вести» о ту пору собрала цвет журналистики и русскоязычной литературы Израиля. Там сотрудничали и состояли в штате А. Носик, М. Каганская, А. Исакова, А. Карив, А. Гольдштейн, З. Барсела, Э. Кузнецов.

В период с 1991 по 1996 год Генделев публикует сотни статей, эссе, фельетонов, кулинарных изысканий, путевых заметок и развернутых интервью на страницах этих газет и приложений. Публикуются отрывки прозы (адаптированной под «журнальный формат»), должны в свое время составить (но так и не составившие) 2-й и 3-й тома «Великого русского путешествия». В разные годы опубликованы как «фельетоны с продолжениями»: «Укус коня», «Госпитальеры», «День открытых дверей», «Новейшая одиссея», «Американский вампир-2», «Человек из “Окон”», «Чудовища с лазурным мозгом», «Ремонт», «Фурфычка», «Болгарская раскладушка» и т. д.

Из популярных у читателя еженедельных кулинарных полос сформировалась пятисотстраничная книга иронических эссе о кулинарии «Еда русских в Израиле (Общество Чистых Тарелок)». Но, как и собранные в два тома эссеистика и публицистика 1991—1995 годов («Статьи и памфлеты» и «Как обольстить женщину в Израиле»), они также пока не вышли отдельными изданиями.

В 1992 году Генделев становится одним из основателей и первым президентом Иерусалимского Литературного Клуба, который собрал наиболее интересных русскоязычных поэтов страны — В. Тарасова, И. Бокштейна, Д. Кудрявцева, Г.-Д. Зингер, А. Горенко. Клуб объединял прозаиков, филологов, переводчиков и эссеистов.

В 1993 году Генделев получает премию Этингер за достижения в области литературы, а в 1995 году премию Цабана (премия министерства абсорбции) в номинации «поэзия» — в те времена высшие израильские литературные премии для пишущих не на иврите.

В 1996 году в издательстве «Альфабет» в Иерусалиме тиражом 1500 экземпляров выходит книга «Избранное» (дизайн Л. Зайделя, фотоматериалы М. Левита); в 1995 году автор начинает работу над книгами «Царь» и «В садах Аллаха» (вышли в Иерусалиме в 1997 году) и над «вольным» переводом мольеровского «Тартюфа» по заказу тель-авивского русскоязычного театра «Гешер» (1-й акт опубликован в еженедельнике «Окна» в 1996 году). В 1997—1998 годах совместно с О. Шмаковым и И. Долгиной Генделев осуществляет музыкально-поэтический проект «Другое небо» — композицию из 20 песен-пьес на его стихи.

В 1996 году лидеры «национального блока» приглашают Генделева копирайтером «русского штаба» в предвыборную компанию Биньямина Нетаньяху (ставшего премьер-министром). С этого момента карьера Генделева-журналиста завершается, и к этой профессии он более не возвращается. Основным и главным источником доходов он делает политическую аналитику и пиар-технологии.

В 1999 году Генделев успешно работает в том же статусе в предвыборном штабе русской партии Н. Шаранского.

Осенью 1999 по приглашению Б. Березовского Генделев приезжает в Москву и в качестве политтехнолога-консультанта принимает участие в разработке проекта «Единство». С тех пор преимущественно работает

в Москве, сотрудничая в различных российских и международных полит-технологических и полит-аналитических проектах.

В 2000 году в тель-авивском издательстве «ха-Киббуц ха-Меухад» вышла книга стихотворений и поэм «Хаг» («Праздник») в переводе на иврит (с предисловием профессора Д. Сигала).

В 1997 году Генделев начинает работу над книгами «Уроки симметрии» и «Жизнеописание, составленное им самим».

11 января 1998 г. Генделев дописывает последний оригинальный текст в жанре высокой поэзии и прекращает сочинительскую деятельность.

Осенью 2000 г. поэт тяжело заболевает и уезжает в Швейцарию, где долгое время лечится от бронхиальной астмы в клинике Сесиль в Лозанне. Однако, несмотря на болезнь, он много путешествует как по служебным надобностям, так и праздну, для развлечения, преимущественно по Западной Европе и российским провинциям.

В иерусалимском издательстве готовится к выходу в 2003 г. книга иронических стихотворений разных лет «Обстановка в пустыне» («Оды и эпитафии»).

В настоящее время живет в основном в Москве с женой Натальей и котом Васенькой.

Леонид Кацис

комментарии

с. 31. Книга первая. Послания к лемурам. Jerusalem, Lexicon Publishing House, 1981, 112 с. — В книгу вошли стихотворения, написанные в 1977—1981 гг., художник — Марк Байер. Тираж 750 экз., из них 100 экземпляров были подписаны автором.

Лемуры — семейство полуобезьян отряда приматов, в древнеримской мифологии — демоны ночи.

с. 33. Одна тысяча девяносто девятый год — год взятия Иерусалима крепостными.

с. 34. Лилит — библейское демоническое существо, в апокрифических версиях — первая жена Адама.

с. 35. Яффские ворота — ворота в крепостной стене Иерусалима. Яффо — см. комм. к с. 219.

с. 37. Халдея — древняя страна, располагавшаяся на юге Месопотамии. Халдеи вели борьбу с Ассирией за обладание Вавилоном.

с. 39. Ангел смерти Малах га-Мавет — ангел смерти в танахической традиции.

с. 41. Моше Рабейну — Моисей (иврит).

с. 42. Бельведер — (итал. *belvedere*) буквально: прекрасный вид. Здесь: название дворца по примеру Бельведеров Вены, Ватикана, Праги, Варшавы.

с. 44. Трансцендентали (неологизм) — от трансцендентальный (лат. *transcendens* — выходящий за пределы) — по Канту: априорные формы познания.

с. 49. Археоптерикс — древнейшая вымершая птица подкласса ящеровостых, здесь — праптица, птицящер.

с. 51. Херувим — в иудейской традиции ангелы одной из высших, после Серафимов, категорий в небесной иерархии, шестикрылое существо с глазами по всему телу.

с. 55. Инферно — ад (итал.).

Варрава — (Мф 27:16) сын Аввы, известный преступник в Иерусалиме, содержавшийся в темнице во время суда над Иисусом за призывы к бунту и убийство. В армянском переводе Библии означенный преступник называется также Иисусом-Варравою. По выбору толпы отпущен из тюрьмы вместо Иисуса.

Хамсин — сухой и жаркий, обычно южный ветер, на северо-востоке Африки и в восточном Средиземноморье, дует примерно 50 суток, отсюда название — хамсин (араб. — пятьдесят); в этот период отмечается повышенная ионизация воздуха. Хамсин тяжело переносится людьми, даже старожилками, которым в это время свойственна повышенная нервозность.

с. 58. Нацерет — Назарет (в современном вульгарном ивритском произношении), город в Израиле; на классическом иврите произносится как Нацрат, по-арабски — Наблус.

Ерушалаим — Иерусалим (в современном ивритском произношении).

Арамейский язык (семитская языковая группа) был широко распространён во всем регионе ближнего Востока в античный период.

Левантских... Левант — собирательное название стран Малой Азии и восточного Средиземноморья.

с. 62. Силенствующий... В греческой мифологии силены — демоны плодородия, вместе с сатирами составляют свиту Диониса.

Трефной — от слова «треф» или «трейф» (идиш, иврит) — нечистый, запрещённый к использованию, «некошерный».

с. 63. Ханаан — область в Палестине.

Гиперборейский... Гипербореи — в греческой мифологии пребывающий в вечном блаженстве народ, обитавший на севере. В переносном смысле Гиперборея — страна севера.

Онан (Бытие 38:4) — один из сыновей Иуды. За преступление в брачном союзе с Фамарью был наказан Богом болезнью и смертью (...изливал семя на землю, чтобы не дать семени жене).

с. 66. Плен-Вавилон-отечество — Вавилонский плен, в который колена израильтян были уведены после разрушения первого Храма.

с. 67. Бей — титул знати и военно-административное звание в странах Ближнего и Среднего Востока.

Буонапарте побил... — в 1799 году город Акко, носивший тогда название Сен-Жан д'Акр (Saint-Jean d'Acre), выдержал трехмесячную осаду Наполеоновской армии.

Акко (Акка) — город-крепость на Средиземноморском побережье Израиля, порт, последняя твердыня крестоносцев на Святой Земле.

Офеня (афеня) — разносчик с извозом, коробейник, розничный торговец.

Антистрофа (греч. antistrophe, от анти- и strophe — строфа) — в античной трагедии четная строфа хоровой песни, повторявшая по ритму строфу, ей предшествовавшую (нечетную), причем каждая пара строф имела особый ритм (хоры из трагедий «Прометей прикованный» Эсхила, «Эдип-царь» Софокла).

с. 68. Псы-рыцари — собирательное славянское название рыцарей Тевтонского ордена, основанного в 1128 году в Иерусалиме, и вассального ему Ливонского ордена.

Госпитальеры (иоанниты) — члены духовно-рыцарского ордена, основанного рыцарями-крестоносцами в Палестине начале XII века. Первоначальная резиденция находилась в иерусалимском госпитале Иоанна (доме для паломников).

Шеш-беш — арабское название нардов.

с. 69. Рыбари-христиане — подавляющее большинство арабского населения г. Акко — христиане.

с. 70. Йом р'ви — день четвертый (среда). Отсчет дней в еврейской традиции ведется с воскресенья, которое, соответственно, является днем первым.

с. 80. Стечение Тибра с Ефроном — ироническая контаминация, отсылающая к библейской географии рая — меж Тигром и Ефратом;

Ефрон Илья Абрамович — российский издатель, один из основателей акционерного издательского общества «Брокгауз и Ефрон», осуществившего выпуск ряда русских энциклопедий.

с. 81. Таланты или таланы (от греч. *talanton*, букв. вес, весы) — самая крупная весовая и денежно-счетная единица Древней Греции, Египта, Вавилона, Персии и ряда областей Малой Азии.

с. 85. Аой — восклицание, отбивающее конец периода или строфы в некоторых средневековых стихотворных, как правило, эпических произведениях, например, в «Песни о Роланде».

с. 87. Аглая — одна из трех граций (Ефросинья, Талия, Аглая)

с. 89. Антонов Огонь — старинное название гангрены.

с. 90. Кайрос — в греческой мифологии бог счастливого случая.

Эскулап — древнеримский бог врачевания. Ирон — неумелый, плохой врач, лекарь.

Герострат — грек из города Эфес (Малая Азия), который сжег храм Артемиды Эфесской (считавшийся одним из семи чудес света) для того, чтобы его имя дошло до потомства.

с. 91. Дионисийские... Дионис (Бахус, Вахх) в греческой мифологии бог плодоносящей земли, растительности, виноградарства, виноделия.

Гомерический — своими необычайными размерами и количеством напоминающий пиршества олимпийских богов в «Илиаде» Гомера.

с. 92. ...Даров Изоры — цитата из трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери»: «...Вот яд, последний дар моей Изоры. Осьмнадцать лет ношу его с собой.»

Тинктура (лат. *tinctura*) — настой лекарственного вещества на спирте или эфире.

Сераль (фр. *serail*, от перс. серай — дворец) — европейское название султанского дворца и его внутренних покоев (гарема) в Османской империи.

Гинекей (греч. *gynaikaios* — женский) в Древней Греции женская половина в задней части дома. В поздней Римской империи и Византии государственные или частные мастерские, где работали рабы.

Локуста — сваха и колдунья из Фессалии, известная отравительница времен Нерона.

с. 95. ...ингерманландского — Ингерманландия — историческое название земель, прилегающих к Финскому заливу.

с. 96. Омейн — ивритское произношение слова «аминь».

с. 97. Яфетиды — племена, носители яфетических языков. В библейской традиции — потомки Яфета, одного из сыновей Ноя, родоначальника яфетических народов; соответственно от Сима пошли семиты, а от Хама — хамиты.

Шлафрок (нем.) — длинный просторный халат, подпоясанный обычно витым шнуром с кистями.

с. 98. Козодой — птица отряда козодоеобразных, состоящего из 5 семейств, 93 видов. В Евразии широко распространен обыкновенный козодой (длина 26—28 см).

с. 99. Андрогин (гермафродит) — в мифах двуполое существо, соединяющее в себе мужские и женские черты.

Мадаполам — ткань.

Странгуляционная борозда (мед.) — полоса вдавления кожи, образующаяся в результате сдавления соответствующей части шеи, след, образующийся при повешении.

Афронт (фр. affront) — личная обида, оскорбление, бесчестье.

с. 100. Флердоранж (фр. fleur d'orange — цветок апельсина) — белые цветы померанцевого дерева; в ряде стран принадлежность свадебного убора невесты.

«Тристан и Изольда» — французский рыцарский роман о трагической любви рыцаря Тристана и жены корнуэльского короля Изольды, известен с XII века.

с. 102. Бестиарий (от лат. bestia — зверь) — в средневековые сборники описаний реальных и фантастических животных, сопровождаемых аллегорическими толкованиями.

с. 104. Содомийский грех — педерастия, в широком смысле — крайнее развитие порочности и разврата (от названия древних палестинских городов Содомы и Гоморры, которые, по библейскому рассказу, были уничтожены землетрясением и огненным дождем за ужасащие беззакония их жителей).

Баккара — старинная карточная игра.

с. 105. Мартиролог (греч. martyros — мученик и logos — слово) — в христианской церковной литературе сборник повествований о мучениках

и святых; перечень жертв преследований, гонений, а также перечень перенесенных кем-либо страданий.

с. 106. Готы — группа германских племен, скотты — группа кельтских племен.

Кватроченто (итал. quattrocento — четыреста) — итальянское название XV века. Эпоха кватроченто отмечена расцветом культуры раннего Возрождения.

с. 108. ...Реб фон Задека ибн Юнг цу Фройд — Мартын Задека — автор популярного в конце XVIII века сонника; Фрейд (Фройд) и Юнг — классики психоанализа.

Сура — глава Корана. Всего в Коране 114 сур, каждая имеет название.

с. 111. Джаблут — горный массив в Иордании.

с. 112. Ата шомер? — Ума резон кводо? и т. д. — Ты ночной сторож? — А чего хочет уважаемый господин? — Видел ли ты здесь тело музы? — Чего? — Ну, тело музы? — Может быть уважаемый господин говорил по английски? — Это не ответ на мой вопрос. Отвечай: видел или нет? — Слушай, ты, отстань от меня. Ты что, обдолбался?.. — Здесь была муза, но мертвая... — Ну сам подумай, что ты несешь? (дословно: с пьяным не говорят о святынях). Вали отсюда! — Ну нет так нет, ладно, пока, до встречи.

с. 114. Исраэлит — здесь: еврей. В прямом значении — иудей, который (во времена позднего Ренессанса) достиг высокого общественного положения.

с. 115. Иудейская пустыня — пустыня в Израиле и Иордании, примыкающая к южной стороне Мертвого моря.

с. 124. «Олень козлобородый мыслим поскольку он не существует» — полностью процитирован один из силлогизмов Аристотеля («Аналитика»).

с. 127. Трансиордания — политическое образование начала XX века, объединявшее территории современных Сирии, Ливана, Израиля и Иордании.

с. 129. Анри — Анри Волохонский — выдающийся русский эмигрантский поэт, выехавший в Израиль из Ленинграда в 1972 году. В настоящее время живет в Германии. В период написания текста жил в г. Твери на озере Кинерет (другое название озера — Генисаретское или Тивериадское) в Израиле.

Стикс («ненавистная») — в мифах древних греков божество одноименной реки в царстве мертвых. Клятва священной водой подземного Стикса — самая страшная из клятв.

с. 130. Мандрагора — род многолетних трав семейства пасленовых. Корни иногда напоминают человеческую фигуру, в связи с чем в древности мандрагоре приписывали магическую силу.

Триктрак — старинная карточная игра.

с. 131. Преторианский... Преторианцы — в Древнем Риме привилегированная часть войска. В переносном смысле — наемные войска, служащие опорой власти, основанной на грубой силе.

с. 135. Янцзы — (янцзыцзян — голубая река), река в Китае, самая длинная в Евразии.

Ши-цзы — божки маньчжурского пантеона, драконоподобные львы. Статуи Ши-цзы, трофеи японской войны, были вывезены в Петербург и установлены на одной из набережных города.

с. 137. Гал (ивр.) — счастливый, удачливый.

с. 141. «Спой, Мери, нам уныло и протяжно» — цитата из трагедии А. С. Пушкина «Пир во время чумы».

с. 149. Книга вторая. Стихотворения Михаила Генделева. Иерусалим, 1984. Jerusalem, Lexicon Publishing House, 1984, 88 с., художественное оформление Григория Блюгера. Тираж 1000 экз., из них 100 — отпечатаны на тонированной бумаге, пронумерованы и подписаны автором. Книга переиздавалась в 1985 и 1988 году, каждый из тиражей составил 1000 экз.

с. 151. Бейт Джубрин — военная база израильской армии в районе Себастии.

Буква «шин» — одна из букв ивритского алфавита, с нее начинается популярное в каббалистической традиции одно из синонимических имен Бога — Шаддай, и иногда она сама заменяет Имя Бога. Буква «шин», «проступающая» или «читаемая» на лбу (на переносице), согласно апокрифам, означает богоизбранничество или исключительность ее обладателя.

с. 157. Поднебесная (империя) — Китай, Celestial Empire; в широком смысле — Вселенная, земля.

с. 160. Хетты — народ, живший в центральной части Малой Азии
Чудь весь и жмудь и рось — автохтонные племена, населявшие Восточно-Европейскую равнину.

Этруски — древние племена неизвестного происхождения, населявшие в I тысячелетии до Р. Х. северо-запад Апеннинского полуострова, создали развитую цивилизацию.

Тир — приморский город в Финикии (современный Сур в Ливане), основан в IV тысячелетии до Р. Х.

Сидон — город-государство в Финикии, на восточном побережье Средиземноморья (современная Сайда в Ливане), боролся с Тиром за гегемонию в Финикии.

с. 161. Ариэль — бес воздуха, демон в библейской традиции.

с. 162. Шофар — особо обработанный бараний рог. Используется в синагогах в праздничном богослужении. В переносном значении — труба Страшного Суда. Архаический военный духовой музыкальный инструмент.

с. 163. «Стой! Ты похож на сирийца» — цитата из стихотворения Б. Пастернака «Тема с вариациями».

Инш`алла (араб.) — во имя Бога (Аллаха).

с. 165. Артерия каротис (мед.) — сонная артерия.

с. 166. Литани — река в Южном Ливане.

с. 170. Сефарды (от «С`фарад», иврит — Испания) — субэтническая группа евреев, пользовавшаяся языком ладино (сефардским), близким к испанскому. Потомки выходцев с Пиренейского полуострова, жили в странах Северной Африки, Малой Азии, Балканского полуострова, в Израиле. В современном понимании сефарды — все евреи не «ашкеназского», то есть не западноевропейского, не «немецкого» происхождения, а принадлежащие к бухарским, грузинским, североафриканским, татским и другим общинам. Сефардскими могут быть также синагоги (по особенностям богослужения). Сефардское произношение принято в современном иврите.

«Метафора» (греч.) — перевозка.

...греческий огонь — боевое горючее вещество эпохи раннего средневековья. При взятии Бейрутского порта на поверхности воды горели разлившиеся по ней горючие вещества.

с. 171. ...обжаренную крысу — при взятии Бейрутского порта горели пакгаузы, и на молах валялось большое количество сгоревших крыс.

с. 172. Орион — в греческой мифологии охотник-великан. По одному из наиболее известных мифов Орион был превращен Зевсом в созвездие.

Тропарь — молитвенные стихи и песнопения православной церкви в честь какого-либо праздника или святого.

Арион (VII—VI вв. до Р. Х.) — древнегреческий поэт, с именем которого связана легенда о чудесном спасении (дельфин, зачарованный пением Ариона, вынес его на берег).

...а мы не подбирали падаль — утренний прибой выносил тела убитых на Бейрутские пляжи.

с. 175. Грифон — в древневосточной мифологии фантастическое животное с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла или льва.

с. 177. На шермака (архаизм) — на дурачка (идиома).

с. 180. Каолин — глина белого цвета, состоящая из минерала каолинита. Используется для изготовления фарфора.

с. 183. Трилобиты — класс вымерших морских членистоногих, были широко распространены на мелководьях.

с. 191. Месяц ав — один из осенних месяцев еврейского календаря. Девятого ава отмечается один из важнейших праздников-постов, связанный с разрушением иерусалимского Храма.

Близнецы — зодиакальное созвездие с двумя близкорасположенными яркими звездами — Кастором и Поллуксом.

с. 192. Калам (араб.) — тростниковое перо.

с. 197. ...втекает флот — по апокрифам в Конце Времен Иерусалим будет омываться морями, станет местом причала для кораблей.

с. 198. Огола — имеющая свой шатер (Иез. 23:4). Пророк Иезекииль, стремясь выразить отпадение десяти колен Самарии от Бога и их идолопоклонническое подражание развращенным языческим народам, называет их

этим символическим именем. В переносном смысле — синоним Израильского Царства (в отличие от Иудейского).

Авессалом (евр. Авшалом — отец мира) — третий сын Давида от Маахи, дочери Фалмая. Славился своей красотой, особенно своими длинными густыми волосами. Поднял мятеж против отца, в ходе которого погиб: спасаясь бегством, он запутался своими волосами в сучьях дуба, и Иоав пронзил его тремя стрелами.

с. 202. Пророк Иса — арабское произношение имени Иешуа (Иисус), в исламе Иисус наряду с Моисеем (Мусой), Давидом (Даудом) и другими — пророк.

с. 203. Дамур — город в южном Ливане.

с. 205. Хермон, Джеббель-эш-Шейх — горный массив в Сирии и Ливане.

Дамасские ворота — одни из четырех главных ворот в крепостной стене Иерусалима.

с. 209. Книга третья. Праздник. Jerusalem, издательство «Allia Capitolina», 1993, 156 с., тираж 1500 экз. Дизайн — «Modern Graphica», в оформлении использована фотография, сделанная С. Синельниковым в 1989 г. В нее вошли стихотворения и поэмы 1985—1991 гг. Предполагалось, что эта книга станет 6-м томом в собрании сочинений из 8 томов, однако издание не было осуществлено.

с. 210. Аноним (от греч. *анонимос* — безымянный) — реально существовавший автор манускрипта «Перечень рыцарских забав», писавший на средневековой латыни; автор, скрывший свое имя; сочинение без обозначения имени автора.

«Меланхолический Устав» — средневековый манускрипт XIII в.

с. 214. Halt (нем) — стой.

с. 219. Яффо — город в Израиле, в настоящий момент слившийся с Тель-Авивом.

Макабр, макабрический — страшный, ужасный.

с. 220. Предикат (от лат. *praedicatum* — сказуемое) — в узком смысле то же, что и свойство; в широком смысле отношение, то есть свойство нескольких предметов. В логике — позициональная функция.

с. 231. «Труды и Дни» — одно из двух сохранившихся (наряду с «Теогонией») произведений Гесиода. Гесиод (VIII—VII вв. до Р. Х.) первый достоверно известный греческий, а значит и европейский поэт.

с. 235. Эль-Кудс — арабское название Иерусалима.

...ухо ...пришпиленное к косяку дверей — во времена макковеев раба, добровольно оставшегося в еврейском доме после предельного срока законного пребывания в рабстве (7 лет), хозяин подводил к двери и там прокалывал ему ухо.

с. 237. Пта (Птах) — древнеегипетский бог, покровитель ремесел и искусств. Демииург и «называтель вещей».

с. 238. «V» — символическое обозначение виктории, победы.

с. 240. «Дама с горностаем» — полотно Леонардо да Винчи.

с. 245. Б'а Эзрат а Шем (иврит) — с божьей помощью.

с. 250. Соляной дождь — был пролит на грешные города Содом и Гоморру.

с. 255. Орла-и-Солнца ордена — контаминация названий орденов: польского (позднее русского) «Белого орла» и иранского «Льва и Солнца».

с. 262. Мавет (иврит) — смерть.

с. 265. Кракатау — вулкан в Зондском проливе между островами Суматрой и Явой в Индонезии. Известен сильным извержением в 1883 году.

Коронары (мед.) — коронарные сосуды сердца.

с. 266. Долина Йосафата — долина в Иерусалиме, место Страшного Суда.

с. 269. Имам (араб.) — высший чин духовенства у мусульман, руководитель богослужения, светский и духовный глава общины.

Ялла! (араб.) — междометие, восклицание «ну, давай!».

Великий Нимрод (Быт. 10:8-9) — царь Вавилонии (Месопотамии) времен до Потопа, некоторые авторы отождествляют Нимрода с Орионом греческой мифологии; «нефть с полей Великого Нимрода» — по апокрифам Рай (Райский сад) находился на территории современного Ирака. Нефтяные богатства этого региона объясняются тем, что нефть (в средневековом понимании) — перегной райских деревьев, которые были снесены в это место Потопом. По другой мифологической традиции нефть — черная кровь земли.

с. 271. Экселенс (фр.) — дословно «превосходство»; обращение, аналогичное русскому «Ваше превосходительство».

Ниппон — средневековое название Японии.

с. 279. Книга четвертая. В садах Аллаха. Jerusalem, Verba Publishers, 1997, 96 с., тираж 1000 экз. В книгу вошли стихотворения и поэмы 1995—1997 гг. Дизайн А. Резницкого и Ю. Вайса, фото М. Левита.

с. 281. Голаны, Голанские высоты — возвышенности на севере Израиля и юго-западе Сирии. Израиль оккупировал и аннексировал голанские высоты в результате «шестидневной войны».

Военный Бог — на иврите Адонай цваот (дословно «Бог воинств»), одно из трех имен Бога в Танахе (Ветхом Завете); в православной традиции — Саваоф.

с. 283. Тамбур-мажор (фр. tambour-majour) — унтер-офицер, руководивший в полку командой барабанщиков и горнистов.

с. 285. «Двурогое солнце стоит на скале!» — неточная цитата из стихотворения Анри Волохонского «Вершина Хермона». В подлиннике: «Двуглавое солнце».

с. 286. ...светил Гивона и Аялона (Иисус Навин 10, 12) «Стань, солнце над Гивоном, и луна над долиною Аялонскою». Гивон — поселение в Израиле.

с. 288. ...The hand that rocks the cradle / Is the hand that rules the world (...Рука, качающая колыбель, правит миром) — цитата из стихотворения Вильяма Росса Уоллеса.

с. 296. Эпиталама — стихотворение или песня в честь свадьбы, получившее литературное оформление в античной поэзии в 8—6 вв. до Р. Х.

с. 300. Митральеза — французское название картечницы во 2-й половине XIX в., позднее — станкового пулемета. Разновидность цикад, обитающих на юге Средиземноморья и Ближнем Востоке.

с. 302. Сентябрь восемьдесят второго года. Последняя строфа — оригинальное стихотворение «Не перевернется страница...», подписанное «1982. Бейрут. Действующая армия» (Стихотворения Михаила Генделева. 1984).

с. 304. Ораниенбаум — «апельсиновое дерево», в переносном смысле — апельсина. Город под Санкт-Петербургом. Апельсиновый сад (ивр. — пар-

дес), в еврейской, исламской и христианской метафизической традиции — рай.

с. 307. Хаим Гури — знаменитый современный израильский поэт, родился в 1923 году.

Роза-2, цикламен и т. п. — принятые в армейских кодах (в том числе и в израильских) обозначения воинских единиц и видов оружия

с. 309. Донжон (фр. donjon) — отдельно стоящая главная башня феодального замка, круглая или четырехугольная в плане, последнее убежище защитников замка.

Фронтир — крепостное сооружение.

с. 311. Транслитерация: «Либи бэмизрах вэанохи бэсоф маарав» (ивр.) — «Сердце мое на востоке, на крайнем западе я...» — начальная строка стихотворения И. Галеви, великого еврейского испанского поэта XII в.

с. 312. Виа Долороса — улица в Старом городе Иерусалима, Скорбный путь Иисуса.

с. 314. Тетраэдр (греч.) — правильная треугольная пирамида.

«Возьмемся за руки, друзья!» — цитата из песни Б. Окуджавы.

с. 317. ...пройдут Аравом и Оголой... (см. Иезекииль 23, 4, 36). Арав — (ивр.) — танахическое название Аравии. Огола (ивр.) — синоним Израильского царства (в отличие от Иудейского).

Мегиддо — древний город и крепость, отсюда «Армагеддон» — «гора у города Мегиддо» — в христианстве место эсхатологической битвы на исходе времен (где и произойдет окончательное уничтожение полчищ Антихриста).

с. 318. Готеню (идиш) — Боже мой!

с. 322. ...на копье опершись — цитата из Архилоха. Архилох — древнегреческий поэт-лирик 2-й половины VII в. до Р. Х., примыкал к гомеровской традиции, считался основоположником ямбической поэзии.

с. 341. Понедельник — в еврейской традиции второй день недели.

с. 343. Экстрасистолы — сокращение (или только импульс возбуждения) сердца или его отделов, видимое на кардиограмме как резкий росчерк.

Аушвиц — Освенцим, город на юге Польши, в 1940—1945 гг. около Освенцима находился фашистский концлагерь.

с. 344. Крест Св. Андрея — геральдический крест.

с. 349. Иммортель (бессмертник) — растение семейства сложноцветных, с ярко окрашенными, меняющимися при высыхании кожистыми листочками.

с. 352. Транслитерация: вээт һанигун һазэ тамид шамати бимком милим

вэах
һу
нира бээнай дмама
камоһу кэаһава
бээцем ото һишвэйти
вэлботах / ки лах левадэх
ат леолам мушва / ки омрим
Адонай лаках / һу һиткавэн ламузика ахарэһа иинһу
вэло ло эла ли һаехолет лахзор аль ках
ки бээцем амарти эт ээ
ани
вэло
һу.

Перевод:

Я всегда слышал эту музыку вместо слов,
и мне,
как любовь,
казалась она тишиной;
впрочем,
это я ее с тобою сравнил,
а
не тебя,
сравнимую с тобою одной.
Говорят:
Господь дал и он же взял.

Он имел в виду музыку и по ней тоску;
впрочем, это я, а не Он, сказал —
и не Он, а я
повторить могу.

Стр. 354. Транслитерация: Адонай лаках... Адонай натан... (ивр.) — в подлиннике «Адонай лаках, Адонай натан» — Бог взял. Бог дал (см. Иов 1, 21).

Яффская дорога — дорога еврейских паломников, начинающаяся в порту Яффо и заканчивающаяся у стен Старого города. Сегодня — улица в Иерусалиме.

с. 355. ...над Геенной Огненной где показывали кино — Иерусалимская городская синаматека (киноцентр) находится над долиной Гином (долиной Ада).

с. 356. Вади (араб.) — ущелье, балка.

с.358. Аль Бурак — кличка коня пророка Магомета, на котором он совершил путешествие на небеса.

с. 363. Книга пятая. Царь. Jerusalem, Alphabet, 1997, 96 с., тираж 1000 экз. Стихи и поэмы 1996—1997 гг. Дизайн А. Резницкого и Ю. Вайса, фото М. Левита.

с. 372. Миссолунги — (совр. Месолонгион) — город в Греции, место смерти от тифа лорда Байрона.

с. 373. Ага — чиновник в османской империи.

Таймс — шрифт.

с. 374. Body (англ.) — тело.

с. 375. déjà vu (фр.) — дежавю, ложное воспоминание.

с. 378. Диоскуры — в греческой мифологии полубоги-близнецы Кастор и Поллукс (Полидевк).

с. 382. Походный Бог — здесь: см. примеч. к с. 281.

Баттерфляй (англ.) — бабочка, стиль плавания.

с. 383. Харибда, Сцилла — в греческой мифологии чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывавших мимо них мореходов.

с. 385. Шмок — член (англо-идишский жаргон).
...по-ахейски. Ахейцы — эллинские племена, предшествовавшие дорийцам. Собрательное название воинов греческих полисов, принимавших участие в Троянской войне («Илиада», «Одиссея»).

с. 390. Эвриклея — няня Одиссея, первой узнавшая (по шраму на ноге) вернувшегося на Итаку царя.

с. 397. Лимб (от лат. *limbus* — кайма) — видимый край диска солнца, луны, планеты; первый круг дантового ада, преддверие, Небытие.

с. 402. Эя — остров бессмертной Кирки (Цирцеи), где волшебница превращает спутников Одиссея в свиней. Одиссей обольщает Кирку, заставляя ее снять чары. Пенелопа — жена Одиссея, мать Телемаха. Телегон — сын Одиссея от Кирки (Цирцеи). Повзрослев, плывет на Итаку, где убивает отца, не узнав его; после чего женится на Пенелопе. Телемах — сын Одиссея от Пенелопы. После смерти отца с Пенелопой и Телегоном плывет на Эю, где женится на Кирке. Кирка дарует Пенелопе, Телегону и Телемаху бессмертие.

с. 405. Хтон (Хтоний) в Древней Греции эпитет божеств подземного царства или связанных с ними (Аида, Гермеса, Диониса).

с. 409. Пеплос (греч.) — женское платье.

с. 411. Мишраим, Яван (ивр.) — Египет, Греция.

Эпикойрес (ивр.) — от греч. «эпикуреец» — ироническое наименование светского иудея.

Узо — греческая анисовая водка.

с. 412. Эдип — в греческой мифологии сын царя Фив Лая. Эдип по приказанию отца, которому была предсказана гибель от руки сына, был брошен младенцем в горах. Спасенный пастухом, он, сам того не подозревая, убил отца и женился на своей матери, став царем Фив. Узнав, что сбылось предсказание оракула, полученное им в юности, Эдип ослепил себя. Миф об Эдипе разрабатывался в мировой литературе (Софокл) и психиатрии (З. Фрейд).

Орфей — в греческой мифологии фракийский певец, сын музы Калиопы.

с. 419. Генерал Агамемнон — в «Илиаде» царь Микен, предводитель ахейского войска в Троянской войне. Славился мужеством и богатством, отличался властью и надменностью, изнасиловал Кассандру. Зарезан в ванне собственной женой Клитемнестрой.

Микены — древний город в Арголиде (южная Греция), крупный центр эгейской культуры. Ок. 1200 г. до Р. Х. Микены погибли от пожара.

с. 420. Кассандра — в греческой мифологии дочь царя Трои Приама, получившая от Аполлона пророческий дар. Аполлон, отвергнутый Кассандрой, сделал так, что ей перестали верить (жители Трои не вняли пророчеству, предостерегавшему Париса от похищения Елены, что привело к Троянской войне и гибели их города).

с. 421. Яремная — яремные вены (мед.), парные вены, расположенные на шее.

Электра — в греческой мифологии дочь Агамемнона и Клитемнестры, спасительница и помощница брата Ореста, которому помогла отомстить за отца, убив мать и ее возлюбленного. Образ Электры получил развитие в мировой литературе (Софокл, Еврипид и др.).

Орест — в греческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший мать и ее возлюбленного Эгисфа, мстя за убитого ими отца. Миф об Оресте — сюжет трагедий Эсхила, Софокла и др.

с. 422. Истребление женихов — один из финальных эпизодов «Одиссеи»; вернувшийся на Итаку царь из лука убивает претендентов на руку Пенелопы.

с. 424. Одиссей Привязанный — Одиссей приказывает себя привязать к мачте, чтобы безнаказанно услышать смертоносное пение сирен — полуптиц-полуженщин.

«Шаарей Цедек» (ивр.) — Врата Справедливости, больница в Иерусалиме.

с. 431. Евстахии — евстахиева труба (мед.), слуховой канал, соединяющий глотку с барабанной полостью среднего уха.

с. 441. Рувим — производное от херувима.

с. 443. Шмуэль а-Нагид — великий еврейский поэт и государственный деятель, живший в Испании в XI в.

с. 447. Элуд — летний месяц еврейского календаря, приблизительно соответствующий июлю и предшествующий месяцу аву.

с. 454. Василиск — мифический чудовищный змей, убивающий взглядом и дыханием. В средние века его изображали с головой петуха, туловищем жабы и хвостом змеи.

с. 473. Барух (мой) Ата Адонай — Благословен Ты Всемогущий Господь — символ веры в иудаизме, обращение к Богу в начале почти всех молитв.

с. 475. Элохим — Бог.

с. 484. Гермафродит — в греческой мифологии ребенок Гермеса и Афродиты, существо, сочетающее в себе мужские и женские вторичные половые признаки. В мистике и алхимии — дух и элемент магических ритуалов и мистерий.

с. 498. Бранденбуры — шнуры, которыми расшивалась военная и обиходная одежда.

с. 499. Таро — колода европейских карт для гадания.

с. 500. Дактиль — трехсложный поэтический размер с ударением на первой стопе.

Яхве — Бог Яхве (Иегова, Адонай) — центральная фигура иудаизма.

с. 504. Зихроно ле враха (ивр.) — благословенная память, принятая форма поминания в еврейской традиции.

Иетс Уильям Батлер (1865—1939) — выдающийся ирландский англоязычный поэт.

с. 505. Сигизмунд — Зигмунд Фрейд.

...семь городов спорили — спор о месте рождения Гомера (семь городов оспаривают эту честь).

с. 510. Трихомонеллез — инфекционное венерическое заболевание.

с. 512. Гештальт — пространственно-наглядная целостность или культурно-историческая философская общность воспринимающихся предметов.

с. 515. «Меркава» (ивр.) — колесница, тяжелый танк израильского производства.

Прифин — поселок под Тель-Авивом, где находится крупная военная база.

Курс кциним (ивр.) — офицерские курсы.

с. 515. Батальонный рав — в израильской армии (Шахале) существует институт военных раввинов, в чьи обязанности среди прочих входит доставка тел с поля боя.

с.516. «Кобра» — штурмовой вертолет времен Ливанской войны.

Составитель Наталья Коноплева

содержание

М. Вайскопф. Каменные воды	5
«Умру поеду поживать...»	28

книга первая

ПОСЛАНИЯ К ЛЕМУРАМ

«Свидетель полуночного блаженства...»	32
ТЫСЯЧА ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ ГОД	33
«Всадников сокрытолицых усталые кони влекли...»	33
«Итак, мы сидим вокруг стола...»	34
«Сядь, посиди со мной...»	37
ТРАКТАТЫ	42
Бельведер. Трактат о запрете на изображение живой природы	42
Басня о пауке, или рассуждения о предмете поэзии	44
Алгебра ветра	48
Плоды	49
Опыт изображения живой природы	54

ПУТЕШЕСТВИЕ	55
Вокзал «Инферно»	55
Возвращение в Назарет	57
«Давай поедем к низкому заливу...»	59
ВЕЧЕРНЕЕ ПЬЯНСТВО В ХАЙФЕ	61
ПЕЙЗАЖИ И НАТЮРМОРТЫ	65
Вид на крепость в ясную погоду	65
Пастораль	70
Шахматы перед Лицеем. Офорт	70
Пейзаж. Лед, перо	75
Разрушения с птичьего полета	76
Пейзаж с религиозной процессией	78
Лунная ночь в Иерусалиме	80
ОХОТА НА ЕДИНОРОГА	84
«Прекрасноликий — дичь...»	84
Кавалькада въезжает под гостеприимные своды	85
Ужин с участием отравителя их числа охотников	89
Моление об удаче	94
Ночь, когда не поет козодой	98
Бестиарий	102
Толкование сновидений	106
Утро, сельский вид с аллегориями	111
Видение единорога Лилит	115
Гость	119
Кормление собак	124
ПОСЛАНИЯ	129
Послание Анри на случай падения ангела в озеро Кинерет	129

Послание лемурам	134
Послание светлой памяти отечественной словесности	139
Послание вослед N.N., русской поэтессе из Бостона	142

<i>«Серебряная осень Палестины...»</i>	<i>147</i>

книга вторая

СТИХОТВОРЕНИЯ

МИХАИЛА ГЕНДЕЛЕВА. ИЕРУСАЛИМ 1984

<i>«На русском языке последнем мне...»</i>	<i>150</i>

НОЧНЫЕ МАНЕВРЫ ПОД БЕЙТ ДЖУБРИН	151

ИСКУССТВО ПОЭЗИИ	156

Элегия	156

Затмение луны	157

Ода на взятие Тира и Сидона	160

«Стой! Ты похож на сирийца»	163

Простые военные октавы	164

Баллада моста через реку Литани	166

Малое завешание	168

СТАНСЫ БЕЙРУТСКОГО ПОРТА	170

ВАВИЛОН	174

«Снег каменный...»	174

«Тишина такой была...»	174

«Черпай ненасытную пастью...»	176

«Первыми голуби...»	177

«Бык...»	179
«Мария помнишь русла мертвых рек...»	180
«Посмотришь из глазниц...»	181

ВТОРОЙ ДОМ	183
«Император велит записать...»	183
«Он был городом...»	183
«Сначала темнота...»	185
«Смерть и бессмертье два близнеца...»	186
«Тишь в доме моем...»	187
«Никого нет...»	189
«Мне снился сон...»	190

МЕСЯЦ АВ	191
«Со стен отличным был вид всегда...»	191
«В тот месяц Ав...»	192
«Если помнить — то наизусть...»	193
«А месяц Ав полуденный пылал...»	195
«Вести сухим зрачком по позолоте нам...»	195
«Как сладко пел мой рот пустой...»	196
«Под черных радуг низкие мосты...»	197

ВОЙНА В САДУ	199
«Взят череп в шлем...»	199
«В том апельсиновом полуденном саду...»	200
«Так перегной перепахан...»	201
«Из выколотой в несозвездной...»	202
«Мы шли к Дамуру...»	203
«Славную мы проиграли войну...»	204
«Не перевернется страница...»	206

«И раньше подверженный тишине...»	207

книга третья
ПРАЗДНИК

«Приводит Аноним...»	210
НОВЫЙ АРИОН или ЗАПИСКИ НАТУРАЛИСТА	211
«Даже последнюю строку...»	211
«Был добрый покровитель рыбам...»	212
«Белая ночь...»	213
«Я засыпал...»	214
«По смене солнечного диска...»	215
«В воскресенье я всем скажу...»	217
«Как на берег толкнув волну слепую...»	218
БИЛЬЯРД В ЯФФО	219
РОМАНСЫ	226
Романс «Кукла»	226
Романс «Ностальгия»	227
Роман-черновик	228
Малый офицерский романс	230
Романс «Мотыльки»	231
Воровской романс	232
Последний романс	234
ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ	235
«В Эль-Кудсе...»	235
«Когда умирал...»	236
Пта	237
Памятник	238
Сон о цвете плаща	238

Дама с горностаем	240
«Когда зажгут...»	241

В ПЕРВЫЙ ПРАЗДНИКА ДЕНЬ КОГДА	242

ДРУГОЕ НЕБО	249

«И еще о любви...»	249

«У мертвых собственный язык...»	250

«Неба больше чем земли...»	251

«Один когда один...»	253

«...а то еще что видел я...»	254

«На небо я смотрел...»	256

«Стоящий на открытом месте...»	257

ОТ АВТОРА	259

<i>«Переписка моя с судьбой...»</i>	<i>277</i>

книга четвертая

В САДАХ АЛЛАХА

<i>«Жизнь твоя разная птичьими буквами ангела...»</i>	<i>280</i>

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ МАРШ	281

КОЛЫБЕЛЬНАЯ С ВИДОМ НА НЕБЕСА	288

КАФЕ «ИПРИТ»	295

Мотылек-2	295

Эпиталама	296

Доктор Лето	300
Сентябрь восемьдесят второго года	302
Ораниенбаум	304
Танго цветов	307
Армянская баллада	309

ПРИВОКЗАЛЬНЫЕ СТАНСЫ	311

СОБАЧИЙ ВАЛЬС нового тысяча девятьсот девяносто седьмого года	318

ПЯТЬ РОМАНСОВ для г-жи К.	325
Полет совы	325
Монгольский романс	327
День Ангелов	329
Большой романс каменного стола	333
Разбор полета	336

ТРИУМФАТОР	340

<i>«Похоже пес верней сука...»</i>	361

книга пятая

ЦАРЬ

<i>«Что жизнь мучительная...»</i>	364

ПРОДЛЕННЫЙ ДЕНЬ	365

ПАМЯТИ БРОНЕНОСЦА	372

По направлению к Миссолунги	372

Фрагмент Героя	377
Романс «Диоскуры»	378
Пятнадцать негрят	381
Самоволка из Хаима Гури	387
СВИДАНИЕ В КОРИНФЕ	391
СЕСТРА-СОБАКА	397
ЭЯ	402
КЕРАМИКА	410
К амфибии	410
Черный мед Орфей тополиный пух	412
Орел	416
Кассандра. Реконструкция	419
Итака. Истребление женихов	422
ОДИССЕЙ ПРИВЯЗАННЫЙ	424
«Изрядная коллекция...»	437

книга шестая

УРОКИ СИММЕТРИИ

«Говорили мне...»	440
МАГНИЙ	443
ТЕКСТ	450

ПОЧТА ИЗ КРАКОВА	456
ГИМН	469
ОСЕННИЕ УРОКИ СИММЕТРИИ	476
«Ну Готеню ну...»	476
«А когда я тогда...»	477
«Чего я так...»	478
«А ведь даром...»	480
«Хрусталик навели...»	481
«И подобие и образ...»	483
«Заря какая...»	484
АТЕЛЬЕ РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ	485
ПАЛАТА МЕР И ВЕСОВ	490
Содержание	490
Любовь	491
Война	493
и Смерть	495
Джокер	498
<i>«Она собой представляла помнится...»</i>	<i>501</i>

книга седьмая

ЧЕРНОВИКИ РОМАНА

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ, СОСТАВЛЕННОЕ ИМ САМИМ»

«Михаил бен Шмуэль...»	504
«У мальчика в детстве дайте ре минор...»	505

«Года в три...»	506
«Наш активист в школе не успевал...»	507
«Взял бы да спал сном гримасничая к стене...»	508
«На переднике П. соски фальцет переводил в сап...»	509
«Про всадников сокрытолицых...»	510
«Не любил...»	511
«А любил...»	512
«И мне поставили город на четырех столбах...»	513
«Ибо если я...»	514
«Вот и резервист Асаф (Сева) Энгель...»	515
«А имелось в виду...»	516
Послесловие автора	517
Л. Каис. Краткий библиографический очерк	523
Н. Коноплева. Комментарии	531
Иконография	
Москва, ноябрь 2002. Фото Т. Танатаровой	2
В действующей армии. Бейрут, сентябрь 1982	148
1992 год. Фото Д. Вилькина	208
Иерусалим, 1997. Фото М. Левита	278
Иерусалим, 1996. Фото Д. Дектора	362
Иерусалим, 1997. Фото М. Левита	438
Иерусалим, 1997. Фото Л. Левинсона	502
Москва, Патриаршие пруды, 2002. Фото Танатаровой Т.	522

Литературно-художественное издание

Серия «Поэтическая библиотека»

михаил генделев
неполное собрание сочинений

Редактор

Лариса Спиридонова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Изд. лиц. № 00985 от 17.02.2000.

Подписано в печать 19.12.2002.

Формат 60×70¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Newton. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 27,3. Тираж 2000 экз.

Заказ № 785.

Издательский дом «Время».

113326 Москва, ул. Пятницкая, 25.

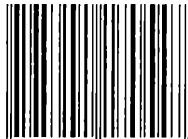
Телефон: (095) 231-18-77.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Качество печати соответствует качеству
предоставленных диапозитивов.

ISBN 5-94117-054-8

9 795941 170547